

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 3 (апрель 2007)

ИЗДАНИЕ

Тамбовского отделения Союза писателей России,
Тамбовского отделения Литературного фонда России

Издание осуществлено за счёт средств
администрации г. Тамбова.

Главный редактор

Николай НАСЕДКИН

Редакционный совет

Валентина ДОРОЖКИНА

Людмила КОТОВА

Евстахий НАЧАС

Лидия ПЕРЦЕВА

Тамбовский альманах. № 3. Тамбов: Изд-во Тамбовского
Т 17 отделения ООП «Литфонд России», 2007. 256 с.

ББК 84Р

ISBN 5-7117-0381-1

Содержание

ПРОЗА

Нина ВЕСЕЛОВСКАЯ. <i>Проводы Пиковой Дамы. Повесть</i>	3
Анатолий КОСНЕВИЧ. <i>Три рассказа</i>	71
Николай НАСЕДКИН. <i>Февраль. Рассказ</i>	84
Валерий КУДРИН. <i>Новые обон. Рассказ</i>	90
Андрей ИСТОМИН. <i>Овсень. Рассказ</i>	98

ПОЭЗИЯ

Татьяна КУРБАТОВА	102
Олег АЛЁШИН	111
Валерий МАРКОВ	116
Лидия КОБЗЕВА	121

ДРАМАТУРГИЯ

Игорь ЛАВЛЕНЦЕВ. <i>Джаз до конца</i>	129
Зинаида КОРОЛЁВА. <i>Об Игоре Лавленцеве</i>	166

ЮНОСТЬ

ДЕТИ СОЛНЦА	168
К. КИЛАМОВ. <i>Выбор. Рассказ</i>	180
Татьяна СОФИНСКАЯ. <i>Стихи</i>	187
Елена ВЛАДИМИРОВА. <i>Стихи</i>	193

КРИТИКА

<i>Три мнения об одном романе</i>	202
Нина ВЕСЕЛОВСКАЯ. <i>Николай Наседкин как зеркало русской релаксации</i>	203
Екатерина ДОНЕЦ. <i>«Хиросима любовная»</i>	209
Александр ТРАПЕЗНИКОВ. <i>О пользе чтения чужих писем</i>	212
Мария ЗНОБИЩЕВА. <i>Проливная нежность</i>	215
Елена ЗАХАРОВА. <i>Поэтический мир Евстахия Начаса</i>	223

ВЗГЛЯД

Аркадий МАКАРОВ. <i>На далёком перегоне</i>	231
Людмила КОТОВА. <i>Рассуждения мыслящего дилетанта</i>	242
Татьяна КРОТОВА. <i>Жил на земле поэт...</i>	247

ЛИТЖИЗНЬ

«Группа 17»: что это такое?	250
Экслибрисы писателей	252
Будни и праздники	253

Нина ВЕСЕЛОВСКАЯ

ПРОВОДЫ ПИКОВОЙ ДАМЫ

Повесть

1

— Погоди раздеваться, отнеси ведро в контейнер. Мусоропровод со вторника никак не пробьют. А эти сверху все сыпят, из дверцы уже валится.

— Отвянь. Не видишь что ли, еле на ногах стою. Сегодня с утра на коньке работал, до сих пор внутри все дрожит, — Вадим решительно содрал с себя брюки и потянулся за линялым домашним трико.

— На фига ты с этой крышей связался! Свалишься — все на лекарства уйдет.

— Свалюсь, лекарства не понадобятся. А где я еще столько срублю? Сама мне этот калым нашла.

— Я же не думала, что там такая возня. Да еще вышотища...

— Ладно, не капай на мозги. А что Ленка мусор не вынесла?

— А где Ленка-то? Ты сам ее часто видишь?

— Слушай, надо что-то с девкой делать. Совсем от рук отбилась. Это она чё, с утра не приходила?

— Да нет, забегала, щей похлебала и обратно. Чего ты хочешь, каникулы, все гуляют, и она.

— Хоть бы книжку почитала.

Нина Веселовская — тамбовчанка в шестом поколении, но родилась в Горьком (ныне — Нижний Новгород), где в это время училась в институте её отец. Окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Работала в газетах Тамбова и Москвы.

Автор книг прозы «Гуляй-зима» и «Катрин», вышедших в тамбовских издательствах.

— Щас! Сам-то ты их много читаешь? Ящик ей уже надоел, если чего, и у девчонок посмотрит. Компьютера нет. А теперь фильмы только на нем крутят, видаки, говорят, устарели. Да не только видаки. Мы для нее устарели. Это я давно поняла. И не ругай ее — совсем от дома отвадишь. Помогает мне со стиркой, с уборкой, и то хорошо. У других и этого не делают. Глянь, может, во дворе стоит, крикни тогда, чтобы за мусором зашла.

Ленки нигде не было. Зато от контейнера к соседнему подъезду странной балетной походкой шла какая-то престарелая дама с высокой прической и несла ведро так, будто бы оно... Короче, не носят так мусорные ведра.

— Зинк, а это что за привидение?

— А-а, это... Пиковая Дама. Вчера в Лидкиной квартире поселилась. Вроде бы ненадолго, а там пес ее знает.

— Ни хрена себе! Она же старая совсем, а в брюках. И ходит как-то не по-нашему...

— Ага, — Зина подошла сзади и уткнулась подбородком в его плечо. — Прямо танго выделявает.

— Скорее вальс.

— Один хрен. Глянь, как она будет с бабками раскланиваться. Видал? Вот и вчера так же. Они потом со своей скамейки дотемна от удивления встать не могли.

— Наших старух удивить трудно. А вот косточки ей перемывали, это точно. А как ты ее назвала? Пиковой Дамой что ли?

— Да. Как-то сразу прилипло. Имя у нее простое, не запомнилось. А это прямо в самую точку.

— Н-да. Так что там со щами? Долго что ли голодом будешь морить? Ладно, пока греются, давай отопру твое ведро, опечалю тараканов.

Дама не понравилась не только подъездным бабулям. Весь дом почувствовал что-то инородное. Одних раздражала церемонная манера здороваться, других — изящные брючные костюмы на весьма ладной для семидесяти с гаком фигуре. Ленка обратила внимание, что туфли у старушки хоть и неброские, но весьма модные, причем из качественной кожи. А загульная Ирма из 32-й как-то ехала с Пиковой Дамой в лифте, принялась и потом долго ахала:

— Ни фига себе! «Шанелькой» балуется! Это ж какие деньжищи! Впрочем, в быту Дама была весьма скромной. Покупала в мага-

зине хлеб и ряженку. Варила борщ, жарила картошку — вытяжка наших пролетов устроена так, что и без волшебного горшочка каждый знает, у кого какой обед. Часто вытаскивала мусор, мыла полы, непонятно зачем прихватывая и половину лестничной клетки. Половики трясла только поздно ночью, чтобы никому не мешать своей пылью. Соседи все это замечали и ценили. Но вот зачем она ходит на пустырь и рвет там ромашки с васильками, никто не понимал. И робкое признание Пиковой Дамы, что любит полевые цветы больше садовых, казалось странным. Здесь было принято держать в вазах шелковые китайские розы, и чем крупнее, тем лучше.

Этим вечером она вновь возвращалась со своим тонким букетиком. Путь ее лежал мимо гаражей, где на скамейке обычно собирался дворовый молодежь. Вовчик только что разучил новую блатную песню и теперь, прикрыв глаза, тянул фальцетом:

— И хлынула кровиха на кове-о-ор...

Дама остановилась. Ребята захихикали.

— Чё, тётенька, не слыхали таких песен?

Она подошла к Вовчику и спокойно протянула руку.

— Дай гитару.

Это было сказано так внезапно и обыденно, что он автоматически протянул инструмент. Хотя наверняка в подобной ситуации не отдал бы его ни отцу, ни учительнице.

— Ты что! — шикнул за плечом кто-то из пацанов, но Дама уже завладела гитарой.

Поставив ногу на край скамейки, она склонилась над струнами, пробежала по ним морщинистыми пальцами, покачала головой и начала подтягивать колки. Ребята затихли. А странная бабуся, быстро настроив инструмент, заиграла вдруг непонятное попури, где угадывалась и «Мурка», и «Раз пошли на дело», и «Гоп-стоп», и что-то малознакомое, но явно пришедшее с нар или из биндюжных одесских кварталов. Дешевенькая фанера то гудела, как орган, то по-скрипичному рыдала. Но продолжался концерт не больше двух минут. После замысловатого перебора Дама вернула Вовчику гитару со словами:

— Настраивай тщательнее, а то слух испортишь.

И уже летит-танцует к дому. Старая, а шустрая.

Ребята обалдело смотрели ей вслед. Ленка очнулась первой.

— Тетенька, вы цветы забыли!

Она подбежала и протянула Даме букет. Но та не взяла. Улыбну-

лась, поправила у девушки прядь волос, и Ленка побрела обратно. Потом сидела, задумчиво трогая васильками свои губы.

— Подарила их тебе, что ли?

— Ага.

Ленка никому не передала слова старухи: «Я тебе их нарочно оставила. Они очень идут к твоим глазам. Тебе этот цвет вообще надо носить. А если ничего такого нет, ищи хотя бы какие-нибудь детали — шарфик, цветок, игрушку. Они все равно синеву выявят». Послушалась ли бабулю или просто по совпадению, но в воскресенье заставила мать купить ей темно-голубую майку. Зинаида так и не поняла, зачем, ведь кремово-розовая совсем еще новая.

А через несколько дней пацаны поймали у контейнеров Рыжую Жанну. Вообще-то она была сначала без имени, просто белая крыса с желто-бурой спиной и яркой оранжевой полосой через голову. Ручная, сама пошла к Виталику, потом стала разгрызать семечки на коленях у Сеньки, потом помогла Наташе доесть вафельный стаканчик от мороженого. Голодная. Кормили и возились с ней несколько часов. Солнце уже село, из окон попеременно высовывались головы матерей, зовущих своих чад к вечерней трапезе, а ребята все никак не могли решить, куда пристроить новую питомицу. Знали, что большинство родителей будет категорически против.

И тут кто-то заметил Пиковую Даму. Первая мысль была — напугать бабу, ведь всем известно, что старые люди боятся таких грызунов... Семен засунул зверька в карман безрукавки, вразвалку подошел к Даме и спросил замогильным голосом:

— Скажите, как вы к крысам относитесь?

— В человечьем облиции или в натуральном?

— Натуральном.

— Диких остерегаюсь. И не только крыс. Даже людей. Они оттого и дикие, что боятся, а потому могут напасть. А если существо идет на контакт, стараюсь подружиться. Дружба никогда лишней не бывает.

— Даже с крысой?

— Почему бы и нет? Я однажды дружила с крысой, правда, недолго. Кстати, с дикой. Но я тогда тоже была одичавшая, и мы хорошо понимали друг друга. Ладно, что у тебя там? — и старуха кивнула на его руку в кармане.

Сенька вытащил крысу. Даму обрадовалась ей, как родной, по-

садила на грудь и стала гладить, словно кошку.

— Лапонька моя, откуда же ты такая Рыжая Жанна взялась? Твоя?

— Не, нашли.

— Сбежала, малышка, от хозяина? А как теперь жить будешь? Серое братство тебя не примет, закусает, ты для них слишком интеллигентна, как и я. Смотрите, не отпускайте, — оглянулась Дама на окруживших ее ребяташек, — а то пропадет.

— Нина Ильинична, — Ленка вышла вперед, — а вы не могли бы ее взять к себе? Наши мамы даже кошек не любят, а уж крысу...

— И что, ни у кого не хотят?

Ребята потупили глаза. А самая маленькая девочка пробормотала:

— У меня черепаха, папа об нее споткнулся и выбросил с балкона. Она жива, я держу ее теперь в коробке, а она ничего не ест...

— Ничего-ничего?

— Девочка помогала головой.

— Это плохо. Без еды и умереть можно. Приноси ее ко мне, посмотрим, может, полечим.

— А вы умеете лечить черепах?

— Я не ветврач, но людям помогать приходилось, а мы не так уж сильно от них отличаемся, — старуха посмотрела на крысу. — Ну что, пойдешь ко мне жить? Только вы тогда, ребята, подыщите для нее какую-нибудь коробочку размером, как от торта, и травки нарвите, тимофеевки. Не знаете? Ну такой — «петушок или курочка», играли? Вот-вот, ее. Да немного. И пару листов от одуванчика — вдруг ей свеженького крысиного салатика захочется.

— А что такое крысиный салатик?

— Да все что угодно: подорожник, лопушок, травка любая. Что захотелось, то и погрызла. Без сметаны и майонеза — им так вкуснее кажется.

2

С тех пор поселилась в квартире на четвертом этаже не только Рыжая Жанна, но и дюжина ребят от шести до семнадцати. Сначала заходили проведать крысу, а потом и просто без повода, поскольку Нина Ильинична, когда была дома, постоянно держала дверь открытой.

Родители вначале не заметили, что опустела скамейка между гаражами и на детской площадке остались одни карапузы. Но ве-

черные поиски детей все чаще заканчивались в 26-й квартире, и это стало вызывать все большее удивление.

Однажды к Зинаиде приехала из деревни двоюродная сестра. Спешила на вечерний автобус и все сокрушалась, что так и не повидала Лену. И Зинаида бросилась разыскивать дочь — явно ведь девчонка где-то недалеко.

Бабули на скамейке сразу показали на знакомый подъезд. И материнское сердце не выдержало.

— Мы для них, видите ли, предки с устаревшими взглядами и вообще ни на что не годимся. А каргу столетнюю в подружки взяли, она, конечно, не устарела!

— Да вы знаете, что там творится! Каким развратам их эта старуха обучает! В карты играют, баб голых смотрят и все такое прочее.

— Ага, это точно. Мишка-то наш теперь котят от рождения различает, кто кот, а кто кошечка. Взрослые не понимают, а его уже эта просветила. А мальчонке восемь лет всего...

Зинаиде стало не по себе. Когда открывала дверь, руки дрожали. Ну если и вправду увидит, что в карты режутся или там вино пьют, выдерет этой Даме ее седые кудри вместе с пучком. Остановилась в темном коридоре, прислушалась. Говорил Олег со своей извечной насмешечкой в голосе. Но куда почтительнее, чем с остальными.

— Нина Ильинична, вот вы сегодня первая поздоровались с нашими на скамейке. Но ведь там большинство моложе вас, разве не они должны первыми?

— Да, ты прав. Но тут есть один нюанс. Когда кто-то входит в комнату, он приветствует первым, даже если там все моложе. И женщина в таком случае здороваается с мужчинами, хотя вначале должны они. Пусть скамейка и не в помещении, но это как бы дворовый клуб. И, входя на его территорию, я желаю здоровья всем членам, независимо от возраста. А еще бытует такое мнение: первым приветствует тот, кто чувствует себя в жизни более воспитанным и более уверенным. Ведь есть форма комплекса неполноценности, когда люди вообще стесняются здороваться. Обычно это бывает, если их в детстве слишком усердно заставляли...

Дама еще долго обсуждала с Олегом, для чего нужно знать этикет, но Зинаида уже не слушала. Почему-то вспомнилось, что Вадим ни с кем не раскланивается. Никогда. Подъездные старухи вна-

чале обижались и даже просили ее повлиять на мужа, но потом привыкли. Это что же он, от комплексов? Да Вадим никого не боится, если чего, сразу в пятак может вписать. Просто разговаривать с чужими не любит, потому и отворачивается, когда кто-то начинает его расспрашивать. Иногда даже спиной встанет и бубнит что-то под нос.

И Ленка эту его манеру переняла. Класная возмущалась, велела родителей вызвать. А когда Вадим пришел и так же к ней повернулся, сразу отвяла. Ну такие мы в семье, при чем тут неполноценность? И вдруг вспомнила, что в последние недели Ленка стала общаться с людьми совсем по-другому: улыбается, в глаза смотрит, с соседками останавливается. Неужели из-за старухи?

Зина решительно толкнула дверь и вошла в комнату. Пиковая Дама сидела перед компьютером в окружении мальчишек, и они что-то показывали ей на экране. Увидев Зину, она сразу встала и двинулась навстречу.

— Добрый день, Зинаида Петровна! Чем могу быть полезна?

Ну и фразочки у этой бабки. И по имени-отчеству знает. Компьютер у нее... Все это так сбилось с толку, что язвительное нападение сразу выскочило из головы, и Зина промямлила:

— Мне бы Лену... Она у вас?

Ленка вышла из соседней комнаты с крысой в руках. Не испугалась, что мать ее тут застала, не удивилась. В глазах восторг.

— Смотри, мам, чему Нина Ильинична Жанну обучила!

Посадила зверька на стол, схватила губную гармошку и заиграла какую-то мелодию. Крыса прислушалась, потом села столбиком и засвистела.

— А еще она у нас по жердочке бегаёт! И по канату лазает за сыром, — наперебой сообщали ребяташки.

Зинаида оглянулась на Пиковую Даму. У той тоже была на губах гордая улыбка, как у детей, — вот, мол, какие мы дрессировщики! Ну ладно, Ленка в свои четырнадцать лет, ну ладно, вся эта мелюзга, но ты-то, карга престарелая, чему обрадовалась? Заняться тебе нечем что ли, или маразм старческий начался?

Вслух Зина все это, конечно, не произнесла. Сказала только про приезд тети Вали. Ленка сморщила нос.

— Надо, Лена, сходи, — кивнула Дама. — Ты же помнишь, что интеллигентный человек боится в жизни только одного...

— ...обидеть другого человека, — закончила Лена.

— Вот-вот. Так что не обижай. Мы еще увидимся.

Ни фигу себе! На мать ей наплевать, а мнение этой старой швабры, стало быть, закон? И еще что-то резануло... Что? Вспомнила уже около их подъезда.

— Так ты чего, в интеллигентны намылилась?

— А тебе что? Может, и намылилась. Вот возьму и поеду в Москву учиться.

— Да откуда же я тебе такие деньги возьму? Или думаешь со своими тройками так поступить?

— А ты хочешь, чтобы я на ткацкую пошла, да? Как ты? — и слезы градом.

Пришлось постоять перед дверью квартиры и вытереть дочери глаза. Потом из коридора в ванную ее, чтобы умылась. Но все равно Валентина заметила.

— Не ругайся с мамой, слушайся ее, она тебе плохого не посоветует.

Зинаида испугалась, что дочь опять разрыдается. Но Ленка уже полностью овладела собой, мило улыбалась, расспрашивала о троюродных братьях и даже принесла им в подарок какие-то жвачки и наклейки.

— Она у тебя гораздо лучше стала, — расхваливала племянницу Валентина, когда они ждали автобуса. — Уже не дичится, смелая теперь, уверенная, даже плечи не поднимает, как раньше. Растет девка!

Зина промолчала.

3

— Слушай, а зачем старухе компьютер? Ну ладно, я понимаю, ребятишки на нем во всякие стрелялки играют, кто постарше фильмы, музыку крутят. Серегина говорит, что сын там как-то чертежи делает. Но карге-то все это вроде ни к чему.

— Да пес ее знает, может, тоже стрелялками балуется, — Верка говорила с трудом, пытаясь отодрать дверцы выброшенной у контейнеров тумбочки.

Зинаида ей помогала. Хорошие дверцы, полированные, как раз к Веркиным антресолям вместо перекошенных из деревоплиты. И к Зининым подошли бы, жаль, раньше не догадалась, тумбочка тут с утра стоит. Вот только больно крепкая, и ножом шурупы никак не отворачиваются.

— А что еще можно делать на компьютере?

— Да не знаю я. Считать можно — во всех сберкассах и бухгалтериях теперь стоят. Печатать, как на машинке. Да много всего, только тебе-то на фига?

— Вот именно, мне ни на фиг. А ей на фига?

— Позвольте, помогу вам. И, кажется, смогу пролить свет на ваши вопросы, — раздался сзади голос Сан Саныча.

Очень кстати мужик. Да еще подошел с отверткой, понял, чего бабам не хватает. Опять возился со своим древним «Запорожцем», непонятно только, как машина у него до сих пор не рассыпалась. Да и хозяин тоже.

Когда-то, еще в молодости, Сан Саныч работал в театре и вынес оттуда такую же дурацкую вежливую манеру разговаривать, как и Пиковая Дама. Нельзя к таким людям всерьез относиться. Однажды увидели их вместе во дворе, весь день ржали — вот пара-то престарелая! Но не получилась у них дружба: у Дамы постоянно труба толченная ребятни, а Сан Саныч — старый холостяк, детей побаивается.

— Компьютер, девочки, такая штука, если на него подсядешь, уже потом никак, словно без рук остаешься. По себе знаю. Так вот у Нины Ильиничны дома в Москве есть вполне современный, она на нем статьи печатает и с сыном переписывается.

— Это как?

— О, лучше всякой почты, лучше телефона. Можно общаться часами. И дешевле намного. А сын у нее во Франции, особо часто туда не позвонишь, кусается, знаете ли.

— Сын в Парижах, сама москвичка, чего же она тогда у нас делает?

— Лидина мать — ее старая подруга — сейчас в очень тяжелом состоянии после операции. Лида к ней перебралась, но работу не бросила, и Нина Ильинична им помогает: с больной сидит, покупает все. А живет пока тут и заодно за квартирой приглядывает. А без компьютера ей тяжело. Я когда узнал, сходил к племяннику и попросил на время одолжить старый — парень себе недавно навороченный купил с плоским монитором. Но этой машине уже десять лет, и у нее есть один недостаток — слабенькая, в Интернет на ней лучше не выходить.

— Слушай, Сан Саныч, ты нас своей умностью не грузи, как были дурами, так и останемся. Лучше скажи, на хрена это бабке-то?

— Я же говорю, Нина Ильинична привыкла. И что теперь с сы-

ном общаться не может, ее очень расстраивает. Я ей, конечно, предложил с моего почту отсылать, но стесняется, раза два всего и воспользовалась. Зашел к ней на днях, она где-то достала модем, просит пацанов поставить ей «Бат» и «Эксплоурер». Они ей объясняют, что у винта емкости не хватит, а она чуть не плачет...

— Чего-чего ей там вставить просит?

Сан Саныч вздохнул, выкрутил последний шуруп и, не оборачиваясь, пошел к подъезду.

— Зря ты его, Зинка.

— А чего они все так с этой старухой носятся? Прямо хрустальная!

Назавтра Зину ждал еще один сюрприз: под подушкой дивана она обнаружила томик Пушкина. Закладка была посреди повести «Пиковая дама». Явно не случайно.

— Лен, ты что, классиками увлеклась? А почему Пушкин? Вы же его в том году прошли. Ты бы лучше «Войну и мир» открыла, у вас в программе.

— А я не по программе, мне просто интересно.

— Пушкин интересен? Ну ты даешь!

— Не читала — не говори. Мишка тут ляпнул Нине Ильиничне, что ее во дворе Пиковой Дамой называют. Она не обиделась, наоборот, посмотрела так мечтательно и говорит: «Куда мне до нее! Анна Федотовна в молодости в Париже блистала, а я туда впервые попала уже после семидесяти — тут уж не поблистаете. А какие у нее были друзья! Сен Жермен! Это же фантастика! Даже на портрет его смотришь — мурашки по спине бегут, а уж два с лишним века прошло, чего только не видели...» Потом Нина Ильинична призналась, что когда-то ей тоже очень хотелось знать три заветные карты. Так же использовать эту тайну только один раз, но потом иногда спасать от гибели безрассудных игроков, у которых уже взведен курок пистолета. А мы стоим, как дураки, ничего не понимаем и только просим, расскажите да расскажите. Нина Ильинична сморщилась: пересказывать красивые произведения, говорит, все равно, что музыку. Повесть маленькая, за какой-то час прочитать можно. Лучше, говорит, я вам о Сен Жермене... Ты-то хоть знаешь, кто это такой?

— А он мне нужен?

— Да тебе вообще ничего не нужно!

И в дверь. Да еще хлопнула так, что над притолокой посыпалось. Иди-иди, можешь не возвращаться. Зина села, положила голову на стол и заплакала.

4

— Зинка! Выключай свою бразильскую херню, бежим реальное побоище смотреть! Верка щас Пиковую Даму убивать будет! — Галина аж вся раскраснелась в предвкушении.

— Чего случилось-то? — Зинаида впопыхах никак не могла втиснуться в туфли. — Не похоже на Верку, она вроде самая из нас тихая...

— Будешь тут тихая, когда ее Аська в старухиной квартире с Виталькой трахнулась!

— Ни фиги себе! Я б за такое тоже каргу прикончила!

У дверей 26-й целое столпотворение, два подьезда собрались. В прихожей вообще не прогиснешься. Но Галина — баба шустрая, ухватила Зину за руку и поволокла за собой. Сколько ног они отдавили и сколько получили тумачков! Но в результате очутились-таки на кухне — основной арене действия.

Большая кухня у Лидки, просторная, и мебели мало. Оттого и влезла сюда такая хренова туча народу. Нина Ильинична стоит у окна, спокойная, ни малейшего напряжения или страха, разглядывает соседней с неподдельным интересом, как экзотических животных. Перед ней плотная стенка ребятишек, будто штрафной в старуху кто-то пробивать собирается. Причем спереди мелюзга, а кто повыше — по бокам, но лица у всех решительные. Готовы за бабку костями лечь, и некоторые даже вооружились расписными скалками и мялками. Неужели всерьез могут опустить их на головы своих родителей?

Враждующие стороны разделяет шаткий обеденный столик, поставленный торцом к стене. В узком проходе между этим столом и холодильником стоит Сан Саныч, собирается принять на себя первый удар толпы. Но нападающие еще не дозрели. Только Верка что-то слишком быстро распалается. Многие еще толком не уразумели, в чем дело, а она уже голос сорвала. Не хватит ее так надолго. Аська, виновница скандала, вздрагивает от каждого нецензурного слова матери и все крепче прижимается к груди Виталика. Они забились в самый угол у окна за спиной старухи, но на них почти не

обращают внимания. Основная битва — пока словесная — между Веркой и Пиковой Дамой.

— Ты что же, старая ведьма, не знала, чем они тут у тебя будут заниматься? Не знала, да? Отвечай!

— Догадывалась.

Непрощенные гости угрожающе загудели. Еще пара таких ответов, и начнется.

— А ты знаешь, сколько им лет? Девочке семнадцать только через два месяца стукнет, школьница еще, пацан всего на полгода старше. Они несовершеннолетние! Дети еще. Де-ти. Тебя, суку, за сводничество судить будут! За совращение! Вот сядешь на нары, тогда поймешь...

— Нарамы меня не испугать...

Но ответ старухи мало кто расслышал — Верка захлебнулась возмущением и зашла в кашле. Пока искали стакан и подавали ей воду, пока ставили стул и она усаживалась, пока пила и пыталась отдышаться, у входной двери раздался нечленораздельный рык, в котором, впрочем, угадывались знакомые непечатные корни. Толпа испуганно расступилась, и в кухню ввалился Стас — рыжий и ражий брат Ирмы с верхнего этажа.

Он вцепился синими от наколок пальцами в край стола, наклонил его в сторону старухи и решительно, радостно сообщил:

— Ну все, доигралась, курва. Читай отходняк. Я не шутить прихожу.

— Славик, не надо! На кой ляд тебе чужие дела, сами разберутся! Ты же на воле почти не побыл, — запричитала Ирма, хватая его за руки. Но Стас, он же Славик, шевельнул плечом, и она отлетела к двери. Ряды нападающих заметно поредели, бойцы отступали молча, даже Верка затихла — все знали, что Стас действительно не любит шуток. И вдруг в наступившей тишине раздался спокойный, сочувствующий голос Пиковой Дамы:

— Мордовская кича? — она кивнула на его татуированные пальцы.

— Ишь ты, знаешь, — ослабил Стас. — Вохрила, что ли?

— Обижает! Как и ты, кичевала, — и дальше произнесла несколько слов, которые никто не понял, кроме недавнего зека.

— Ты? Да еще вон где! Это при Хозяине, что ли?

Дама грустно кивнула. Отодвинула мальчишек, подошла к столу. Стас опустил его, болезненно посмотрел на пацанов:

— Оставьте нас.

— Идите, ребята. А мы пока со Славой посидим, побеседуем.

Он недавно приехал оттуда, где я не была пятьдесят лет. Мне же интересно, что там теперь.

— Лучше Стасом. Славкой меня в детстве кликали, и Ирма вот до сих пор. А вообще привычней — Корень. Там по именам, сама знаешь, не принято.

Дама улыбнулась.

— А я была Левая.

— Левая? Ништяк! Никогда такой не слышал. Левша что ли?

— Нет, это от фамилии. А потом тогда термин был: правые и левые уклонисты. От генеральной линии партии значит. Захочешь, расскажу. Да идите вы, мальчики, не бойтесь. Мы с дядей Стасом хорошо посидим, обижать друг друга не будем. А вы там своих мам успокойте.

— Не бойтесь, не трону я ее. Она ж мне все равно что сестра, — добавил Стас.

— По возрасту скорее в мамы гожусь. Да и то не в очень юные.

— Зона всех братает. А у тебя кто есть?

— Сынок.

— Сколько ему?

— Без году полтинник.

— Да. Старше меня. Это чего, еще кто-то здесь? — рявкнул Стас, и кухонная дверь захлопнулась.

Никто не знает, о чем они говорили. Сквозь рифленое стекло с трудом угадывались темные фигуры. Сидят за столом, вроде бы она его по руке гладит, успокаивает. Вот открыла холодильник, кажется, налила. Зина стояла вплотную к двери, пыталась прислушаться, но разобрала только что-то о сучьях — Стас в этот момент как раз подошел к мойке.

— Обрубка — это же самая гробина! Лучше на пиле.

— Ты забываешь, что у нас бензопил не было. А двуручкой при тридцати пяти... Ты никогда не пилил ею дубы?

— А от топора руки не отваливались?

— Кишки отваливались, не то что...

Они отошли к столу, и опять голоса стали глухими и неразборчивыми.

Зина оглянулась. От толпы в коридоре и комнате осталось меньше десятка. Мелюзгу всю увели родители. Из юного поколения в глубине спальни маячили только Ася с Виталиком и два его друга — на всякий случай. Но страсти уже поутихли. Верка была явно

разочарована. Побойща не получится, коль у старухи такой защитник появился. Да и вообще с ней теперь лучше не связываться. Напрасно только дочь опозорила... От этой мысли Верке почему-то стало так жалко себя, что она залилась слезами.

— Теперь их женить придется, а на кой ляд мне этот нищий? Я мечтала, что Аська найдет себе кого-нибудь с квартирой — Кирилл подрастает, а они в одной комнате... А теперь что? У Виталия с маманей однушка-хрущевка, там не поселишься. К нам? А Кириюху куда? В зал, чтоб мы мимо него ходили? А я еще бабку хотела из деревни забрать...

— Да ладно, Верк, это уж дело житейское. Сами-то как жили? В общаге, по четверо в одной комнате. А сейчас вон зажирели, уж и в проходной не можем.

— Слушай, а чего ты их женить-то решила? Пусть поживут, посмотрят, может, разбегутся скоро. Тебя-то, поди, мать за первого выходить не заставляла, я ж помню, как ты погуляла вначале.

— Да она и не знала про первого. Я ей докладываться не собиралась.

— Вот и Аське твоей не надо было...

— От меня скроешь! — ослабилась Вера и, притянув подруг за плечи, зашептала: — Я как кровь на трусах не в срок заметила, сразу в ванну ее, ну вроде помыться. А там и проверила. Потом кипяток через душ пустила и говорю: «Или ты сейчас же рассказываешь где и с кем, или обвариваю тебе лицо — на всю жизнь калеккой останешься».

— Жуть какая! Я и не знала, Вер, что ты такая садистка!

— Не бойся, Зин, варить я б ее не стала. Хотя, черт те знает, если бы молчала... Но так сразу узнала все подробности.

— А вы не боитесь ее после этого потерять? Навсегда?

Оказывается, старуха уже давно стояла позади и все слышала.

— Если других защитников не будет, никуда не денется. Все равно к матери прибежит, — Верка опять встала в позу нападения.

— Защитники у девочки все равно появятся, потому что нравственная правда на ее стороне. Но это — разговор долгий. Закончить его лучше сегодня, но по-человечески, спокойно, без обид. Предлагаю пройти на кухню, там как раз чайник вскипел. Попьем чайку, выслушаем друг друга. Если у нас разные мнения, это еще не значит, что мы враги.

— И попробуйте только хамить, шалашовки, — вырос за спи-

ной у Дамы взъерошенный Стас, — она мне как мать, поняли? Или чего не доходит?

Но спорить со Стасом никто не собирался.

5

Стол поставили вдоль кухни, а Виталик принес еще тумбочку из зала, так что все разместились. Ребят Пиковая Дама со взрослыми не посадила, включила им компьютер и телевизор. А Аську напоила каким-то отваром, уложила в спальне и велела оставить в покое. Пока собирали чай, девочка уснула.

— Ну что, кто первым будет делиться своими соображениями?

Достала старуха этими дурацкими фразочками. Но кроме Зины, все уже к ним привыкли.

— Давай ты, мать, начинай. По старшинству, — и Стас обвел гостей нехорошим взглядом.

— Хорошо, начну я. Во сколько лет следует влюбляться — вопрос спорный. Обсуждают его люди многие сотни лет, но так до сих пор и не пришли к общему мнению. На одних это нисходит чуть ли не в детстве, на других в зрелости, на третьих вообще никогда... Не будем и мы это сейчас решать — все равно без толку. Будем исходить из фактов: так случилось. Ребята полюбили. Согласна, не вовремя. Но тут уж ничего не поделаешь.

Кстати, отвлекусь на минуту, такое наклеывается не только у Виталика с Асей, но и у других пар, еще более юных. Нет, никаких имен называть не буду. Вы родители, вот и понаблюдайте. И винить тут следует не меня и даже не фильмы, журналы и прочее. Кого? А вот давайте подумаем.

О чем вы чаще всего говорите дома? Об отношениях мужчин и женщин: кто с кем спит или просто прошел, заговорил, поздоровался или отвернулся — все обсуждается при детях. Скабрзные шутки, анекдоты — тема все та же. Песни, что вы поете за столом, — про любовь. Сериалы, что вы смотрите, — все про нее же, родимую. Но это еще было бы полбеда, — дескать, вот он, мир взрослых. Нет, вы детишек с самого рождения окунаете туда же. Грудных держат на руках, показывают друг другу и говорят: «Жених и невеста». Подшучивают так. Только в этом возрасте малыши юмора еще не понимают, а в памяти остается. Потом в школе всякие шутки-дразнилки и от детей, и от взрослых. Натаскиваете ребят на

этот предмет, как охотничьих собак на дичь. И чему потом удивляться...

Я знала семью, где девочку старались ни во что подобное не посвящать. Отца не было, мать не хотела, чтобы дочка повторила ее ошибки. Так вот в доме вообще не говорили на эту тему. Книжки подростковые подбирали с минимумом любовных историй, фильмы сентиментальные сразу выключали, да еще морщились: «Опять про люблюшку». За пианино девочку рано посадили, потом живописи училась. Да, действительно, мальчиками она не интересовалась ни в школе, ни в институте. Хорошо это или плохо? Не знаю. Сейчас ей уже за тридцать, а до сих пор так ни с кем и не встречалась. Боюсь, старой девой останется.

Вашим это не грозит, хотя «про это» можно было бы и поменьше. Но теперь поздно, ребята уже выросли и вполне конкретно сориентировались: каждый подсознательно или сознательно ищет пару. С детства. И надо исходить из этого.

Самыми глупыми в такой ситуации, как у Виталика с Асей, могут быть три родительские позиции. Первая: они еще юны, значит, ничего серьезного, а следовательно, все само собой пройдет, как ОРЗ. Насколько серьезно, родитель может понять, только если чадо ему подробно исповедуется. Но тогда не будет такой позиции — она-то как раз от незнания. Нет, на «само собой» уповать нельзя, в этом возрасте все очень всерьез и очень болезненно. Только спустя годы начинает казаться, что многое в юности было пустяком.

Вторая глупая позиция — «держат и не пущать». Делать это надо было до того. А раз уже пошла влюбленность, преодоление преград ее только укрепит. Вспомните историю Ромео и Джульетты — типичный пример.

Зинаида покосилась, как бабоньки кивают с умным видом. А ведь наверняка, как и она, героев только по именам знают, а про что там...

— ...и уж самое глупое — считать, что если у влюбленных не будет подходящих условий, то этого не произойдет. Вспомните свою молодость, неужели вас это удерживало? Судя по вашим мечтательным лицам, приходят вам сейчас на память всякие пикантные подробности. Не надо их обнародовать, почти у каждого в жизни было что-то такое. Только вот самый первый раз лучше, чтобы всё прошло в нормальной обстановке. Не на скамейке, где одним глазом смотришь на любимого, а другим на дорожку — не идет ли кто. Не в песочнице, чтобы потом момент любви на всю жизнь ассоцииро-

вался с воткнувшимся в ребра совочком и запахом кошачьих сюрпризов.

— Может, я тут не права, по себе сужу, но мой первый опыт был получен в постели с очень хорошим, умелым партнером. И хоть роман оказался недолгим, я ему за это до сих пор благодарна, а уж без малого шестьдесят лет прошло. Надеюсь, не шокирую я вас таким признанием?

— Да чего уж тут, — неожиданно для себя брякнула Зина, — все же свои.

Верка на нее удивленно оглянулась, но ничего не сказала.

— Так вернемся к Асе и Виталику. Я за ними уже больше месяца наблюдаю. Когда они вместе, ребята просто теряют голову, уже не скрываются, и такое поле юной чистой страсти, что даже я, старуха, ощущаю. Кстати, и другие подростки это чувствуют, и, заметьте, никаких насмешек, как над Леной с Вовчиком, понимают, что это настоящее...

— Как, Лена? Моя Лена? — у Зины перехватило дыхание.

— Успокойтесь, Зинаида Петровна, там пока больше игры во взрослых. Хотя во что перерастет со временем, трудно предсказать.

— Вовчик! Да я эту шпану...

— Давайте вы ко мне завтра к вечерку заглянете, поговорим по душам. Может, что и посоветовать смогу, как-никак сколько лет с такими работала.

— А где вы работали? — подала голос Галина.

— Ой, много где. Больше всего преподавала литературу. В школе и вузах. Последние годы — в консерватории.

— Литературу?

— А вы думаете, музыкантам она не нужна?

Но Зинаида уже ничего не слышала. Ее Ленка, дитё, кровиночка, и этот мерзкий Вовчик с сальными патлами, раздолбанной гитарой и вечным запахом канифоли. Паяет что-то, лепит какие-то звуковые установки. На кой черт!

Зина вдруг почувствовала, как все притихли, хотя голос Дамы звучал все так же размеренно.

— ...и тут я поняла, что это случится с минуты на минуту. Не хочу описывать подробности, но ребята уже были вне нашей реальности. И мне стало безумно жаль Асю и Виталика, что для них обретение друг друга на всю жизнь будет связано с заплеванной окурками нишей у распределительного щитка.

Что я сделала? Схитрила. Вынула из связки нужный ключ и спрятала в карман. На кольце был еще один, который входил в замок, но не поворачивался. Долго щелкала им, кряхтела, вздыхала, пока ребята не выглянули из-за щитка. Увидела их, обрадовалась. Горе-то у меня, дескать, какое — замок сломался. Надо в починку сносить, а как квартиру открытой оставить? Ася, а не могли бы вы у меня посидеть, пока к мастеру схожу? Заодно, Виталик, ты мне его и вывернуть поможешь.

Предложила им послушать музыку, чтоб не скучно было. Вывалила на стол гору кассет. Пока Ася в них рылась, мы с Виталиком возились с замком. А напоследок я ему открытым текстом сказала: «Закройтесь изнутри на щекодку. Чистая простыня в шкафу на верхней полке. Там же полотенце, если захотите принять душ. И не суетитесь — меня долго не будет».

Умный мальчик, смутился, благодарить начал, извиняться. Я успокоила его, что ничего плохого они не делают и что все через это прошли. По-моему, он удивился. А уже на лестнице спросил, стоило ли замок-то снимать? Я усмехнулась, что лишняя смазка механизму не повредит. Ася про наш разговор, по-моему, так и не узнала...

Повисло долгое молчание. Верка катала шарики из черного мякиша и упорно не поднимала глаз. Дура-баба, когда надо было тихо разобраться — скандалила, когда надо говорить — молчит. Зине очень хотелось вырвать у нее из пальцев очередной шарик и дать по шее или хотя бы матом послать. Вот только перед Дамой неудобно.

6

— Наверно, вы правы, — Ирма задумчиво потянулась за сахаром. — Я бы тоже могла так сделать. Но не сделала и не сделаю. Почему? А вот чтобы таких разборок не было. Не боюсь, но не настолько я этих мелких люблю, чтобы себя под удар. Что поделаешь, не принято у нас такое.

— Чтобы стало принято, кто-то должен совершить это в первый раз и, кстати, поставить себя под удар. И вообще, в любом деле кто-то должен стать первым. Я это уже давно поняла.

— Уж не там ли?

— Да, наверно, там. Хотя и в детстве еще приходилось вызывать огонь на себя. А уж на зоне...

— А в детстве-то как? — перебила Ирма.

Дама улыбнулась.

— Помню, был у нас в школе некрасивый случай, классе в девятом, кажется, учились. Девочка заиграла у подруги какую-то книгу. Своровала. Ничего особенного в этом не было, и другие такими вещами баловались. Но комсорг наша решила устроить судилище, изгнать преступницу из комсомола, а может, и из школы. Бдительность, так сказать, проявить. Шум стоял уже неделю. Заметка про ЧП в стенгазете, полная обструкция...

— Чего?

— Не разговаривал, значит, никто с провинившейся. Девчонка была на пороге либо самоубийства, либо дурки. Я уже на это смотреть не могла. И вот в самый пиковый момент торжества комсомольской справедливости на собрании беру я слово и начинаю речь в ее защиту. Подготовилась изрядно, сыплю цитатами из Виктора Гюго, что ни за одно преступление нельзя назначать казнь, потому что преступник и так уже мучается от содеянного да еще от ожидания наказания. А исключение — это и есть гражданская казнь. И все такое. Сейчас вспомнить смешно: на дворе сорок седьмой, только что были нюрнбергские виселицы, расстрелы у нас по всей стране, не говоря уж о переполненных лагерях. Не гражданские казни, а вполне реальные. Но мои оппоненты об этом не вспомнили — Гюго был все-таки для нас авторитетом, «Собор Парижской Богоматери» все читали.

Спор, конечно, разгорелся нешуточный. Они мне про принципиальность, я им, что комсомол должен воспитывать своих членов, а не выбрасывать их за малейшие провинности. Тут уж мнения стали разделяться, вспомнились и другие проступки наших девчонок... Виталик, Олег, да заходите сюда, я же вижу, вы давно под дверью подслушиваете. И правильно, хоть узнаете, что такое комсомол. И Семен с вами? Давайте садитесь, еще в зале стулья возьмите.

Так вот, кипятились они часа четыре. А когда выдохлись, вспомнили про эту несчастную Тамарку, вынесли ей побыстрее выговор и разошлись. То есть дали девке и школу окончить, и в вуз поступить. Но потом мне это аукнулось: когда шло следствие по моему делу, комсорг наша в райкоме работала и отомстила по полной программе.

— А за что вас посадили?

— За антисоветскую пропаганду. Знаменитая статья 58-г. По ней

тогда десятки тысяч сидели. Почему именно я попала? За отчество. За фамилию. И за вредных для народа членов семьи. Впрочем, это надо объяснить.

Вы знаете меня как Нину Ильиничну, но по паспорту я — Нинель Ефимовна. Между тем отца моего действительно звали Ильей. Был он командиром полка, истовым коммунистом и, как сейчас бы сказали, фанатом Ленина. Собирал о нем все, только портретов вождя в комнатах было больше десятка. Мечтал, что родится сын, он назовет его Володей, и получится маленький Владимир Ильич. Но родилась я. Долго думал, какое имя мне дать, и выбрал Нинель — Ленин, если читать наоборот. Но я его очень не люблю и обычно представляюсь Ниней.

В тридцать седьмом году во время чисток в армии... Впрочем, стоит ли об этом рассказывать? По-моему, и так уже все догадались, что случилось с моим отцом. Теперь мы все догадливые, а тогда мама каждый день ждала, что папу не нынче-завтра отпустят, вот только разберутся... Но однажды пришел полковой врач Ефим Матвеевич Леви и сказал, что отец расстрелян, а ей надо срочно уехать, потому что жена врага народа тоже подлежит... Но и об этом нет смысла говорить — кто сейчас не знает, что с ними делали. Ефим Матвеевич отвез маму в дальний гарнизон, где заключил с нею брак — шаг по тому времени исключительно смелый. Более того, удочерил меня, и так я стала Нинель Ефимовна Леви.

Возможно, нас это тогда спасло. Во всяком случае дало двенадцать лет относительно спокойной жизни. Хотя какой уж тут покой: война, отчим — главврач крупного госпиталя, мама работала там же в лаборатории, дома только и говорили, что о сепсисах, гангренах, ампутациях. Но в сорок девятом стали сажать врачей и евреев. А Ефим Матвеевич был и тем, и другим. Да еще незадолго до этого ездил в Европу, встречался там со светилами. Статья — шпионаж. По ней приговор приводили в исполнение на другой же день.

Однажды мама понесла ему передачу и не вернулась. Я искала ее, заявляла в милицию — все безрезультатно. Только через два месяца совершенно случайно узнала, как мама ушла из жизни. Три женщины в очереди к окошку услышали, что их мужьям передачи уже никогда не понадобятся. Они подошли к стене этого старинного острога, сели на сугроб, и мама по-братски поделила содержимое флакончика, который постоянно носила с собой. Мучились недолго — мама была хорошим химиком. Потом их занесли в ворота тюрьмы...

Почему-то она считала, что таким образом уберезет меня от ареста. Но через три месяца в коридоре литинститута появились люди в штатском, правда, с характерной выправкой, и я сразу поняла: за мной. Обиднее всего, что из-за отчества и фамилии я по всем их бумагам проходила как еврейка, хотя во мне нет ни грамма этой крови.

— Это вы там на преподавателя литературы учились? — спросила Галина.

— На писателя! — усмехнулась Дама. — Вы никогда не слышали, что такое Литературный институт? О, это единственный в мире институт, где учат быть писателями и поэтами. Горький его создал. Хотя можно ли этому делу научиться — вопрос сложный: одни и без него хорошо пишут, другие и окончив его не могут. Но поступить туда трудно, многим хочется. И отбор очень строгий. Я была на седьмом небе, когда меня зачислили. Но, как оказалось, ненадолго.

В лагере из нашего лита было пять человек: кроме меня, еще две студентки, но уже со старших курсов, и две преподавательницы. А вообще специалистов-литераторов около трех десятков: из университетов, пединститутов, редакций, издательств и прочего. Художниц, музыкантов — куда меньше, актрис вообще всего две. Из творческих профессий мы тогда считались самыми вредными.

— А в лагере только политические были? — подал голос Сан Саныч.

— Если бы! Обязательно разбавляли уголовниками, чтобы жизнь медом не казалась. Но у нас эти воровки-мошенницы были довольно тихими и в большинстве своем еще более несчастными, чем мы. На кого-то начальство недостачу повесило, кто-то набил карманы колхозной картошкой. А одна вообще с войны сидела за опоздание на работу — вкальвала на военном заводе, а там с этим строго, чуть ли не саботаж или диверсию на нее повесили.

Настоящих, как сейчас бы сказали, отмороженных у нас было десятка полтора на весь лагерь. Держались они особняком, с нами почти не общались и погоды не делали. И это было плохо. На зонах, где сидело много рецидивисток, начальство так не зарывалось — эти девки хорошо знали законы и умели за себя постоять. А здесь раздавленные крестьяночки, работяги да интеллигенция...

— И стоять за них приходилось вам? — усмехнулась Галина.

— Как вы догадались, Галина Павловна?

Надо же, и эту по отчеству знает. Откуда? И главное, зачем ей это надо?

— Ну вы говорили, что приходилось вызывать огонь на себя. Да и вообще, судя по вашему характеру...

— Старалась я поначалу, ой как старалась не высовываться. Ничего не получалось: сразу по глазам все видели, что у меня внутри происходит. А мне это было совсем ни к чему: многие на меня косо смотрели, считая еврейкой, а евреи за свою не держали. Понимали, русская я и по крови, и по духу, ни расчетливости тебе, ни умения приспособиться... Но когда я пару раз попала в карцер, защищая девочек, сразу стали иначе относиться. Всем нужны дуры, которые собою других закрывают.

Особенно тяжело в конце было, когда после смерти вождя начались пересмотры дел. На нас бумаги реабилитационные приходят, но начальник лагеря их в стол, а девочек — на самые гробовые участки. Больной был человек, считал, что после Сталина к власти пришли враги, американцами купленные, и теперь выпускают политических, чтобы страну погубить. Однажды нам пришлось устроить бунт. Просто, чтобы выжить, чувствовали уже ветер свободы. Только я тогда с ветром свободы и дыхание смерти ощутила. Но об этом когда-нибудь потом расскажу.

— А сейчас нельзя? — голос у Олега стал какой-то незнакомый, не только без насмешки — даже с надломом, будто слезы в нем отдавались.

Зина оглянулась на мальчишек. Они сидели совсем не похожие на себя. Во, расчувствовались парни, будто о сталинских лагерях не знают. И вдруг ее резануло: а ведь и вправду, по ящику об этом все реже говорят, Солженицына еще не проходили, а учителя несут каждый свое, историк вон у Ленки вообще перед Сталиным преклоняется...

А Нина Ильинична спокойно выполняла Олежку просьбу.

— Это был совсем новый карцер, о нем ничего еще не знали. Но из троих, кого туда отправили, в барак ни одна не вернулась. Меня втокнули в полуподвал. Ни нар, ни табурета, ни даже клочка соломы — сплошные каменные стены и пол, только в углу остатки какой-то разломанной перегородки. Наверху забитое кривыми досками окно без стекла, оттуда дует ветер. Все вокруг в инее. На дворе было около двадцати мороза, здесь десять-двенадцать. А начальник конвоя приказал мне снять телогрейку с шапкой и забрал их. Когда дверь захлопнулась, я поняла, что вместо трех дней смогу

протянуть здесь от силы три часа.

Последнее, на что хватило силы в замерзающих пальцах, — отодрать доску от перегородки. Легла на нее, знала, что на каменный пол нельзя, хотя уж тут, казалось бы, какая разница...

Я уже отключилась, когда меня кто-то начал трясти. Открываю глаза — охранник, молодой такой, глазастенький. Трет мне лицо, руки, спину. Потом накинул на меня старый бушлат и вытащил из-за пазухи фляжку со спиртом.

— И вы пили?

— Конечно, Сеня. Жить захочешь, не только спирт, керосин выпьешь, или что еще похуже. Обожгло, конечно, но и прогрело изнутри. А парень этот еще и ящик мне шаткий приволок — не лежи, говорит, сиди на нем и не к стенам, а к деревяшкам спиной приваливайся. Поставил около перегородки... Утром, говорит, ящик спрячь за нее, а бушлат я заберу. Ты тогда, говорит, ходи, двигайся, легче будет, надышишь, да и днем теплее, а к ночи, если доживешь, что-нибудь придумаю, может, снова тебе бушлат подкину, хоть смена и не моя...

Хлеба дал. Царский, оказывается, подарок, таким смертницам его замерзшим приносили с ледяной водой, хотя он вряд ли им к утру и нужен был. А тут мягкий, мне он даже теплым показался. Съела почти весь, чуть-чуть только про запас оставила. Спрятала за пазуху, но только задремала, чую, кто-то к моей корочке подбирается. Помнишь, Сеня, я тебе говорила, что однажды с крысой подружилась? Вот это она и была. Отщипнула я ей кусочек, больше, говорю, не дам. Она уволокла и словно поняла мои слова, больше не просила. А к утру я почувствовала, как у меня подолой что-то шевелится. Приползла, бедолага, тоже тепла хочется.

Наутро начальник конвоя был очень удивлен моим бодрым видом. Хожу из угла в угол в одной робе, руки под мышками грею. Промыкалась так до вечера. А к ночи мой спаситель опять мне бушлатик притащил, да еще горячего чая с хлебом. А мороженный кусок я почти весь серой подружке скормила.

Просидела я там вместо трех дней полтора. На второе утро Петя только успел бушлат забрать, прибегает взмыленный начальник конвоя, смотрит на меня, как на привидение, шупает пульс и отдает распоряжение — срочно в лазарет. Очень вовремя — пневмония у меня уже созрела, да по-другому и быть не могло. Но жива осталась. А перес... гм, перепугались они там все не на шутку. Как ни

скрывали, вести о нашем бунте и расправах как-то выползли за пределы зоны. Может, и нарочно кто из охранников донес — перед новой властью тоже выслуживались. Только понаехали товарищи с проверкой, нашли у начальника лагеря припрятанные приказы, хотели под суд его. А он как понес про империалистических прислужников в правительстве, почесали товарищи затылки да отправили нашего главного в дурку. Говорят, так и не вышел из нее.

Интересное продолжение было у этой истории. Работаю я в конце семидесятых в консерватории, принимаю вступительные экзамены — как раз консультация перед сочинением прошла. Иду по коридору, и вдруг что-то очень знакомое в сутуловатой фигуре, и покашливание какое-то специфическое. Здравствуй, говорю, Петя! А он меня, ясное дело, не узнает, видел-то зечку подышающую, а тут мне хоть и к пятому десятку подходило, я была еще очень даже ничего. Помнишь, говорю, как ты бушлатиком и спиртом девчонку в карцере отогревал? А он уж и вспоминает с трудом — я не одна у него такая оказалась.

Но зона не только зеков калечит. Подхватил там Петя туберкулез, отгяпали у него легкое, а процесс все равно до конца не прошел и время от времени обострялся. Образования у него не было, на тяжелую работу не брали, сидел на вахте за какие-то гроши. Женился на нашей зечке, помню, за халатность срок мотала — у нее в детсаду во время прогулки ребенка украли. Жили тяжело, единственная радость была — сынишка, очень талантливый виолончелист. Но образование получал в провинции и явно не тянул на консерваторский уровень.

И пошла я тогда в первый и единственный раз просить за абитуриента. Долго уговаривала профессора взять его в свой класс. Но мальчик оправдал мои надежды, закончил блестяще, стал лауреатом конкурса, а в начале девяностых уехал во Францию. Кстати, и моего сына сманил — они дружили все студенческие годы. Скоро поеду туда, навешу Юрика, родителей его уже давно нет в живых, может, в чем-то замену ему старшее поколение. Такая вот история о бушлатике...

— А может быть, лучше было бы не бунтовать? — спросила Ирма.

— Дура ты... — зарычал Стас.

— Без бунта не было бы той проверки. Неизвестно, через сколько времени попал бы в психушку наш хозяин и сколько могил на-

ших девчонок еще появилось бы на дальних командировках.

— Каких командировках?

Стас шумно вздохнул и пошел пить воду из-под крана.

— Что такого, Стас, не все знают. Это дальние участки вырубок среди леса, иногда на островах. Зеки там живут. Так сказать, свои микрзоны, со своим конвоем, своими нормами и законами. Обычно самыми суровыми. Беспредел там иногда бывал такой, что...

— И что же нам теперь делать?

Поначалу никто не понял Веркиного вопроса. Все уставились на нее, а она сосредоточенно смотрела в наклейку с Барби на углу холодильника. И вот потихонечку стали вспоминать, что собрались сюда совсем не для лагерных мемуаров Пиковой Дамы, а для выяснения отношений. Виталик и Ася. Ведь именно их судьба всех волновала, а теперь об этом помнит одна несчастная Верка.

— Простите, Вера Николаевна. Я понимаю, многим интересно, но это было бестактностью с моей стороны — предаваться воспоминаниям. Не сегодня об этом надо было рассказывать. Виновата. Что делать? Прежде всего не ругать. Ах да, пардон, молодые люди, мне кажется, вы очень хотите посмотреть в зале телевизор. Мы сейчас будем говорить о вас, так что не обижайтесь.

Итак, не ругать. Ни сегодня, ни после. Ася и так травмирована нынешним скандалом. Лучше вообще на эту тему как можно дольше не говорить. Сегодня пусть переночует у меня. Завтра — будет видно. Если упорно не захочет идти домой — не просить, не заставлять, пусть погостит у подруг, у родственников. Время лечит. Рано или поздно она вернется, но прежнее доверие восстановить будет очень трудно. Попробуйте действовать через Виталика, он чувствует себя перед вами в какой-то степени виноватым и скорее пойдет на контакт. Только никаких упреков ни ему, ни Асе. Любое нападение с вашей стороны поставит их в оборонительную позицию, а военные действия вам совсем ни к чему. Вам нужно взаимопонимание. Вот и пусть это понимание начнет идти от вас.

— И откуда вы так все знаете? — в голосе Верки опять появились язвительные нотки.

— Ну дура! — замотал головой Стас.

И тут Зинаида не выдержала:

— И правда дура. Ты и так дров наломала — полжизни разгребать придется. Но если не угомонишься, Аська вообще уйдет, и ты ее не удержишь. С концами. Кстати, она достаточно совершенно-

летняя для этого, и паспорт есть. Укатит куда глаза глядят, что будешь делать? Нина Ильинична тебе дело говорит, а до тебя не доходит...

— Интересно, когда с твоей Ленкой это случится, что ты запоешь?

— Ну уж явно не твои песни!

Зинка глянула на Пиковую Даму. Старуха улыбнулась.

— Вот это и называется, Зинаида Петровна, перевести огонь на себя. Кстати, хорошее качество.

— Ничего, не обожжет, — парировала Зина, — мы обожженные. Вернее, прожженные.

— О великое искусство русского каламбура! Как приятно слышать это из ваших уст, Зинаида Петровна! Честно говоря, я вас представляла несколько другой.

«Я тоже, кажется, другой себя представляла», — подумала Зина, но вслух ничего не сказала.

7

Назавтра она подошла к 26-й и долго не решалась войти. Почему-то после вчерашнего вечера она стала робеть перед Пиковой Дамой. Да и чего там советоваться по поводу Ленки? Понятное дело, опять скажет: не ругать, пронаблюдать, направить на путь истинный. Если бы только девка слушалась...

— Здравствуй, тетя Зин!

Кто-то из мелюзги, кажется Мишка из их подъезда, только вытянулся за лето, не узнать. Стал позади, ждет, когда она войдет в квартиру, дорогу уступает. Зина вздохнула и потянулась к звонку, но мальчик сунул руку ей под локоть и толкнул дверь. Совсем забыла, старуха обычно не запирается.

Вошла в зал и остолбенела. Вот оно, о чем предупреждали соседи. Сидят вокруг стола, на нем карты, а Дама смотрит какой-то листочек с цифрами. Раскланялась церемонно, извинилась, и опять в бумажку. Потом улыбнулась, протянула ее Семену, потрепала по плечу:

— Нет, больше ошибок не нашла. Будь внимательнее.

И изящный приглашающий жест в сторону Зинаиды, не изволи-те ли на кухню?

Зина села, долго купала в чашке пакетик. Наконец не выдержала:

— Так вы их и вправду учите в карты играть?

Дама усмехнулась.

— Играть они все научились задолго до меня. Кстати, очень немногие друг от друга, в основном родители сами учили ребят подкидному, «очку», и всяким там «пьяницам», «кошкам», «девяткам» и так далее. Так что втихую режутся почти все, некоторые даже на деньги пробовали.

Я же, когда узнала, предложила делать это у меня в открытую. Посмотрела через игру, кто что из себя представляет, поделилась некоторыми секретами и попыталась перевести их на иной интеллектуальный уровень.

Понимаю ваши опасения: вы боитесь, что у них появится синдром игрока, который бывает сродни наркотическому. Да, азартные игры этим опасны. Но совсем без игр нельзя, ведь именно через них у детей развивается наблюдательность, смекалка и прочий букет весьма полезных качеств. Нужно найти некую золотую середину: чтобы играли, но не подсаживались на это до одурения. И тут как раз надо не запрещать, а быть в курсе их увлечений — тогда контролировать легче.

На деньги, я сразу предупредила, у меня играть не будем, только на очки. Для ребят это почти все равно, там пока основной азарт от процесса, а не от выгоды. Показала сразу все приемы, по которым в подкидного можно выиграть даже при плохом раскладе. Это строится на запоминании прошедших карт. Зрительная память от такого упражнения улучшается в несколько раз, им теперь легче будет параграфы учить, особенно если учебник с картинками. Не говоря уж об умении просчитывать. Зачем я это делала? Да мало ли когда в жизни придется в картишки перебраться — на отдыхе, в дороге или еще где. Кстати, благодаря этим навыкам всегда можно примитивного шулера определить. Ну конечно, если специалист... Но они-то как раз редко встречаются.

Так вот, теперь с детишками своими лучше не садитесь — проиграете. А они, став мастерами игры, да еще в окружении таких же мастеров быстро соскучились и захотели чего-нибудь посложнее подкидного и «очка». Тогда я и показала им преферанс, покер — и обычный, и «большой морской» в две колоды, познакомила с вистом и «фараоном»... Короче, устроила небольшой экскурс в историю игр.

— А откуда вы все это знаете? И зачем это вам?

— Лишних знаний не бывает — неизвестно, что завтра может понадобиться в жизни. А насчет карт — и в лагере играть приходилось, когда в лазарете лежала, и на фабрике во время простоев. Висту, «фараону» и покерам меня обучила соседка по коммуналке — интеллигентнейшая женщина из старинного боярского рода, а понтила и блефовала так, что... Вот кто Пиковая Дама, мне до нее далеко.

А еще мне приходилось сталкиваться с карточными играми по работе. Проходим со студентами лермонтовский «Маскарад» и «Тамбовскую казначейшу», «Игрока» Достоевского, да хотя бы ту же «Пиковую даму» — а мы ее подробно изучали, как все произведения, по которым написаны оперы. Ребята пытаются разобраться, в чем суть интриги, то есть суть карточного сражения, а я сама-то не очень понимаю. Пришлось познакомиться со специальной литературой. Кстати, из нее я узнала одну весьма любопытную вещь: самые азартные игры — обычно самые примитивные. Наибольшие суммы проигрываются в кости и рулетку, где и знать-то ничего не надо, можно даже грамоте не разуместь. И наоборот, чем интеллектуальней игра, тем она дольше, тем сильнее радость именно от процесса, а не только от результата. Так что, может быть, я преферансом и покерами прививаю вашим детям некую вакцину от синдрома игрока. Сама-то я этого не увижу, а вы посмотрите, будет ли из них кто-нибудь завсегдагаем казино, или сработает моя прививка.

Зина не понимала многих слов, но общий смысл доходил и удивлял: как это, отучать от азартных игр, научив еще более азартным? Или менее? А почему просто не запретить играть? На всю жизнь. Коротко и понятно. И тут же внутренне понимала, что это как раз никогда не приводит к нужным результатам...

— А не лучше ли, чтобы они чем-нибудь полезным занимались?

— Конечно, лучше! А что вы называете полезным?

— Ну не знаю, что к школе, к программе относится.

— Что, например?

Зина смутилась и промолчала.

— О программе мы иногда вспоминаем, только я никогда этого слова не произношу — оно ребятам уже оскомину набило. А так... на днях, скажем, рассчитали Сан Санычу, сколько ему краски нужно купить для железного гаража. Но это задача для младших. А вот как сделать для Алевтины Семеновны, Лидиной матери, лекарство, по сколько граммов составных взять для 65-процентного раствора

— уже трудности возникли. Я копнула поглубже — многие очень плохо знают химию, причем самую простую. Ваша Лена с числом Авогадро работать не умеет, а ведь это основа большинства задач.

— Чего-чего?

— Вот видите, и вы не знаете. А вам взять учебник и вспомнить было бы куда легче, чем ей самой разобраться. Вы-то все-таки не так давно учили.

— Да чего я, помню что ли?

— Напрасно вы так. Сами же упоминали о школьной программе, хотите, чтобы дочка ее знала, и тут же демонстрируете, что лично вам она безразлична. Где логика?

— Я-то уже школу, слава Богу, окончила. А ей еще учиться, всякие там экзамены, контрольные...

— Школьная программа нужна не только для экзаменов. Это — минимум, который должен знать каждый человек. Вы, взрослые, его благополучно выбросили из головы и чуть ли не гордитесь этим. А от детей требуете... Ладно, бывают семьи, где знания действительно не в почете. Но вам с вашей Леной я бы советовала почаще заглядывать в учебники.

— Почему?

Пиковая Дама пристально смотрела ей в глаза. Потом медленно, словно подбирая нужные слова, начала:

— Ваша девочка сейчас на распутье. Больше, чем кто-либо другой. И если вы этого не поймете, все может получиться куда хуже, чем у Аси с Виталиком... Вообще может быть трагедия и для нее, и для вас.

Зина испугалась не на шутку. Аж в глазах потемнело.

— Говорите... Что случилось? О Боже, ей же всего четырнадцать!..

— Пока еще ничего не случилось и именно из-за возраста. Но она растет... Собственно для этого я и попросила вас прийти...

Дама встала, вынула из бокового ящичка верхней полки пачку «Честерфилда».

— Курите?

— Иногда.

— Я тоже иногда. Вернее, очень редко. И все же предлагаю закурить, поскольку разговор предстоит нелегкий, а это регулирует эмоции.

Итак, вас вчера встревожило, что Лена дружит с Вовчиком. Да-да, пока что дружит, если там и влюбленность, то самое-самое начало. Все еще не запущено, и если мальчик, как я поняла, вам очень не по душе, не поздно принять меры. Вопрос только — какие, и самый главный вопрос — зачем?

Мне лично этот Володя глубоко симпатичен, и прежде всего своей психологической зрелостью, хотя ему и шестнадцать пока не исполнилось. Ершистый парень, колючий, но поговоришь с ним — понятен до доньшка. Переживает, что в семью часто возвращается разведенный отец-алкоголик, а потом ругается с матерью и вновь исчезает на неопределенное время. Мальчик хочет уехать в Москву, устроиться там на студию звукозаписи, зарабатывать деньги, помогать матери, пока сестренка не подрастет. Изучил для этого механику современных микрофонов, колонок и прочих звуковых приспособлений — в такой технике я как раз не сильна. А он уже, можно считать, специалист, даже какие-то ноу-хау разработал.

В институт пока не рвется, понимает, что в семье для этого просто не будет финансов, даже если бесплатно поступит. Но, когда я спросила, чем бы он хотел заниматься в жизни, Володя мне сказал, что мечтает изобрести медленно разряжающийся конденсатор, и тогда будут решены многие энергетические проблемы. Электрический транспорт, электроотопление... Ах да, я вижу, вы не понимаете... Тем более не стоит считать детей глупее себя.

Электричество сейчас переносится либо по проводам, либо через аккумуляторы. Но при зарядке и хранении аккумулятора очень большие потери энергии. Конденсатор же и молниеносно заряжается, и долго держит заряд. Вот только отдает его тоже моментально. «Медленный» конденсатор — это переворот в экономике десятков стран, это... Не знаю, возможно ли технически его создать, но у парня есть мечта. Огромная. Конкретная. Даже если она не реализуется, представляю, как много он может сделать, пока будет к ней идти. Ей-Богу, впервые пожалела, что не имею тысяч десять баксов — ему бы на время учебы хватило, а дальше сам бы оперился и стал зарабатывать. Я почему-то в него верю.

Эту целостность природы чувствует в нем и Лена. И потом она тоже хочет в столицу, но для чего, еще не знает. Девочка тихо ненавидит мир, в котором живет, ей все здесь кажется тупым, бессмысленным, ненужным. Но мечта еще не сформировалась, хорошо, если она примет высокие формы, а то ведь от такой неопределенности

можно и на панели оказаться...

— Какие формы?

— Простите, Зинаида Петровна, я плохо выразилась. Если Лена поставит перед собой цель — стать кинорежиссером, писателем, ученым и снять великий фильм, написать книгу или сделать открытие — это будет высокая мечта. В девяносто девяти случаях из ста такие мечты не реализуются, но пока человек идет к ним, он растет духовно и, если не свернет с пути, в любом случае станет масштабной личностью. Даже без фильма и книги.

А если поставит для себя целью отхватить побольше денег, да еще все равно каким способом, можно дойти... Да что я вам это объясняю, все и так понятно. Главное — цель. А деньги, между прочим, лишь средство для ее достижения. Вот дает Господь человеку кучу денег: исполни свою мечту. А вдруг ее-то и нет. Или кто-то говорит Золотой рыбке: «Хочу машину!» Но машина — тоже не цель, а средство. Средство передвижения. А ехать-то куда? И если не знаешь, если никуда не хочешь, то стоящая в гараже она превратится в грудку никому не нужного металла, пусть даже с очень красивыми сиденьями. Так же, как и деньги без цели — просто бумажки.

— А чем эта цель от средства отличается?

— Цель всегда конечна. Что-то создать: написать роман, изобрести новое лекарство, вырастить ребенка, получить образование. Конечно, можно сказать: написать книгу, чтобы заплатили гонорар, вырастить ребенка, чтобы он ухаживал за тобой в старости. Тогда ребенок и книга превратятся в средства для более далеких целей. Но мы, пока пишем, учимся или растим, чаще всего об этом не задумываемся. Открытие сначала делают, а потом начинают прикидывать, где его можно использовать. И, как правило, думают не те, кто открывал. Вообще, когда создаешь, обычно не знаешь, для чего.

Бывает цель что-то увидеть. Опять же не для чего-то, а просто так. Побывать в Египте или в Риме, постоять в Колизее или в соборе Святого Петра...

У Зины эти полужнакомые названия, как всегда, вызвали чувство, похожее на начало зубной боли.

— ...а может быть, цель и вполне вещной, скажем, купить картину известного художника. Лично мне это не очень-то нужно, а какой-нибудь коллекционер о ней полжизни мечтает. Но покупка ди-

вана — уже не цель, а средство для отдыха.

Цели могут быть мелкие, повседневные, но мы сейчас говорим о больших. Вот какая у вас, Зинаида Петровна, цель в жизни?

— У меня? Цель?

— Ну да. Чего вы больше всего хотите?

— Чтобы моя дочь была счастлива! — вдруг выпалила Зина и даже загордилась собой — как красиво сказанула.

— Прекрасная цель! А как вы представляете это счастье?

— В смысле?

— Сейчас поясню. Вы, наверно, говорите о ее замужестве и обеспеченной жизни?

— Ну да.

— А вы когда-нибудь пытались представить эту жизнь не абстрактно, а в подробностях? Нет? Ну давайте попробуем. Сколько бы вы хотели для вашей Лены детей?

— Не знаю. Ну пусть, скажем, двоих.

— Ага. Значит, счастья многодетной матери вы ей не желаете. А что она, по-вашему, должна делать в жизни: быть домохозяйкой, заниматься творчеством, бизнесом, работать где-нибудь или нет?

— Ну это как жизнь сложится...

— Нет, мы так не договаривались. Вы же говорите о своей мечте, то есть как вы представляете счастье для Лены. Так кто же она в этой мечте: домохозяйка, художница, актриса, бизнес-вумен?

— Не знаю. Если есть деньги...

— Предположим, что есть. Куча. Так кто же все-таки ваша дочь?

Зина лихорадочно перебирала в уме разные варианты. Они взаимно исключали друг друга, в каждом было что-то заманчивое, и каждый как бы не для Лены. Пиковая Дама внимательно смотрела, как эти муки выбора отражаются на женском лице. И тогда Зина ляпнула. Просто чтобы что-то сказать:

— Главное, чтобы муж любил...

— О, Зинаида Петровна, вы не можете представить в будущем собственную девочку, а уже хотите нарисовать ее мужа? Ладно, давайте попытаемся. Человек, как я понимаю, он должен быть богатый. Я вам дам несколько типичных портретов обеспеченных людей, а вы скажете, кто из них подойдет для Лены.

Первый. Удачливый калымщик. В сезон сшибает хороший куш, приходит домой затемно усталый, как черт. С годами становится неразговорчивым и все более требовательным. Отказывая себе в

простых житейских радостях, злятся, когда другие их разрешают. Характер портится, супруг становится все более жадным, требует давать отчет за каждый рубль...

— Не надо продолжать. Это отец Лены. В мужа бы я ей такого не хотела.

— Ладно. Второй. Сынок наворовавшегося директора завода или крупной компании. Ну сам-то директор Лене явно не по возрасту. Итак, сынок. Понты ого-го какие. Хотя в институте ни одной контрольной самостоятельно не сделал — все покупается. Трясет деньгами, обрастает странными друзьями, в основном собутыльниками, гуляет с ними по полной. Периодически ругается с отцом, после угроз на время берется за ум, но вскоре все повторяется. Отец устраивает его на престижную должность, делится опытом и связями, но у сынка нет такой хватки, да и ни к чему ему корячиться — бабок и так на три поколения хватит. Где-то в глубине души понимает, что уступает пробивным предкам, комплексует и сливает всю свою чернуху на близких. Ну а кто ближе жены? Будет постоянно ставить ее на место, напоминать о происхождении, безденежье, недостаточном умении держаться в обществе...

— На фиг, на фиг! Упаси Бог!

— Будь по-вашему. Третий. Занимается бизнесом и, конечно, связан с криминалом. Что он делает и в чем запачканы его руки, жена никогда до конца не узнает. Не узнает, и сколько у него денег. На хозяйство дает то пачками, то копейки — в зависимости от настроения. То же и в любви: то страсть, то чуть ли не ненависть. Очень многое зависит от мнения друзей — жена должна строго соответствовать некоему стандарту модной, красивой женщины, терпеливой и гостеприимной хозяйки. Не дай Бог что-то сделать не так: могут начаться ненужные ухаживания или, наоборот, осуждения. Приходится до утра сидеть, слушать пьяные бормотания партнеров мужа и подавать им на стол. Никогда не говорить, что у тебя на душе, никогда ни за что не ругать, потому что, если вдруг развод...

— Все-все, Нина Ильинична, это не для нас.

— А ведь жизнь-то какая красивая: шикарные особняки, эксклюзивные тряпки...

— Да пропади оно пропадом!

— Еще один вариант. Муж крутит свои дела за границей. Внезапно приезжает с кучей подарков и небольшой, но тяжеленькой

кучкой баксов. Страстная ночь любви, но наутро он уже звонит куда-то по телефону и исчезает. Дела, знаете ли. Все, что не относится к его делам, ему просто скучно. Даже дети...

— Не надо нам такого!

— Гм. Что же вам еще предложить... А, вот для разнообразия восточный вариант. Соседка-гаджичка у меня в Москве о таком мечтала. Кстати, так по своей мечте и нашла. Муж занимается делами, в которые никогда не посвящает свою жену. Ее удел — дом и дети. Денег на хозяйство дает очень мало, почти все покупает сам. Вообще деньги в руки жене попадать не должны — вдруг припрятает что-нибудь и перестанет быть от него финансово зависимой. Это для восточного мужчины — просто унижение. Унижать же может только он: ревновать, психовать, разговаривать свысока. Может отобрать свои подарки... Да, я забыла сказать, все свои ценности женщина обычно носит на себе: золото, камни, дорогие тряпки. Срывать с жены что-то, даже в порыве гнева, не принято. А схватить ее шкатулку и выбросить или от широты души подарить какому-нибудь кунаку — в порядке вещей.

Вот вы сказали пафосно о счастье дочери. Такие отношения на востоке — эталон супружеского счастья. А для русской женщины хуже тюрьмы, хуже того промерзшего карцера — там хоть быстро умирали, а тут годами мучаются. И другие варианты богатой жизни вам почему-то не понравились. А что вы хотите? Чтобы муж принес Лене деньги на блюдечке с каемочкой и при этом не стал качать права? Так не бывает. Кстати, если на этих деньгах кровь или страдания, они будут еще и мстить своим владельцам до седьмого колена. Да как мстить!.. Не догадываетесь, почему сейчас у новых русских так много церебральников и олигофренов рождается? А это пока — самое начало...

А не представлялась ли Лена в ваших мечтах сама себе зарабатывающая, гордая, уверенная в себе? Вот она защищает диссертацию, сворачивает листы, студенты показывают большие пальцы — здорово, Елена Вадимовна, так держать! А в соседнем кабинете уже накрыт стол, и юный муж переполняется радостью за свою избранницу. И пусть костюм у него не менялся со школьного выпускного, пусть гуляет каблук у ботинка — заработают, купят новые. Главное, что их дело доставляет им радость.

Не нравится? А финал премьерного спектакля? Лена с актерами выходит на поклон. Цветы, овации... Лена — журналист, ведет ре-

портаж с места стихийного бедствия, а вы с мужем смотрите на экран, и сердца замирают от гордости и беспокойства. Что вы морщитесь, Зинаида Петровна, все это возможно. Более того, все это зависит от вас. Да-да, именно вы сейчас должны определить, кем хотели бы видеть дочку, и потихоньку ее туда направлять. А в зависимости от этого уже прикидывать, годятся или нет ей для такой цели всякие там «вовчики». Кстати, для мужа актрисы, журналистки, педагога или врача он вполне пригоден. На нового русского точно не потянет, но вроде бы такой тип в роли Лениного супруга вам как-то не очень? Или нет?

Зина сидела оглушенная. Что, вот прямо сейчас решать Ленкину судьбу?

— Сейчас. Именно сейчас, — старуха словно прочитала ее мысли. — Если в журналистику — пусть начинает сотрудничать с молодежными газетами, с четырнадцати-пятнадцати лет в самый раз пробовать — вдруг не понравится. Актрисой хочет быть — надо найти самостоятельный театр, без этого никак. И в художественную школу еще не поздно походить, хотя, конечно, лучше бы раньше. С музыкой, танцами вы опоздали, но многое еще возможно. Только помните: это самое золотое время для выбора профессии и первых попыток себя в ней найти. Потом, к концу школы, все будет в попытках, наугад и ни к чему хорошему не приведет.

— А почему вы все время: «журналистка», «актриса»? У нас в семье никто никогда на такое не замахивался.

Пиковая Дама хитровато прищурилась.

— Вы так думаете? Именно об этих двух профессиях Лена меня спрашивает больше всего. А мне в свое время пришлось работать в редакции, где я писала о культуре, в том числе о театре. Так что газетную и закулисную жизнь довольно хорошо знаю. Я старалась, рассказывала о ней без прикрас, говорила, как творческим людям приходится зависеть от дураков-чиновников, малограмотных редакторов, самодуров-режиссеров, какие маленькие там зарплаты, как трудно добиться известности и сохранить свое лицо. Но юность ничто не пугает. Пока не набьет собственных шишек... Да пусть попробует, что в этом плохого? Или у вас какие-то свои планы насчет профессии?

— Да нет... Я вообще-то хотела бы... мечтала... Бухгалтеры сейчас вроде бы хорошо зарабатывают... Но вот так, чтобы цель... А какая разница между целью и мечтой?

— Мечта — это маяк в море. А цель — если корабль к нему повернул. Мечты бывают высокие, а бывают и совершенно глупые: например, переспать с Аленом Делоном. Хотя, простите, это уже, наверно, мечта для моих ровесниц, вам он будет явно староват. Но это так — сюжет для сладких утренних грез. В них можно себя представить кем угодно, где угодно, с кем угодно. А цель — это пунктирная линия на карте, по которой двигаешься к намеченному пункту. Конечно, на местности бывают болота и горы, тогда приходится отходить в сторону, но если пунктир не потерян...

— А у вас в жизни был такой пунктир?

— Конечно. Это и помогло мне там выжить. Хотя препятствия казались непреодолимыми. Я хотела стать писателем... Нет, вначале, еще в школе мечтала о балете, ходила в студию. Но потом, когда среди нас стали отбирать девочек для хореографического училища, мне сказали, что я не перспективная. То есть супертанцовщицей не буду, а всю жизнь торчать в кордебалете... Но, кстати, что занималась там, не жалею. Научилась управлять своим телом и эмоциями, потом это очень помогало. Походку выработала — до сих пор могу с десяток километров быстрым шагом и не задохнусь. Нет, в детстве в какую школу-студию ни ходи, напрасно не будет, все в жизни когда-нибудь пригодится...

А спросили вы меня насчет цели. Помню-помню, простите, отвлеклась. Так вот, какая уж тут литература, когда впереди пятнадцать лет лагерей! Сшибли меня с пунктира, казалось бы, дальше некуда. Но Бог миловал, просидела неполных пять. А дальше? В столицу, в Литинститут, возвращаться боялась, на нас тогда везде косо смотрели. Да и жить было негде — квартиру-то конфисковали. Ходи, доказывай. А я не умела. Уехала в Энсск, пошла работать на трикотажную фабрику.

— Как? И вы были ткачихой?

— А вы не знали, что мы некоторым образом коллеги? Лена в курсе. Наверно, просто говорить вам не хочет.

Я тогда схитрила. Даже аттестат о десятилетке припрятала, стала ходить в вечернюю школу. Закосила под такую рабоче-крестьянскую девку, старательную, туповатую, да, дескать, сидела по дури, по молодости, теперь исправилась. Жалели все, комнату вскоре дали и направление в институт. Пока на филфаке училась, стала своих разыскивать, с кем сидела. Тяжело было к свободной жизни привыкать, люди нас не понимали, мы — их. И стало тянуть к старым

друзьям. Не знаю, поймете ли вы это.

— Да чего тут не понять. Я, когда из деревни приехала, года три с городскими общего языка не находила. А как своего встретишь...

— Вот и мы переписывались, в гости ездили. Отправилась я как-то на каникулах в Москву к лагерной подруге и познакомилась с ее братом. Тоже сидел и недалеко от нас. И в столице мы с ним, оказывается, почти рядом жили. Ходили в одни кинотеатры по одним и тем же бульварам. Короче, нашли друг друга...

А через пару месяцев присылает он мне письмо: Лиза моя уехала в Новосибирск — пригласили на серьезную работу в НИИ. Комната ее пуста, приезжай, пишет, поселяйся, переведешься в московский институт, и мне, мол, не будет так одиноко...

Вот так через год появился мой Митя. А ухаживать мне пришлось не только за ребенком, но и за мужем. У Бориса с лагеря была болезнь почек, а тут обострилась. Сначала в больницах лежал, потом выписали, но мне шепнули, что безнадежен. Так и случилось, только три года я его все-таки тянула. В институте шли на встречу: и подрабатывать давали, и к пропускам не придирались. Но от пунктирной линии я уходила все дальше.

Когда Бориса не стало, я уже заканчивала. Пригласили в аспирантуру. Трудно, конечно, продолжать учебу с маленьким ребенком, и литературоведение — совсем не то, что мне хотелось. Но пошла. Диссертацию мой профессор посоветовал писать на тему узника в русской литературе. Тут и Пушкин, и Лермонтов, и Толстой, но подробнее всего по Достоевскому и Солженицыну — моден был тогда Исаич, хотя про лагеря ничего, кроме «Одного дня Ивана Денисовича», у него еще не выходило.

Тут уж я как старая каторжанка выложилась по полной программе. В научной работе не положено, но я и от себя кое-что ввернула. На защите в зале даже плакали. А через несколько дней после этого сняли Хрущева, и пошел маятник в другую сторону. Через полтора года мне сказали, что тема у меня была весьма скользкая и вообще я теперь в институте человек не очень желательный. Ну а мне дважды такие вещи повторять не надо — сразу заявление на стол.

Где и кем я только не работала... Но была тут и хорошая сторона: научных трудов от меня больше никто не требовал, а значит, появилась возможность приблизиться к пунктиру. Стала писать рассказы, повести, потом даже роман вымучила. Сначала не печатали, потом... Я ведь даже в Союзе писателей до сих пор состою, взносы

плачу ежегодно. Только не пишу ничего.

— Почему? Ведь вы же дошли до своей цели.

— Вот именно, что дошла. А цель может оказаться совсем не так сладка, как издалека виделась. Когда в школе я лепила свои первые пробы, мне казалось, что я сделаю переворот в сознании людей, что мои читатели сразу станут добрыми и всё понимающими. А когда я взглянула на свои произведения глазами литературоведа, да еще с высоты прожитых лет... Не будет от меня никакого переворота. Ну смогу, может быть, закрутить пару-тройку небанальных сюжетов, ну подпущу соплей, чтобы бабы всплакнули над судьбой героини. Только стоит ли из-за этого уходить от нормальной жизни, запираться на недели в своей комнате, мучиться переживаниями героев? Ведь уже так много сказано до меня. Действительно гениально сказано. Не лучше ли вот эти, уже готовые, гениальные произведения доносить до ребятишек? Тем более, понимала: это делать я могу как раз мастерски.

Вот так я и вернулась к преподаванию литературы. Как видите, я не потеряла цель и прошла свой пунктир до конца. Только пока шла, он продлился до новой точки, и она оказалась для меня более близкой. Не по расстоянию, а по сути...

— А если бы не было пунктира?

— Хороший вопрос. Возможно, работала бы до сих пор трикотажницей. Может, карьере там сделала. Но это уже была бы не я.

9

— А у меня не было пунктира, — задумчиво, еле слышно пробормотала Зина. — И мечта была простая — укатить из деревни. Навсегда. И чтобы в дурных снах не вспоминать всю эту картошку, окучку, сорняки, голодную скотину.

— Цель понятная, но легко достижимая. Укатали и что?

— Работала на фабрике. Пробивала место в общежитии — первые-то полгода пришлось в частном секторе койку снимать. Потом роман был, думала, замуж выйду... Ну да Бог с ним, может, и к лучшему. Потом встречаю как-то Вадима — я его с детства знала, в соседнем селе рос, — а он мне говорит, что ушел с завода и калымит кровельщиком. Когда сказал, сколько получает, я чуть не упала. А он: хочешь подработать? Там как раз ищут бабу на поклейку-покраску. Взяла для этого отпуск, а потом, как штукатурку освоила,

заказы пошли, я и вообще эту фабрику бросила. Вадим тоже с крыш перешел на внутренние отделки, проводку, сантехнику. И мы с ним стали такие куски отрывать... На свадьбе семьдесят человек от пуза накормили-напоили и даже убытков не почувствовали.

А мечта у нас тогда была. Или цель — не знаю. Собрать сто тысяч и жить на проценты. Это как раз двести пятьдесят рублей в месяц, так сказать, гарантия на хлебушек. А там уже, что заработаем — на жилье, барахло, детей, поездки и все такое. И ведь пошло набираться: меньше трех лет вкалывали — уже пятьдесят штук отложили. Правда, корячились от темна до темна. Но дальше жизнь должна была настать хорошая. И так мы в ней уверились, что, когда я в девяностом залетела, аборт не стала делать — годом больше, годом меньше, но наберем свое... И почти набрали. Да только какой толк... Помните, что было тогда?

— Как не помнить! Чай не за границей жила.

— Рассыпалось все в какие-то недели. Пока до нас дошло, уже не то что на особняк, на полдома еле-еле хватило. Хорошо еще, его успели купить. Потом пристраивали, потом на эту квартиру обменяли...

Потом нас в «Селенге» еще раз кинули, остались вообще ни с чем. С тех пор ничего не откладываю: что Вадим зарабатывает, сразу тратим. А цель, мечта... Устала я тогда, надорвалась, а все впускаю. И вокруг у всех все дуром. Подруга моя школьная с университетом на рынок пошла торговать. Спилась совсем. Брата двоюродного из инженеров выкинули, до сих пор сторожит где-то, ни с кем видаться не хочет. Образование ничего не дает, денег не набрать. Для чего живем, вообще не понимаю. На что уж тут Ленку направлять, когда сама, как в трясине, дна не чувствую. Пробовала в церковь ходить... А-а, — Зина махнула рукой.

— Не помогло?

— До моей души там никому дела нет, им только деньги давай. А они не мои, деньги-то: Вадим калымит, на Ленку тратим. Какое я имею право их попам нести?

— Вера и церковь — не одно и то же. Высшая сила нас ведет и направляет, только мы этого не понимаем. И происходит с нами все не случайно. Вот пропали у вас деньги... да что у вас, у всей страны. Почему? Вернее, для чего? А чтобы поняли мы, русские, что поклоняться золотому тельцу — не наш удел, мы не америкозы. Цели должны быть у нас другие.

— Какие?

— А вот это и предстоит народу понять. И каждому в отдельности.

— И какая для меня, например?

Старуха задумалась. Подошла к окну и стала смотреть вниз на дорожки и веранды детсада, где носились малыши.

— С вами, Зинаида Петровна, трудно. Вы не Лена, интересную профессию вам под сорок уже не получить, искусством тоже не овладеть. На бизнес вас после всего пережитого не потянет. По каким-нибудь святым обителям, грехи замаливать... Вряд ли их на вас так много. Не смейтесь, но я бы на вашем месте еще ребеночка завела.

У Зины глаза на лоб полезли.

— Дитёнка? Да мне тридцать девять почти!

— Самый возраст. Лена ваша скоро своей жизнью заживет. Учиться ли уедет, замуж ли выйдет. И с чем вы останетесь? А это, представляете, все повторится сначала: первые шаги, первые сказки. Ведь вы же очень любите детей. Или я ошибаюсь?

— Да это, конечно, люблю, — протянула Зина. — Но на какие шиши...

— Прокормите, — кивнула Дама. — Может, кроссовки Лене будете покупать не такие навороченные, да и джинсы попроще. Зато радости-то сколько! Поздний ребенок — самый желанный. Да и Вадим ваш от спячки очнется.

— А вы заметили?

— Да как не заметить! Вкалывает, прямо заведенный, а глаза пустые. Чувствует себя машиной для зарабатывания денег, а зачем, для чего — сам не знает. Мне его почему-то очень жалко. И это плохо. Когда жалею, часто с человеком что-то случается.

Зина всполошилась.

— Ой, не надо! А что сделать, чтобы... Ну чтобы не произошло?

— Дайте ему отдых. Отпуск, хоть на несколько дней. Он что-нибудь любит, ну лес, рыбалку? Вот и съездите с ним. Или пусть Лена съездит. В деревню? Прекрасно, оказывается, у вас и остановиться есть где. Деньги, что вы за эти дни потеряете, вам все равно погоды не сделают, а зато сколько обновления, сколько потом воспоминаний...

Зазвонил телефон. Дама взяла аппарат со стола и вышла из кухни. Зина сидела, пыталась сгрести мысли в одну кучу, но они рассыпались, разлетались, как листья, и все кружили, кружили... Поче-

му-то вспомнила новорожденную Ленку, когда ее еще Аленкой звали. Аж горло перехватило, а в груди натянулись сладкие ниточки, как во время кормления. Всегда хотелось мальчишку, озорного, в матросочке. Если бы не такая карусель в стране, вообще бы и троих потянула. Может, действительно старуха права, не поздно еще...

Вдруг Зина услышала ее голос в коридоре и поняла: что-то случилось. Нет, говорила Дама спокойно, сдержанно, даже кого-то успокаивала. Но в ней словно что-то сломалось. Зина приоткрыла дверь.

— Не нужно тебе никакого морга. Все справки в поликлинике дадут — к этому шло. И без заморозки обойдемся, зачем тебе лишние траты? И обмоем сами, не надо, чтобы к Але чужие руки прикасались. Умею-умею, даже кое-какие секреты знаю. Жди. Сейчас приду.

Дама вошла на кухню, положила трубку в гнездо, механически налила в чашку воды, сделала несколько глотков.

— Аля моя... Последняя из наших... Я теперь одна осталась. Вернее, теперь оставаться уже нет смысла...

Она снова взяла трубку и стала сосредоточенно набирать на ней бесконечную обойму цифр. Потом откашлялась и долго ждала, пока сигнал пробирается своими неведомыми телефонными путями. Когда заговорила, голос ее стал еще более ровным и безжизненным.

— Митя? Это я. Пять минут назад мне сообщили, что Али не стало. Да нет, я была готова, просто вот оно теперь случилось. Приезжай через девять дней. Не занят? Да, хорошо, что лето. Заберешь меня. Да, насовсем, мы же договорились. В Москве дел на пару дней, у меня уже вещи уложены. Что в душе — говорить не буду, ни у тебя, ни у меня кишок не хватит, чтобы все это по телефону оплатить. Все. Решила. Я тебе в тот раз твердо обещала, а от своих слов никогда еще не отказывалась. Слушай, не трави душу, и так сейчас к покойнице иду. Все. Да, жду двадцатого. Целую. Пока.

Дама постояла с закрытыми глазами. Потом вздохнула, встряхнулась, стала шарить по полкам и собирать в пакет все, что было приготовлено для такого случая. Иконки, свечи, изюм для кутьи — понятно. Но зачем пузырек, в который старуха вытряхнула из крохотной пробирочки какое-то косметическое масло? В кухне резко запахло спиртом и розами.

— А это что?

— Рецепт, старый как мир. Если тело умершего смазать розо-

вым маслом с уксусом... ну в нашем случае и спирт подойдет... Так вот, если всем этим обработать, да еще заткнуть тампонами со смесью входные отверстия — ноздри, уши и все такое, процесс разложения задержится на сутки, а то и на двое. В Древнем Египте знали, греки так убитых домой отвозили, а у нас теперь потрошат, да на формалин надеются. Кстати, не всегда он помогает.

— И вы будете это делать сами?

— Конечно. Уж простите, Зинаида Петровна, нам придется попроситься.

— А можно, я с вами? Лишние руки не помешают.

— И что, вы будете помогать мне обмывать покойницу? Вы когда-нибудь это делали?

— Нет. Но вы же сами говорите, ненужных знаний не бывает. А это такое... все под Богом ходим. Вдруг придется, а я не умею. И потом... почему-то хочу быть сейчас около вас, — Зина смутилась и опустила глаза.

Старуха улыбнулась уголками губ и кивнула.

10

И ничего в этом нет особо страшного и сложного. Мертвецов Зина не боялась: когда еще девчонкой была, и бабушку хоронили, и дядю. Потом отца. Но чтобы подготовить тело и одеть, действительно нужно знать кое-какие секреты. Спасибо Нине Ильиничне, научила. Мало ли что...

Из комнаты всё вынесли, поставили ведра с холодной водой, а около покойницы миски со льдом. Сразу стало зябко и влажно. Завтра, когда побегут по конторам, менять воду и лед будет соседка, а ночью — Дама, теперь, говорит, без проблем со сном не обойтись.

Потом сидели на кухне вдвоем с Лидой, и та все порывалась составлять списки дел и необходимых покупок. Но старуха сразу ее окоротила. Сегодня всё уже закрыто. Завтра встанем раненько и прикинем, кто куда. А сейчас нужно сесть, помянуть умершую и вспомнить ее добрым словом. Душа Алевтины-то рядом, пока еще около тела, ждет от нас сочувствия, а мы о конторах...

Тягнули с Лидой водочки. Даме нашли в холодильнике остатки белого сухого. Вначале все равно говорили о кладбищах и церквях, но вскоре Лида со старухой стали обмусоливать какие-то случаи из жизни новопреставленной, и Зина потеряла нить разговора. Алев-

тину Семеновну она плохо знала, видела, может, с десяток раз, когда та к дочери приходила. Да и сына Лидкиного что-то давно не встречала. Ах да, он же под Питером служит, интересно, успеет ли к похоронам.

И вдруг опять зажурчал мягкий голос Пиковой Дамы. Рассказывает, как книжку читает, по радио и то скорее споткнутся. И понимаешь ведь, ничего заранее не готовила, только что в голову пришло. Это ж какие мозги, чтобы до семидесяти пяти так... И главное, все по-новому... Вот принято считать так, а она возьмет и перевернет все с ног на голову, и спрашиваешь себя: а с чего это мы так считали? Прописные, казалось бы, истины, как с Виталиком и Асей, карточными играми, ценностью денег... А может, нет их, прописных-то? Вот и сейчас... да другому бы такое и в голову не пришло...

— ...и испугалась я тогда не на шутку. Это что же, я уже полностью отупела? Стала вспоминать школу: «Война и мир» — в голове имена только главных героев, «Обломов» — то же самое. Дальше — еще хуже. Из «Дубровского» я над фамилией Троекуров сутки маялась. Физику мысленно листаю — сплошные провалы, биологию... Да что там!

Поделилась я с Алей — у нее такая же история. И начали мы взаимное очеловечивание друг друга. Работали тогда в прачечной. И вот гладим этими огромными утюгами рубахи, выковыриваем вошек из швов, а сами экзаменуемся. Что одна забыла, гляди, у другой выплывет. Все мучились, как называются лепестки цветка семейства бобовых. Вертится на языке... И вдруг ночью приснился мне кораблик. Ну конечно, вот же они: парус, весла, лодка. Элементарно! Обрадовались, как дети. Арии из опер стали вспоминать, как кого из персонажей звали, кто исполнял. И чем дальше, тем легче. Что бы я тогда без нее делала, в отчаяние, наверно, впала...

— А почему? Ну забыли и ладно. Нужное не забудется.

Лидка вскинула на Зину возмущенный взгляд, а Дама улыбнулась и погрозила пальцем:

— Провоцируете вы меня, Зинаида Петровна! Знакомый прием. Я так же под дурочку на трикотажной закашивала. Спрошу что-нибудь банальное и глазами хлопаю, а мне мастер — целую лекцию. Со мной такое не пройдет. Но если серьезно... Без этих вот простых вещей, которые знаем со школы, мир сужается до крохотной точки, и ты внутри нее. Как в клетке. А все вокруг чужое и

незнакомое. Вернее, забытое. Те из наших, кто не смогли выйти из этого отупения, так и пропали. Не хотели ехать в большие города — боялись. Устраивались жить где-нибудь поблизости от лагеря, часто спивались и, конечно, тупели еще больше. Это — страшная болезнь, ее можно назвать «постлагерный синдром», только о ней почти ничего не писали.

— А вы написать не хотите?

— Не знаю. Я не знаю, что будет со мной через две недели. Будет ли кому-нибудь нужно мое прошлое, мои знания, моя тренированная память... После лагеря я ее всю жизнь развивала, не давала расслабиться, вы не обратили внимания, как быстро я запоминаю имена?

— И отчества. Давно обратила. А зачем?

— Для того же, для тренировки. И с людьми, конечно, так удобнее общаться, но главное — чтобы серое вещество не закисло. Стараюсь удерживать в голове все крупные события, быть в курсе всего нового. А теперь... Чужая страна, чужой язык... Я стараюсь не показывать вида, девочки, но, честно говоря, на душе не то что кошки — крокодилы скребутся.

Дама плеснула себе водки, посмотрела через нее на свет.

— За тебя, Аля, за то, что понимала меня! За наш уход!

Лида с Зиной испуганно смотрели, как она осушила рюмку и потом долго переводила дыхание.

— Ничего, девочки, бывает, и старикам разрядка нужна. Укладывай меня, Лидуша, на диван. К утру буду как огурчик. Все ж лучше, чем снотворным травиться.

Перед уходом Зина зашла к покойнице поменять ведра с водой. Посмотрела на мертвое отчужденное лицо, и ее впервые за сегодняшний день сдавило чувство потери. Такие люди рядом жили, а мы и не знали ничего...

Дома ждал сюрприз: у Ленки в руках книга. Да не какая-нибудь, а «Мастер и Маргарита». Что девка читать стала, разумеется, хорошо. Но вот это... Верка прямо говорит, что бесовский роман. И в церкви что-то такое слышала. Сама еще во времена бума пыталась купить, но больно много заломили, не сторговалась. А потом взяла на пару дней... мура какая-то. Ловит мужик, непонятно зачем, иностранца и еще нескольких идиотов. Кот говорящий... А дальше начинается этот чувак вытворять что-то совсем несуразное. И потом

сумасшедший дом... Зина очень не любила читать о психах. Попался ей в то же время «Дон Кихот», и заплатила за него прилично, а блевота из блевот, больше ста страниц не осилила. Хорошо, сразу загнала этого «Дона», даже, кажется, десятку наварила. И «Мастер» не лучше — бросила в самом начале, ни до какой чертовщины и любви так и не дошла.

— Ну что, Ленка, нравится книжка?

— Полный отпад! Прямо кусками запоминается, хоть и не стихи. Никогда такого не было.

Надо же, значит, Ленка уже больше матери стала в этих делах понимать. Не мудрено — почти два месяца с Дамой общалась.

— А про чертей там есть?

— Есть про Сатану. Но он не такой уж плохой, справедливый. И кстати, они с Богом обсуждают, что делать. Не напрямую, конечно, через посредника.

— Вот как...

Опять все шиворот-навыворот, как в самой старухе. Хороший Сатана... Такое и не придумаешь...

— А в программе-то она у вас есть?

— Есть. В одиннадцатом.

Раз так, пусть изучает, все равно придется. И вдруг Зине страшно захотелось забрать, когда Ленка уснет, этого «Мастера» и почитать. Власть. До утра. Как в детстве, когда соседка-учительница давала Конан Дойла. Только уж очень устала за сегодняшний день.

11

И другой был не лучше. Бегала, закупала на рынке все к поминкам. Хорошо, догадалась ребят припрячь, чтобы дотащили. Как сказала, что Нине Ильиничне помочь надо, аж наперебой кинулись, дома бы да в школе такое трудолюбие. А потом Лена жарила рыбу, а Вовчик чистил картошку для салатов. Парень действительно ничего, работы не боится и вообще со смекалкой. Сразу оценил, что трудно будет гроб выносить — холодильник в коридоре мешает. Пришлось перенести в спальню. Не по делу он там, но уж как-нибудь на один день...

К ночи приехал Лидкин сын. Автостопом добрался солдатик, надо же, в голову бы не пришло, это ж тыща километров почти. Зина подумала, что сама сидела бы на вокзалах или в аэропортах и

наверняка бы дольше получилось. Очень удивилась, когда Нина Ильинична, послушав о его приключениях, подмигнула: «Помогают-таки мои советы!» Интересно, это она теоретически или как? Представить Пиковую Даму, голосующую на дороге, Зина просто не могла.

Похороны прошли по всем правилам. Зина хотела остаться мыть полы, но, оказывается, уже договорились с соседкой. Обрадовалась, хоть в церковь попадет, и так уж полтора года не была. Но сосредоточиться и думать на отпевании о своем — в этом было явно что-то нехорошее. Внутренне отдалась голосу священника и искоса поглядывала на Даму. Та стояла неподвижно, только переводила взгляд с лица покойницы на пламя свечи. Даже не крестилась почти.

Когда на гроб полетели комки земли, Зине стало тоскливо и очень потянуло на могилу матери, благо, это на том же кладбище. Слиняла по-английски. Думала просто посидеть, посмотреть на лицо в овале, но там все заросло дурной травой, а цветы, наоборот, посохли. Прибрала. Полила. И вдруг почувствовала, как выдохлась. Не хотелось идти ни на какие поминки. Тем более что, кроме Лиды и Нины Ильиничны, там никого не знает. Ах да, Ленка туда придет... Ну и пусть поест девка, заслужила. Не одна она там будет, наверняка Вовчик притащится да еще кто-нибудь из ребят... И Зинаида поплелась домой.

Это же Бог направил! Не успела переобуться, на лестнице затопали, загадели. Сердце ухнуло: Вадим... И точно — звонок в дверь. Как выстрел. Чуть не упала...

Свалился он все-таки со своего конька. Хорошо, страховочная веревка удержала, но ребра помял и все там внутри. Метра три, говорит, летел, прежде чем натянулась. Зина забыла про усталость, бегала как угорелая, умывала, укладывала и все спрашивала, что ему сделать. В больницу, да и вообще в «скорую» Вадим отказался наотрез, врачей с детства не любит, как брат от пневмонии умер. А чем помочь, Зина не знала. Долго искала телефоны знакомых медиков, но все оказались в отпусках. Тогда она набрала номер Лиды и попросила позвать Нину Ильиничну.

Но не успела та подойти, как Зина бросила трубку на рычаг. О Господи! Ведь старуха предупреждала, что может такое произойти! И Зина в ту минуту дала себе слово отговорить мужа от этой работы и послать под каким-нибудь предлогом в деревню. И тут похороны... Но это еще не наказание, это — предупреждение. Ва-

дим жив. Надо только понять, что хочет от нас высшая сила. А сейчас надо помочь... Боже, как же я ей скажу про это... И кто посоветует, кроме нее...

Зина снова позвонила. Дама выслушала и коротко бросила:

— Пока ничего не делайте. Я сейчас приеду.

— Не надо! Там же поминки! Вы только скажите...

Но старуха уже положила трубку.

Откуда она еще и медицину знает? Прощупала ребра, легко постукивая, как на рояле, кончиками пальцев. Долго мяла с правой стороны.

— И все-таки я на вашем месте не рисковала бы, Вадим Сергеевич. У вас может быть серьезный ушиб печени, это не шутки. Здесь я вам не помогу, нужны специалисты.

Вадим только мотал головой.

— Нет, я на левый бок удар принял.

Смерила давление, еще раз посмотрела белки глаз.

— Ладно, дело ваше. Но вы мне хотя бы пообещайте выпить, что я сейчас приготовлю. Или тоже не верите, как врачам?

— Верю почему-то...

И улыбнулся. А Зина стала вспоминать, когда он делал это в последний раз. И не вспомнила.

Минут через сорок Нина Ильинична принесла кружку какого-то темного пойла, от которого резко пахло травами, кажется полынью. Помогла Зине разделить отвар на пять частей, подробно рассказала, как пить. Шепотом посоветовала проследить за мочой, и если темная... А во дворе уже бибибал у своей колымаги Сан Саныч, спешил отвезти Даму к поминальному столу.

«Спит Вадим после этого лекарства. Пусть отсыпается, он так уставал в последнее время. Господи, я же его почти не видела с апреля, как сезон пошел, даже лицо забывать стала. Седины прибавилось, и залысины еще дальше уехали. Но все равно он красивый. Красивый и непьющий. До сих пор мне бабы завидуют, говорят, счастливый лотерейный билет вытасила. Только на что я этот выигрыш потратила...»

Остро чувствовала, что не на то и что теперь все будет по-другому. Но что именно, еще не знала.

Вадим открыл глаза, и они долго смотрели друг на друга.

— Ты испугалась, Зин?

— Да. Очень.

— Ты так на меня не глядела с той весны, помнишь, в Коломне?

— Помню.

— Так ты что, все еще так же?

— Еще больше...

Вадим потянул ее за плечи, осторожно опустил на подушку. Потом медленно расстегивал пуговицы халата и качал головой.

— Какая же ты у меня... Какая...

— А тебе не вредно сегодня?

Но он не ответил.

«...Да-а, от этого вредно может быть только мне. Тем более нет сил подняться. А может, наоборот, полезно? Мальчишка. В матросочке. Услышь, Господь, мои молитвы...»

12

Через два дня она провожала Вадима с Леной в деревню. Надо же было выполнять данное небесам слово, пока еще что-нибудь не стряслось. Придумала, будто бы нехорошо видела во сне его отца. Попросила заодно договориться с односельчанами насчет картошки — у Лидки от матери, оказывается, остался погреб, и она обещала приютить там на зиму пяток мешков. И чего, дура, раньше с Лидкой не дружила — баба мировая.

Но была и еще одна причина, почему спешила отправить домашних подальше. Нина Ильинична вот-вот уедет навсегда, и Зине очень хотелось провести с ней последние дни.

Наверно, с ее стороны это было невоспитанностью — всюду таскаться за старухой. Но та не гнала, наоборот, смотрела все ласковее. Говорили обо всем, и Зина сама себе удивлялась, что ей стали интересны вещи, от которых раньше отплевалась бы. Например, отчего произошло слово «изгой» и что «сволочь» и «облако» одно-коренные.

Но больше всего любила заводить разговоры о детях и просила Даму рассказать о ее сыне. Нелегко было его воспитывать. И туповат был, и тормознут, и с ребяташками не ладил — дразнили чуть ли не до конца школы. Но мать верила в него и упорно нащупывала, к чему у мальчика есть талант.

Оказался музыкален, но с пианино у него что-то не заладилось. Пришлось перевести на гитару, на бардов посадила, тем более что модны были тогда, особенно Высоцкий. А у парня пальцы слабоваты, никак баре взять не может, мозоли кровавые набил. И тогда Нина Ильинична сама взялась за инструмент. Навыков не было, в юности переняла у отчима пару одесских мелодий да Гимн Советского Союза разучила. Гитара после войны считалась чем-то несерьезным, а как возьмешь торжественные аккорды, все вытягиваются. Но на этом репертуар заканчивался. Так что теперь начинала практически с нуля, хотя была почти ровесницей Зины. Освоит что-то и сыну показывает, так и учились первые полгода, пока мозоли не приобрели нужный вид.

Теперь это все весело вспоминать, когда за плечами консерватория, Митя — один из самых скоростных гитаристов Франции, играет и классику, и шансоны, открыл свою школу. Но Зину поражал материнский героизм, что не дал мальчишке скатиться, а, наоборот, поднял его до европейского уровня. И как весело, спокойно рассказывает Нина Ильинична о своих злоключениях с Митиными преподавателями, чиновниками от культуры и прочими гадами, которые мучают наших детей. А у Зины кулаки сжимаются.

Но лучше всего, что у Дама нет разделения на своих и чужих. Не только Виталика с Асей взяла под крыло, переговорила и с отцом Вовчика. Как подействовала на этого монстра никто не знает, но не приходит теперь к детям пьяный: как запой — отлеживается в своей норе. За других тоже заступается. И ведь в курсе всех ребячьих дел — вот что удивительно...

Малышня толклася у нее целыми днями. Играли на компьютере, таскали крысу, разглядывали альбомы с картинками художников. Вот откуда во дворе разговоры, что Дама детям голых баб показывает. Идиоты! Эти же бабы в музеях висят, и ребята туда с классами ходят, чтобы не быть темнотой, как мы...

А Нина Ильинична им об этих картинах рассказывает, и почти с каждой связана особая история. Жизнь художников — какой-то кошмар, хлеще всяких сериалов. Интересно, хоть один из них нормально прожил? Этот в двадцать три от туберкулеза умер, тот спился. Какой мишек рисовал, двух жен похоронил, особенно жалко последнюю, молоденькую, у нее тоже такие рисунки красивые. А как стала Дама рассказывать о французе, который ухо себе отрезал, Зину почти час бил озноб. Ну чокнутый, и рожи изображал каких-

то чокнутых. Не любила она психов ни в живописи, ни в книгах.

А ребят, похоже, теперь любит все больше. Только выражается это не как у Дамы — в рассказах и играх, а в весьма конкретной кормежке. Перетаскала из дома всю вермишель и тушенку, больно смотреть, как дети весь день на одном чайку. Дома-то их, конечно, накормят, да как отсюда уйдешь, когда интересно. Вот опять Нина Ильинична что-то читает.. «А-а, это она уже говорила, почему крысу Рыжей Жанной назвала, и стихотворение помню. Автор-то, как его там?.. Беранже, кажется. Надо же, и в тупых мозгах что-то стало застревать...»

— Нина Ильинична, скажите, а кто такой Сен Жермен?

— О, это самая необъяснимая личность последних трех веков. Кто-то считает его авантюристом, кто-то инопланетянином, кто-то человеком из будущего. Сам же он называл себя то последним из халдейских мудрецов, то новым воплощением высшей силы в человеческом облики. Где родился и где умер, никто толком не знает. Жил во Франции в XVIII веке, хотя бывал и в России, и в Англии, и в других европейских странах, кажется, даже в Америке. Достоверно известно, что внешне не изменялся в течение нескольких десятилетий. Граф д'Адемар, с которым они общались в юности, сетовал, что он уже восьмидесятилетняя развалина, а Сен Жермен все так же молод. Действительно, этот таинственный человек в ту пору выглядел от силы на сорок и рядом с графом... Н-да, представляю это зрелище.

Что еще? Предсказывал будущее. Есть немало свидетельств, что пытался предупредить Людовика XVI о надвигающейся революции и даже открыл, какой конец ждет его и королеву. Разумеется, не поверили. А вообще появлялся в разных местах накануне больших исторических событий, словно хотел как-то повлиять на них. К нам, например, приехал перед дворцовым переворотом и воцарением Екатерины II.

Последние документальные подтверждения о встрече с ним относятся к двадцатым годам XIX века. Он был все еще не стар, но сильно изменился. Сказал, что устал и скоро уйдет, а вновь воплотится только через восемьдесят пять лет. А почему он вас так заинтересовал?

Зина замялась.

— Подождите, попробую догадаться. Он встречался с пушкинской Пиковой дамой. А о ней вы вспомнили из-за моего прозвища. Такая цепочка?

— Да.

— Значит, не будь меня, вы бы не обратили на Жермена никако-

го внимания. И ведь имя наверняка слышали, о нем несколько телепередач прошло, а в памяти не осталось. Но вот возникла ассоциативная ниточка, и теперь уже этот человек не забудется, — Дама мечтательно подняла глаза. — А я пытаюсь создать в сознании детей не ниточки, а целую переплетенную сеть, чтобы каждый новый факт воспринимался с интересом и занимал свою ячейку. Трудно это. В школе и дома их с самых ранних лет приучали не столько хранить, сколько выбрасывать. А детские сады с их пятнадцатиминутными занятиями и бесконечными переключениями с одного на другое! Неужели не понимают педагоги, что такой тренинг напрочь убивает в ребенке аналитические и творческие способности! И если там вырастает относительно нормальная личность, то это скорее вопреки...

В прихожей раздался звонок. Кто-то чужой, свои знают, что не заперто. Зина толкнула дверь, и сердце у нее замерло — она сразу поняла, что это за гости.

Все в них было не наше. Светлые костюмы, которые в черноземной полосе не наденет ни один умный мужик. Чужие холодноватые улыбки... Впрочем, когда Дама выглянула из комнаты, сидящий шатен раскинул руки, загудел: «Матушка!», — и лицо у него сразу стало русским. И у другого вскоре порусело, правда, только после рюмки водки.

Из Москвы сюда Митю довез на своем «Мерседесе» этот старый друг, который, кстати, когда-то учился у Нины Ильиничны. Тоже за границей кантуется, потому так и потянуло на экзотику провинции. Но мужики оказались неприхотливыми, смели макароны по-флотски и салат из огурцов, дососали бутылочку. Да там и было-то меньше половины.

Ребята хотели деликатно уйти, но Дама посоветовала им задержаться — послушать гитару. Такое исполнение не часто в нашем городе. Тем более один из инструментов Митя постоянно возит с собой, без него, говорит, как без рук.

Зина действительно никогда не слышала подобной игры. Но мысли ее вскоре потекли по старому руслу. Они приехали. Завтра отметят девять дней. А послезавтра...

Она чувствовала, что с отъездом Нины Ильиничны из ее жизни уйдет что-то очень большое, с чем она еще не сталкивалась и чего ей так не хватало все эти годы. У этого не было названия, только чувство надвигающейся утраты. Зина почти ненавидела очаровашку Митю с его великолепной гитарой и не менее великолепным

полнеющим другом, который подпевал ему консерваторским баритоном. Но именно они отнимали у детей самую лучшую на свете бабушку. И у Зины тоже...

Дама никому из ребят пока не говорила про свой отъезд, хотела сообщить вечером после поминок. Но от них трудно что-нибудь скрыть, нутром чувствуют. Таскались за старухой на кладбище, потом так весь день не отходили. Зина и жалела, и радовалась, что Ленка в деревне. Ведь наверняка разрыдалась бы девка, ни к кому еще так не привязывалась.

Поминки в этот раз устроили в Лидиной квартире. Алевтина Семеновна здесь когда-то жила, и в доме ее многие помнили, но это было давно, еще до Зинино переезда. Да и с Ниной Ильиничной нужно по-человечески попрощаться, сколько добра всем человек делал. А лучше повода, чтобы собраться, не придумаешь.

Уже все было готово, и Зина с Лидой вышли во двор пригласить людей к столу, когда к подъезду на скорости подкатил грузовик, и из кабины выскочила Ленка. Вся в слезах кинулась старухе на шею и чуть ли не повисла. Это послужило командой для остальной мелюзги, ребята окружили Даму, прижимались, что-то скулили. Она была растеряна и растрогана:

— Да что вы меня оплакиваете, я вроде живая еще.

Не успела Зина переварить внезапный приезд дочери (одна! из деревни! в четырнадцать-то лет!), как к толпе подрулила легковушка и из нее вылез Вадим. Подошел к Зине, приобнял за плечи.

— Слава Богу, жива! Я так испугался, когда она в попутку запрыгнула... Девчонка же, а там какой-то хмырь, да еще с ненашими номерами. Хватаю следующую и за ними. Почти догнали, они уже в городе оторвались. Не надо было ей мобильник давать, не узнала бы ничего.

— Зато у девки боевое крещение — характер показала. Как это в театре называется... а, кураж! Значит, хорошей актрисой станет.

— Почему актрисой?

— Потом расскажу.

А Нина Ильинична уже шла к подъезду, словно курица в окружении цыплят. Придется ребятешек сажать в первую очередь. Да ладно, жратвы хватит, а водка им все равно пока не нужна.

Что может быть лучше прощальных летних вечеров конца августа. Со двора пахнет сеном и бархотками. Вспыхивают сухие зарницы. Но это так, пугают, дождей не обещали до третьего сентября. Раскрасневшаяся Зина стояла на балконе и тянула ментоловую сигарету — Ирма угостила, а сама не пошла, строит глазки этому баритону. На кой ляд он ей сдался!

Из подъезда появилась Нина Ильинична, подошла к «Мерседесу», достала что-то из бардачка, передала Семену. Сама остановилась с худенькой старушкой в толстых очках. У контейнеров Стас беседует с каким-то мордovorотом. Разговор двух мордovorотов... Интересно, на какую тему?.. Зина уже повернулась и открыла дверь в комнату, когда услышала крик.

Мордovorот повалил Стаса и принялся обрабатывать его ногами, потом вцепился в горло. Но с такой толстой шеей не просто справиться, и Стас умудрился выбраться из-под туши. Потом даже поднялся на ноги и нанес пару ударов. Но тут мужик дал ему пинком в пах, Стас сразу скорчился и осел.

Мордovorот явно не хотел на этом останавливаться и пошел месить беззащитного противника мощными кулаками. И вдруг в чудовищную десницу вцепилась Пиковая Дама. Туша издала что-то нечленораздельно-матерное и попыталась стряхнуть помеху, но не получилось. Тогда мужик схватил старуху за руки и начал трясти, кажется даже ткнул пятерней в лицо. А сзади уже поднималась другая туша — Стас. В его руке сверкнула бутылка, и раздался треск то ли стекла, то ли черепа...

Дальше Зина не видела — она бежала на помощь Нине Ильиничне, чуть не сшибла стол, а потом выходящего из лифта Семена.

Подлетая к месту побоища, услышала размеренный голос Дамы: — Не можешь ты ничего помнить, Стас, ты же столько выпил! А бутылкой его я приголубила, когда он тебя душиТЬ начал. Да не стал бы ты его бить, на тебе и так два года висят, не враг же ты себе в конце концов, чтоб еще чуть ли не десятку мотать. А я — женщина нервная... Ах да, и отпечатки на ней только мои...

Она вытерла бутылку рукавом, потом подняла его повыше. По руке текло несколько кровяных ручьев. Стариковская кожа не выдержала — лопнула под железными пальцами.

— Мать, так ты что же, на себя мое убийство взять хочешь? — чуть не плакал Стас.

— Ну, не думаю, чтобы убийство. Вряд ли даже сотрясение — в этой башке мозгов отродясь не водилось...

А у подъездов толпилось все больше людей, и во двор уже заезжали машины с мигалками.

Сотрясение все-таки было и довольно сильное. Мордоворот Тарас не приходил в сознание, и его сразу отвезли в реанимацию. Нину Ильиничну и Стаса — сначала в травмпункт, а после наложения бинтов и пластырей — в отделение милиции. Зина поехала с ними как свидетельница. Слышала, в машине старуха шептала Стасу:

— Не вздумай геройствовать. Ничего не помнишь, слышишь? Как повалил он тебя, придушил, так и все, отруб. Мне ничего не будет, а тебе... сам знаешь. И не вздумай спорить и против моих показаний переть. Выставишь маразматичкой — вовек не прощу.

— Делай, мать, как знаешь. Я за тебя всю жизнь Бога молить буду. В монахи пойду...

— Ой, только не это, — засмеялась Дама. — Монастырь — та же тюрьма, туда раньше ссылали. Попытайся к воле привыкнуть.

— Как скажешь, мать, как скажешь.

14

Зину попросили подождать в коридоре. Она сидела на шатучей банкетке и смотрела, как в глубине кабинета Нина Ильинична беседует с милицейским майором. Двери и окна были открыты. Надо же, какая духота напоследок, хорошо, во время похорон такой не было, а то никакие бы древние рецепты не помогли.

Слов Зина не слышала, но обратила внимание, что Дама держалась еще артистичнее, чем обычно. Голова высоко поднята, прежде чем ответить, делает какие-то балетные жесты, часто поднимает глаза к потолку. Откуда-то из подсознания выползло слово «манерность».

Вот интересно, она же со всеми разная. С подъездными бабками — церемонная, с Зиной — мягкая и мечтательная, с ребятами — азартная, искристая, со Стасом — своя в доску. А с ментами... так им и надо. Привыкли всех опускать, а вот такую попробуй-ка!

Нина Ильинична повернулась к ней и приглашающе повела рукой. Зина вошла.

— Зинаида Петровна, голубушка, я не хочу давать никаких по-

казаний без адвоката, и вас прошу этого не делать. Это наше право.

— Но вам же будет хуже, — устало причитал майор. — Сейчас ночь, никто не поедет, а я не могу отпустить вас без допроса. Неужели вы хотите просидеть до утра в камере предварительного заключения?

— О КПЗ! Дама мечтательно посмотрела на портрет Путина. — Я стала забывать ее запах — неволи, отчаяния и надежды... Да, гражданин начальник, я очень хочу побывать там, чтобы увезти все это с собой.

Зина тоже отказалась отвечать, хотя подтвердила, что видела драку от начала до конца. Ее опять отправили в коридор. Вскоре мимо прошла Нина Ильинична с молодым милиционером и все допытывалась, почему ее ведут без наручников, раз она убийца. Парень отворачивался, пытаясь скрыть улыбку. Нравится бабке ломать комедию перед этими серьезными представителями закона. Зине было и смешно, и немного не по себе — милицию она боялась с детства. Генетически. Как любой незащитный сельский житель.

Сидеть дальше было невозможно. Зина побрела мимо запертых кабинетов и спустилась к дежурке. Перед стеклянной клеткой с телефонами и упитанным сонным сержантом толпилось десятка три соседей — вот уж не думала, что их столько тут собралось. Говорили, что сейчас должен подъехать Митя и привезти не то документы, не то адвоката. Верка потянула Зину за рукав:

— Ты знаешь, ее сейчас провели в тот проход и там в такую дверь, с замками...

Зина отошла и глянула, куда показывала Верка. Действительно, жутковатое зрелище. В конце коридора не дверь, а железное чудовище, словно от гигантского сейфа. Вся в щеколдах и с закрытым окошком посередине. Неужели она там?..

Митя приехал часа через полтора, многие уже разошлись. С ним была очень решительная железная леди, при виде которой у майора в глазах проступила тоска. Но он очень вежливо повел гостей в свой кабинет. Зина поплелась следом.

Дверь опять осталась приоткрытой, Зина осмелела настолько, что подошла почти вплотную и стала подслушивать. Митя говорил, что он сейчас из больницы, раненый пришел в себя, оперировать не будут, но допрашивать разрешат только завтра. По поводу матушки просил провести допрос в мягкой форме. Пожилой человек, такой стресс в ее возрасте, сами понимаете, какие могут быть последствия...

— Да познакомился я с вашей матушкой, — вздохнул майор, — и у кого из нас стресс-то, это у меня. А если она теперь еще объединится с Анной Григорьевной...

— Нинель Ефимовна — моя подзащитная, и мы не можем не объединиться, — ледяным тоном перебила адвокатша.

— Фантазерка ваша подзащитная! Сухонькая старушка заявляет, что в одиночку завалила Тараса Ковтуна... Да у нас его шесть сотрудников не могли взять, когда колес наглогался и стал на улице фашистов ловить...

— О, неужели до сих пор бывают такие ретро-глуки? — удивился Митя.

Но тут в коридоре послышались шаги, и Зина отскочила от двери. Давешний милиционерик сопровождал Нину Ильиничну. Ее лицо было решительным и тревожным.

Когда конвой ушел, Зина вернулась на свой пост. На этот раз можно было не прислушиваться к каждому слову. Дама говорила громко и четко, как на лекции.

— Прежде чем разбираться с моим делом, я попросила бы несколько минут для другого. Я сейчас в камере имела разговор с юным правонарушителем Василием Свиридовым. Ответьте мне, пожалуйста, не как работник милиции, а как человек: что ждет мальчика?

— Думаю, то же, что и раньше. Украденный с лотка сырок и пачка кефира — не повод для колонии. Значит, разговор опять пойдет о бродяжничестве. Ну и, как обычно, приют, а потом возвращение к маме-папе, им как раз недавно вернули родительские права.

— Правда, что парень убежал из дома шестнадцать раз?

— Возможно. Никто не считал.

— Вам не кажется, что снова отправлять его туда — просто бессмысленно?

— Не я решаю, а комиссия по делам несовершеннолетних. Наверно, действительно глупо заставлять его жить с этими алкоголиками, но у нас нет других механизмов. Из интерната он тоже убегал. Понимаю, и там не сладко.

— А почему не помочь парню добраться до деда?

— Он уже и вас этим дедом грузил... Старик живет в соседней области, в какой-то глухомани. Сможет ли за парнем присматривать — неизвестно. Да и потом, мы не имеем права отправлять к нему, если есть родители.

— А если пойти на нарушение закона... Представить, что сегод-

няшной кражонки просто не было. Выпустить пацана. А чужой дядя отвезет его на своей машине к дедушке, благо сейчас дорога хорошая. Уживется там Вася — нам спасибо скажет, нет — все равно к вам попадет. Но почему не дать ему шанс...

— Вы думаете, в четырнадцать лет хорошо жить в лесу? Там до школы несколько километров.

— А в каменных джунглях хорошо? С озверевшими родителями или в стае таких же бродяг?

— Это вы всегда так рьяно всем помогаете?

— Всегда, — ответил за мать Митя.

— Ладно, пойду на должностное преступление, забирайте Свиридова, нам он уже до чертиков надоел. Но с условием: я вам парня, вы мне — правдивые показания о пробитой голове Ковтуна. Договорились?

Появился все тот же молоденький сержант с мальчиком — из-под заношенной майки торчали острые плечи. Зина удивилась, что Вася — ровесник Лены, а выглядит на десять-одиннадцать, не больше. Майор его чем-то сердито напутствовал, потом они вышли уже с Митей и направились к дежурке. Милиционерик побрел в другую сторону, встал перед раскрытым окном в конце коридора и закурил. Зина постеснялась торчать перед дверью и снова села на банкетку. Голос Дамы звучал гораздо глуше:

— ...и когда я увидела, что Станислав Бондарев задыхается, а неизвестный продолжает его душить, я схватила стоящую у контейнера бутылку и...

— Нинель Ефимовна, — застонал майор, — я вам пошел на встречу, а вы мне все ту же лапшу на уши...

Митя вернулся быстро, сел рядом с Зиной.

— Лидке его отдал, пусть накормит парня и что-нибудь из шмотья подыщет. А Эдик завтра доставит, куда надо.

Помолчали. Потом Митя кивнул на дверь кабинета:

— Вы всё это видели?

— Да.

— И что же? Она?

Зина посмотрела на него, как на дурака, и отвернулась.

— Понятно. Но им об этом знать не надо, а то мужик и вправду сядет.

— Вот я и хотела посоветоваться, что говорить.

— Подтвердите ее слова или скажите, что самое интересное как раз пропустили.

— Но ведь вашей маме грозит...

— Что? Превышение самообороны? Ведь этот Ковтун и на нее напал: руки поранил, на щеке синяк. И статью эту, между прочим, упразднили, так что никакого состава преступления. Сейчас же просто формальности. А вот Стасу вашему долбаному не надо в такие дела ввязаться, у него уже три ходки по хулиганству. Пусть матушке спасибо скажет.

— Она у вас святая, — задумчиво пробормотала Зина, — чужой грех на себя берет. А вот мне грешить придется — неправду говорить.

— Так это же ложь во спасение!

— И тогда она не грех?

— А вы как думаете?

Но Зина не успела подумать — ее вызвали в кабинет.

Господи, счастье-то какое! С Нины Ильиничны взяли подписку о невыезде. Это еще три дня, а может, и больше. Пока все допросы не проведут.

Зина сидела на заднем сиденье между старухой и Веркой. Дождалась-таки их бабонька. Вот и пойми ее: то кидалась на Даму, то ходит за ней, как собачонка. В Зине даже ревность зашевелилась.

У подъезда торчал встрепанный Стас. Похоже, сегодняшняя история совсем выбила мужика из колеи. Он переполнялся избытком чувств и всего, чем подлечивался после милиции. Кинулся целовать старухе руки, потом попытался прижать к объемной груди. Митя осторожно отцепил его, отвел в сторонку, что-то пошептал, потом помахал честной компании:

— Идите, отдыхайте. А мы пока со Стасом поболтаем. Я скоро.

Поднялись к Лидке. Опять посиделки на этой кухне, и народу не меньше, чем тогда, из-за Аськи. И все те же лица. Только смотрят по-другому, как на какую-то кинозвезду или прорицательницу, случайно попавшую в наш город. Нет, даже не так. На канатоходца или певицу с высоким голосом публика взирает с уважением и отстраненностью: эти люди умеют то, что нам не под силу. Поступок же Дамы мог совершить каждый, но никому и в голову не пришло

бы поставить себя под удар из-за какого-то Стаса. Посетовали бы: опять мужик не по делу садится невесть на сколько, посочувствовали бы. Но пожалеть так, чтобы взять вину на себя...

А, оказывается, можно. И, оказывается, можно протянуть руку не только тонущему в реальном болоте, но и попавшему в такую вот беду. И когда человек уже захлебывается, нет времени думать, опасно ли это для тебя, просто вытягиваешь и не боишься испачкаться.

Ничего в этой мысли не было нового. Но, поди ж ты, произошло открытие, словно старушка взяла какую-то недосягаемую донныне высоту. «Первооткрывательница наша, ты не только Стаса спасла, ты нас всех спасаешь...»

Зина оглянулась и увидела Сан Саныча. Сидит растерянно влюбленный, втиснулся в уголок между стеной и холодильником и, похоже, уже полчаса не шевелится. А Нина Ильинична, наоборот, веселая, оживленная, рассказывает в лицах о приключениях в милиции, об обитателях КПЗ, о Васеньке. А он, постреленок, примостился рядом, прижимается к ней, как к родной. Носом не клюет, хотя уже второй час, видать, привык к ночной жизни.

Зина допила свою чашку и незаметно улизнула домой. Ленка опять, не раздеваясь, приткнулась на диване рядом с отцом. Наверно, как телик смотрели, так и отрубались. Тянется к нему после деревни, вся ершистость куда-то делась. Зина пододвинула стол и достала с антресолей чемодан с Ленкиными тряпками, из которых девка давно выросла. Набила целый пакет джинсами, майками, свитерами и вдруг почувствовала на себе взгляд.

Ленка молча стояла и держала свой старый школьный рюкзачок.

— Ты права, ему в пакете неудобно нести будет.

— Я еще хочу ему серую куртку отдать. Она прямая, с молнией, такие и мальчишки носят. А то как похолодает...

— Да, поищи, ты все равно ее год не надевала.

— Знаешь, мам, я с ним разговаривала. Он совсем не похож на вора — нормальный пацан, только с комплексами.

— Будешь с комплексами, когда из дома бежать приходится.

— А если я буду ему писать, как ты думаешь, он ответит?

— Спроси. Возьми адрес... А вообще-то не надо, Эдик-баритон узнает все его позывные, тогда и напишешь. Пусть это будет для него сюрпризом.

Еле уложила девку и потащила рюкзачок с курткой в 26-ю. А то

Эдик собирался завтра раненько уехать... да какое там завтра, сегодня уже.

У дверей старухиной квартиры встретила Митю — спускался от Стаса. Зарумянился, водочкой попахивает, но глаза трезвые, с чертиками.

— Ну как наш виновник?

— Сначала за жизнь говорили, исповедовался все. Потом захотел угостить — и у него было с собой, и у меня. Посидели, поквасили. Но, дурья башка, не понимает, что у самых старых дрожжей за день накопилось, а я почти не пил до этого. Да и вообще в парижских ресторанах тренировочку прошел, как потреблять без опьянения.

— Что, и такое бывает?

— А как бы я там играл, когда кругом подносят? На все есть свои секреты. Голова, правда, после этого болит, и с сердцем может быть плохо. Но Стаса я довел до победного конца — спит, как сурок, только храпит по-динозаврьи. Будем надеяться, не вымрет. Зато клятву я с него взял страшную...

— Какую?

— Потом узнаете. Если исполнит ее.

Назавтра дом увидел нового Стаса. В изящном костюме, светлой рубашке, даже рыжие вихры не так торчат. Оказывается, сводил его Митя к директору театра, попросил взять рабочим сцены. Проблемы-то те же, что у всех зеков — никак на работу не устроишься. Как глянут на наколки... Из-за этого и драка с Тарасом вышла: разгружали вместе вагоны, да выручку не поделили... там какие-то свои бомжино-мафиозные законы. А куда, кроме вагонов, податься...

Директор театра, говорят, сначала тоже смутился, но тут узнал, что Стас умеет диваны обтягивать — на зоне в мебельном цехе работал. Дал на пробу плюшевую занавеску и кресло, Стас его за полдня в конфетку превратил. Сразу зачислили столяром-реставратором, а если будет после спектаклей декорации разбирать — это еще полставки, жить можно. Только имидж у него не совсем театральный, и директор расщедрился, принес из костюмерной самый большой костюм.

— Он бы еще заставил фрак натянуть на эти бицепсы! — качала головой Дама.

Но Стасу сказала, что ему пиджак очень идет и что ей самой тоже было непривычно, когда сменила робу на платье.

В другое время Стас, может быть, и поартачился, но после вче-

рашнего стал на удивление покладист. С Тарасом же пришлось повозиться. Никак не хотел признавать мужик, что старушка — божий одуванчик его чуть на тот свет не отправила. Обидно, понимаете ли. И хоть не видел, кто нанес удар, но полностью ломал показания Нины Ильиничны.

И тогда она сама пришла к нему в палату. О чем говорили, так никто и не узнал. Только согласился Тарас со всеми ее доводами. А когда выходила, крикнул: если что, пусть обращается, любого за нее завалит.

— Голубчик, я через несколько дней в Париже буду. Теперь уже, наверно, навсегда.

— А что там, другие что ли? Если кто обидит...

— Это мысль! Сразу позвоню. А ты пока французский учи.

Слышавшая этот разговор Зина угорала потом до самого дома. Но Нина Ильинична была печальна и молчалива.

16

Опять проводы. На этот раз уже окончательные и бесповоротные. Утром Эдик вернулся с лесного кордона. Отвез Ваську к деду, получил в подарок трехлитровую банку только что откаченного меда и вдобавок опухоль во всю щеку. Обитателям пасеки импортный баритон показался не то слишком страшным, не то аппетитным, они не смогли удержаться и всадили в него несколько жал.

Подписку о невыезде с Дамы сняли. Тарас не стал подавать в суд, и дело закрыто. Чемоданы уложены, на рассвете «Мерседес» помчится в сторону Москвы.

Зина вновь курила на балконе. На этот раз угостил Митя чем-то французским, во всех смыслах утонченным, сигарета прямо с соломинку.

— А вы уверены, что в Париже ей будет хорошо?

— Знаю, что плохо. Старикам вообще тяжелы переезды, а тут чужая страна. Но что делать? Оставлять ее одну? Сейчас она еще в силах, а завтра... У нее же целый букет хронических заболеваний, только виду не показывает, не любит говорить о болячках. Но если что случится, воды будет некому подать.

— Если бы она захотела... Мы бы стали ухаживать... Такие люди... нет, она, только она так нужна нам... — Зина смущалась, путалась в словах, а Митя все шире улыбался.

— А почему вы думаете, что она нам не нужна? У меня дочка, девять лет. И я хочу, чтобы она выросла русской девочкой. Нет, язык знает, ее мама хоть и француженка, но преподает русский, очень любит нашу культуру. Но вокруг... И потом матушка — это живая история, это то, что нельзя ощутить, просто прочитав или увидев в кино. Вы понимаете меня?

— Еще как! У меня после нее глаза открылись... Но еще не до конца. И у детей наших... Господи, почему же у них таких учителей нет!

— И не может быть. Нормальный совдеповский учитель — это тот, кто перестал быть в душе ребенком, кто забыл, что это такое. А мама оставалась им всю жизнь, потому ее многие так любят. Я знаете, когда это понял? Когда дочка подрастала. У нее первые вопросы были «а зачем?» Мы поправляли: «Не зачем, а почему». И вдруг до меня дошло. Это же главный вопрос человеческой цивилизации! Зачем, для какой цели придуман тот или иной закон, соответствует ли он этой цели? Для чего мы поклоняемся деньгам или карьере, правильно ли это? Для чего одного хвалим, а другого ругаем? Что мы хотим этим добиться?

Мы же спрашиваем «почему», то есть получаем объяснение причины и на этом успокаиваемся. Так, мол, исторически сложилось, и ничего не пытаемся исправить. А матушка пытается, идет против течения, наживает врагов, но действительно у нее кое-что получается. Вот с тем же Васей, оказывается, был выход. И в истории с вашими Ромео и Джульеттой помогла ведь она, не правда ли?

Зина кивнула. У нее почему-то перехватило горло.

— А еще ей удавалось многих сдружить. Да-да, живут некоторые в одном доме или работают вместе, но словно друг друга не замечают. А пообщаются с мамой и просыпаются, людей рядом видеть начинают. Не знаю, было ли у вас такое...

Зина опять кивнула. Что-то горячее прилило к глазам, и сдерживаться уже не было сил. Она рванулась с балкона, осторожно бочком пробралась мимо стола и выскочила к лифтам. Нет, тут она еще крепилась, но когда оказалась на скамейке у гаражей, слезы хлынули потоком. И было жалко всех: себя, Ленку, ребятишек, Нину Ильиничну и даже почему-то Митю и его дочку, которую и по имени не знала. Хотя их-то за что? Они как раз ее обретают. Но они тоже потеряли что-то очень важное. Что? Родину? Зина очень не любила это слово. С начальной школы. Когда его заставляли писать с большой буквы.

А слезы лились и смывали все темное, грязное, что накопилось внутри за последние годы. Заботы, недоделанные дела, хронические проблемы уносились куда-то в сторону, становились мельче, незначительнее, а Вселенная раздвигалась в ширину. И словно бы раздвигалось что-то в груди, и тело становилось все более легким — встань со скамейки, напряги около подмышек и полетишь. Она знала это чувство по детским снам, а сегодня впервые вспомнила наяву. От него что-то сладко сжималось, и еще больше хотелось плакать.

Кто-то легонько обнял ее за плечи.

— Зина, ну что же ты, голубушка! Я же не насовсем, не в могилу. Мы еще будем переписываться, может, Бог даст, и увидимся.

Зина прижалась затылком к плечу Нины Ильиничны и стала смотреть на звезды. Глаза высыхали. Когда горло окончательно отпустило, прошептала:

— Я к вам приеду, можно?

— Конечно, Зина, конечно. Только лучше поспешить, а то, может, потом и не до того станет. Такие вот слезы без причины часто бывают в начале беременности, я сама через это прошла. И знаешь, кто больше всего заставляет нас плакать? Мальчишки. Подготавливают, негодники, что от них еще немало слез прольешь.

«Надо же, и это поняла. Я еще не поняла, а она...»

Зина следила за маленькой точкой спутника и улыбалась. И вспоминала, как мама вот так же обнимала ее за плечи, и они молча смотрели на небо. Только звезды в селе были куда крупнее.

Сан Саныч открыл дверь и изумленно уставился на Зину. Он побаивался женщин, а ее вообще недолюбливал.

— Здравствуйте! К вам можно? — и, не дожидаясь приглашения, Зина шагнула через порог, ему ничего не оставалось, как посторониться.

Заваленная хламом холостяцкая квартира, но компьютер вполне современный. Зина подошла к нему и кивнула на монитор.

— Сколько такой сейчас стоит?

— Смотря для каких вам целей. От пяти до пятидесяти тысяч. Вам для себя или для дочери?

— Для всех, наверно. У нее в школе информатика будет, сказа-

ли, у кого дома компьютер — учиться легче. Еще чтобы кино смотреть могла. Ну и мне.

— А вы что будете делать? Тексты печатать?

Зина молчала.

— Переписываться? С ней?

Зина опустила глаза, словно в чем-то провинилась.

— Я вам сейчас покажу ее письмо, она мне вчера прислала, — Сан Саныч пошевелил мышью, и на экране появился текст.

Александр Александрович!

Какая все-таки чудесная штука E-mail! Как получила ваше послание, на душе легче стало. Конечно, помню всех и уже успела соскучиться, хотя всего-то неделя прошла.

Долетели хорошо, и дома все в порядке. Женя, Женеваева, сноха моя, со мной очень ласкова. Мы и раньше ладили, а сейчас она особенно старается, чтобы я побыстрее адаптировалась. Водит меня везде, французским фразам учит. Но старого кобеля новым шуткам... Чужое все пока. У нас я понимала каждого от бомжа до президента, от ребенка до старика. А тут... Книжки внучкины мне кажутся примитивными и слишком детскими для ее возраста. Очень громко смеются на улице и чересчур эмоционально друг друга приветствуют... Привыкну, конечно, куда деваться.

Вот только сердце болит обо всех, кого оставила. Как там Стас, не сорвался еще? Так хочется, чтобы он себе жизнь наладил, чтобы встретил кого-нибудь. Ему очень трудно сейчас, поддержите, если что. Как Ася с Виталиком, помирились ли с Верой? Она хорошая, только слишком импульсивная.

Передавайте от меня всем привет, и особо большой-горячий Зине. Бывают же золотые сердца у русских женщин... Почему-то все время думаю, что у меня такая дочка могла быть, если бы в шестьдесят шестом аборт не сделала...

А ребятам скажите, что как-нибудь приеду. Не сразу, конечно, может, через годик. И заберу их на экскурсию в Москву, у меня там все равно квартира пустует. С Митей так и договорилась, чтобы давал отпуска от парижской жизни. Только бы здоровье.

Вот я про себя и рассказала. Теперь ваша очередь, Александр Александрович. Жду.

Нина Ильинична.

— Напишите ей что-нибудь, — Сан Саныч придвинул стул и поправил клавиатуру. Но Зина отказалась.

— Я так не могу, когда свой будет... Пока просто привет передавайте, — и полушепотом: — А за пятнадцать тысяч нельзя? Я тут подработку нашла — ремонт в доме, где Алевтина Семеновна жила. Ленка помогать будет. Как раз на полштуки зеленых...

— Вполне можно, и с приличным модемом. А потом, что захотите, подкупите. Компьютер тем и хорош, что собирается, как конструктор.

— А вы поможете купить?

— Конечно, какие проблемы!

— А покажете?

— Придется, куда деваться. Только вы ведь совсем недавно говорили... сейчас точно припомню... «мне он ни на фиг». Было?

— Было, да сплыло. Лишних знаний...

Зина схватила, что, может, он не слышал от Нины Ильиничны этого выражения, но Сан Саныч понимающе кивнул.

— Хакера я из вас не сделаю, но приличного юзера — обещаю.

— А это что за звери?

— Узнаете, Зинаида Петровна. Всему свое время.

ЭПИЛОГ

— Раиса Владимировна, вы мне не подскажете, какие основные виды жизни на Земле? Ну на что эта жизнь подразделяется?

— Не на виды — это очень мелкое деление. На царства. Четыре царства: растения, животные, бактерии и грибы.

— А разве грибы не растения?

— Грибы — это не только то, что в лесу под пеньками, это и то, что вы съели сегодня с кефиром или дрожжевым тестом. А почему вдруг у математика такой интерес к моему предмету?

— Да мне нынче на классном часе ребята отмочили. Я говорила о двойках и тройках, упомянула, что Степанов, по вашим словам, простых вещей не знает. И тут как все накинулись и начали меня экзаменовать, что, дескать, и я простых вещей не знаю. А я и правда биологию как-то...

— Ну и что же, Ирина Львовна, выкрутились?

— Попыталась. Психанула. Перевела разговор на другую тему, свернула все побыстрее. Но работать просто невозможно, они сейчас ко всем цепляются.

— Это что, девятый «А»?

— Если бы! И в восьмом такая же картина, и в десятом. Тамара Николаевна, это вас, что ли, по Толстому пытались опустить?

— А то кого же! Задаёт Авдеева невинный вопрос: почему Наташа Ростова после разрыва с Болконским вначале так переживала, а потом быстро успокоилась? Я объясню, что время лечит, да еще война была, Наполеон приближался, не до сердечных проблем. И тут они мне наперебой, что до Наполеона еще ого-го сколько оставалось — всё чуть ли не по дням рассчитали. А выздоровела она, оказывается, потому что весь пост с родственницей в церковь ходила, плакала там и все прочее. И вроде после этого ей легче стало.

Устроили мне вот такую ловушку. А я про эту тетку вообще ничего не помню, да и про церковь тоже. Никогда мы на незначительные подробности внимания не обращали.

— Но ведь хорошо, что ребята с текстом работают. Мы же всю дорогу их к этому призываем.

— Да пусть читают, Мария Сергеевна, кто против? Но зачем учителя в смешном виде выставлять? Это жестоко и просто невоспитанность какая-то. Мало ли чего человек не знает.

— Но мы-то от них требуем знаний. А теперь они от нас.

— И что же вы предлагаете, Мария Сергеевна? Сесть сейчас всем коллективом за учебники и по второму разу школу оканчивать? Может, еще всех этих Толстых-Гончаровых перечитывать прикажете? — Ирина Львовна просто задыхалась негодованием. — Не знаю, как в вашем возрасте это в голову пойдет, я вам в дочери гожусь, и то на такое уже не способна.

— А я и в юные годы с физикой не ладила, — вздохнула Тамара Николаевна. — И с английским.

— Ага. А пока мы станем это долбить, они чего-нибудь еще раскопают и будут считать: кто не разбирается, тот — полный отстой. Вот посмотрите, что отобрал преподаватель ОБЖ все у той же Лены Авдеевой на своем уроке. И скажите, на кой ляд ей такая литература? — Ирина Львовна достала небольшую книжку.

— Ну-ка, ну-ка! — Тамара Николаевна листала и кривила губы.

— Автор какая-то Нина Леви, «Рассказы из Далека». Идиотское название, «издалека» пишется в одно слово, а тут еще почему-то «далеко» с большой буквы, — она остановилась на какой-то странице: — «Наш лагерь был отнюдь не пионерский, но мы были всегда готовы. Готовы к самому худшему»... Ну, понятно, о чем. И год издания — девяносто первый, тогда такое на ура шло, а сейчас ни за какие деньги читать не заставишь. Ой, а здесь еще дарственная надпись...

Раиса Владимировна перегнулась через плечо, глянула на титульный лист и фотографию.

— Постойте, а я ведь эту бабушку знаю. Конечно, она теперь постарше. Сидели мы как-то в ДЭЗе, а тут девчонки перед окном в пыли кувыркаются. Особенно одна: то на мостик встанет, то сальто назад. По-моему, даже колесом ходила. И эта старуха начала разглагольствовать, как плохо, что летом не работают всякие детские кружки и секции. Все, мол, в отпусках, школы под замком, а ребята предоставлены сами себе.

Ну я ей и высказала, что думаю. И как это она себе представляет секцию в школе, а кто дежурить будет, учителей отпуска что ли лишать? И что не пойдут эти обормоты — дети обормотов — ни в какие секции, из-за копеек удавятся и будут все равно в пыли валяться. Она что-то попыталась спорить, но я спросила, знает ли она, что такое педагогика...

— И как?

— Образование у нее филфаковское. Но педстаж — всего пятнадцать лет, причем десять в вузе, а в школе — меньше пяти. И туда же прет против меня, когда я на одном месте почти тридцать пять... Я ей об этом сказала.

— А она что?

— Отвяла сразу. Да и кто знает детей лучше меня.

— И все-таки негоже нам дураками перед ребятами выставяться, — задумчиво сказала Мария Сергеевна. — Вот вы, Раиса Владимировна, хоть бы раз дали тетради на просмотр Тамаре Николаевне, там такие ошибки чудовищные. И про царства вам, Ирина Львовна, можно было бы знать — плакат в вашем классе висит и весьма красочный.

— Ага! И Достоевского заодно перечитать! Да если меня это

заставят делать, я вообще из школы уйду. У меня лишнего времени не водится. Вот сейчас бегу — ко мне домой через полчаса два проблемных придут. Я не скрываю, как некоторые, что репетиторством занимаюсь. Это у вас, Мария Сергеевна, пенсия, да зарплата, да высшая категория, а нам без этого не прожить. А учеников просто надо ставить на место, и всем вместе — уронить авторитет педагога очень даже легко.

— Да-а, распоясались ребята за лето. И это только начало учебного года, что дальше будет...

Анатолий КОСНЕВИЧ

РАССКАЗЫ

Жанна и Алла

1

Летний тёплый вечер.

С балкона восьмого этажа на фоне густого неба видны соседние дома и россыпь мигающих звёзд.

В комнате дочери смолк неумолимый магнитофон, и неожиданная тишина заставила Аллу Петровну вернуться в квартиру. В прихожей дочь, держась одной рукой за стену, надевала новые туфли.

— Жанна, ты уходишь?

— Да, мама.

— Не поздно ли?

— Ну что ты, самое время.

— Что-то ты зачастила, дочь. Почти каждый вечер.

Жанна, справившись с туфлями, выпрямилась — рослая, красивая девушка.

— Такой нынче расклад событий, мама, — улыбаясь, сказала она.

Анатолий Косневич родился в 1935 году в Орле. с 1946 года живёт в Тамбове. Печататься начал с 1970 года.

Автор 12-ти книг прозы. Многие из них — детективного жанра. В последнее время пишет цикл лирических рассказов. Три из них представлены здесь.

Член Союза писателей России.

Дочери восемнадцать лет, она студентка. Когда-то у неё не было секретов от матери. Алле Петровне неприятно сознавать, что дочь от неё отдалилась, но она понимает, что в какой-то период такие отношения естественны. Она сама выскочила замуж в девятнадцать лет. Через год родилась Жанночка.

— Пока, мамуля, — быстрый поцелуй в щёку, и дочь закрыла за собой дверь.

Алла Борисовна снова выходит на балкон, перегнувшись через перила, смотрит вниз, но двор освещён плохо, и Жанны не видно. Тревожно всё-таки. Мало ли чего... С кем она?..

Восемь лет назад, попав в автомобильную аварию, погиб отец Жанны, инженер-конструктор. Откуда только силы взялись — работать, окончить заочно текстильный институт и растить дочь.

Когда Жанна подросла, мать и дочь стали неразлучны.

— Мы с тобой — как две подруги, — смеялась Жанна. — Жанна и Алла. Кстати, Алла, сегодня твоя очередь готовить обед. Сооруди что-нибудь своё, вкусненькое.

Алле Петровне нравилось, когда дочь звала её по имени. В эти минуты она чувствовала себя намного моложе.

Они и вправду были подругами. Дочь делилась своими невинными секретами, часто забиралась к матери в кровать, чтобы пошептаться перед сном. Но прежде чем поведать свою очередную тайну, брала страшную клятву, что подружка Алла никому не проговорится.

В седьмом классе наступило время первой влюблённости. Жанна приносила домой записки, которые стала получать от одноклассников. Поклонников у неё было предостаточно. Подруги обсуждали достоинства каждого и совместно решали, стоит ли пойти с Петей в кино или лучше покататься на коньках с Димой.

В девятом классе была проблема первого поцелуя. Мальчишка, осмелившийся это сделать, не очень нравился Жанне, но был он лидер класса, и ей льстило, что он остановил свой выбор именно на ней. Потом появился курсант артучилища, коренастый, кривоногий. Дочь откровенно жаловалась, что ей больше нравятся лётчики.

А с января этого года у Аллы Петровны обозначилась своя личная жизнь. Она стала встречаться с молодым неженатым архитектором. Олегу Воробьёву было чуть за тридцать, но по сравнению с тридцативосьмилетней Аллой Петровной Олег действительно был весьма молод. Да и выглядел он молодо — высокий, узкоплечий

блондин с ясными голубыми глазами. Встречи были тайные и происходили в квартире Олега. К себе она друга не приводила, опасаясь, что дочь её осудит. Разница в годах угнетала Аллу Петровну, и когда они с Олегом, случалось, бывали на людях, ей начинало казаться, что на них смотрят и осуждают её. Но в небольшом городе рано или поздно всё тайное становится явным. Алла Петровна много раз хотела рассказать обо всём Жанне, но так и не осмелилась. А зря. Не прошло и двух месяцев, как подруги Жанны донесли ей, что видели её мать с молодым человеком. Жанна всё ждала, что мать с ней поделится своим секретом, но не дождалась. А разве после этого могли они по-прежнему оставаться подругами?

Надо сказать, что Алла Петровна выглядела прекрасно и уж, конечно, моложе своих настоящих лет. Она среднего роста, хорошо сложена, стройна, подвижна, у неё пушистые дымчатые волосы, большие серые глаза и по-доброму улыбочивый, красивый чувственный рот.

Мать и дочь, близкие подруги Жанна и Алла, так и не удосужились откровенно поговорить, и постепенно между ними возникла отчуждённость, они перестали доверять друг другу. И теперь, когда у Жанны определён кто-то появился, Алла Петровна казнилась, что между ними нет прежней дружбы.

2

В этот раз дочь вернулась уже после полуночи, но Алла Петровна спать не ложилась. Она с большим трудом сдержалась, чтобы не накинуться на несносную девчонку и не надавать ей хороших пощёчин. Она только вышла из комнаты и выразительно, но безмолвно глянула на Жанну и захлопнула дверь.

На следующий вечер Жанна ушла снова и вернулась поздно.

Так продолжалось почти две недели. Алла Петровна похудела от переживаний, но по-прежнему держала себя в руках. Ей это было невозможно трудно. В это время у неё что-то не складывалось с Воробьёвым. Он, словно впервые узнав о её возрасте, старался как можно меньше бывать с ней на людях. И хотя оба любили театр, по не очень убедительным причинам он не пошёл с Аллой Петровной на последнюю премьеру. Встречи становились всё реже и реже. Алла Петровна себя не обманывала, поняв, что роман идёт к завершению.

После долгих колебаний мать всё-таки решилась переговорить

с дочерью. Дождавшись возвращения Жанны, она обратилась к ней:

— Как я понимаю, у тебя появился молодой человек?

— Ты очень проницательна, мама.

— Он тебе нравится?

— Я его люблю.

— А он тебя?

— Говорит, что любит.

— И какие намерения у влюблённого?

— Он сделал мне предложение.

— О! Это уже серьёзно. Ты дала ответ?

— Я согласилась.

— Могу я поинтересоваться твоим женихом более обстоятельно: кто он, откуда, кто его родители?

— Конечно, мама, только, пожалуйста, не сейчас. Я очень хочу спать. Если ты не возражаешь, то в субботу приведу его к нам, и ты сможешь сама задать ему эти вопросы. Только будь добра, испеки что-нибудь. Лучше всего торт «Наполеон». Хорошо?

В последних словах дочери слышались примирительные ноты, и Алла Петровна поняла, что у неё есть возможность вернуть расположение Жанны.

— Хорошо, я постараюсь. Только не знаю, что у меня получится. Давно не практиковалась. Ладно, в субботу тряхну стариной. Спокойной ночи, дорогая.

3

Оставшиеся до выходного дни особого тепла в их отношениях не прибавили, но всё-таки это было перемирие. Готовиться к встрече с кандидатом в зятя Алла Петровна начала с утра. Первым делом замесила тесто. Кроме торта, были приготовлены несколько сортов салатов, заварен крепкий чай и на всякий случай припасён растворимый кофе. Постаралась Алла Петровна и с котлетами. Они у неё получились не хуже тех, знаменитых, «по-невски». В общем, стол сооружался на славу. Единственное, в чём хозяйка поколебалась, так это ставить ли на него крепкие напитки. Решила, что всё-таки надо. Возможно, жених принесёт что-нибудь с собой, но ведь лишних бутылок не бывает.

Дочь ей тоже помогала. Они разговаривали как ни в чём не бывало, а когда Жанна уходила, неожиданно сказала:

— Пока, Алла, жди нас.

— Пока Жанна, — Алла Петровна с трудом сдержала слёзы.

Молодые ожидалась ровно к семи часам. В половине седьмого Алла Петровна привела себя в порядок и, посмотрев в зеркало, без колебаний дала себе высокую оценку. Она загадала: если жених дочери человек положительный, то в первый раз он придёт с точностью до минуты. Алла Петровна уже несколько раз выходила на балкон, но пока никого не было видно.

Она сказала себе, что молодой человек, уважающий себя, свою невесту и её семью, должен приехать на такси, и пусть весь двор видит, какие у него серьёзные намерения. А вдруг у него свой автомобиль? Жанна ничего про него не говорила. Возможно, хочет сделать сюрприз. Теперь многие молодые люди владеют автомобилями. Он вполне мог оказаться бизнесменом. Зять на иномарке! Алла Петровна улыбнулась и поспешила в комнату переставить приготовленные цветы с серванта на середину стола. А немного погодя, когда она снова вышла на балкон, увидела, как во дворе разворачивалось такси, светился зелёный гребень. Алла Петровна поняла: приехали. Сейчас, наверное, поднимаются на лифте. Молодец зятьёк, первых ожиданий не обманул: вовремя и на такси. Теперь она была уверена, что приехал он не с пустыми руками, наверняка привёз цветы и шампанское.

А вот и они — звонок в дверь.

— Иду, иду, — весёлым голосом воскликнула Алла Петровна и, поправляя на ходу свои прекрасные пепельные волосы, поспешила в прихожую.

Щёлкнув замком, гостеприимно распахнула дверь.

За порогом — её милая Жанна: красивая, счастливая, немного смущенная, держала под руку Олега Воробьёва. Жених выглядел превосходно. Одной рукой он прижимал к себе бутылку французского шампанского, а в другой держал яркий букет цветов для будущей тещи.

Фарфоровая чашка

У входа в проходную, на каменной скамейке под козырьком, сидел Николай Савельев и курил беспрестанно.

Каждый, кто проходил мимо, непременно любопытствовал:

— Савельев, ты почему не на работе?

Николай отвечал автоматически:

— У меня отгул.

Тёплый летний день шёл на убыль, тени удлинялись; часы на проходной показывали без пяти шесть.

«Сейчас контора двинется», — подумал Савельев и встал.

Был он невысокий, но сбит хорошо, голову держал чуть откинутой назад и от этого казался гордым и задиристым. На нём был серый лёгкий костюм, светлая рубашка в полоску с расстёгнутым воротником.

Из окошка выглянула тётя Глафира — вахтёр. Многозначительно поглядев на Николая, произнесла:

— Дождался, милоч, — идут.

Сразу дверь распахнулась и некоторое время так и не закрывалась, пока не прошли служащие фабричной конторы. Вместе со всеми вышла и Люба Шахова, бухгалтер — молодая белокурая женщина, немного полная, миловидная. Несла большую сумку.

— Привет, — сказал Николай. — А я сегодня в отгуле. Давай сумку.

— Мог бы и не приходиться, — сказала Люба, но от помощи не отказалась. Сумка была тяжёлая.

— Оборудование, что ли, выносишь?

— Соленья-варенья, три банки.

— Может быть, пешочком пройдемся? — предложил Николай.

— Через весь-то город? Не донесёшь.

— Посмотрим.

— И смотреть нечего, — Люба направилась к автобусу.

Видавший виды заводской автобус стоял уже под парами, вперёд рвался, хотя стонал и пытел от каждого входившего в него человека.

Мест свободных сидячих не было, более пряткие их заняли. Пришлось в проходе стоять.

Сначала неспешно, а выехав на прямую магистраль, понёсся служивый, как резвый конь по давно знакомой и оттого не такой трудной дороге.

Николай и Люба в автобусе между собой не разговаривали, хотя на них с некоторых пор перестали внимание обращать, привыкнув, что Савельев серьёзно ухаживает за молодым бухгалтером.

...Началось с весны. То ли весной воздух такой опьяняющий, как дурман, то ли иные причины, но впервые вместе за фабричную

проходную Николай и Люба вышли после женского праздника.

Ещё в декабре Люба выставила из дома своего пьяницу-мужа и осталась вдвоём с шестилетней Дашей. Николаю Люба приглянулась давно, ещё с тех пор, как два года назад вернулся из армии. Он, как только её увидел, сразу, что называется, глаз на неё положил. Но, узнав, что Люба замужем, проявлять активность не стал, даже никому не сказал, что она ему нравится. Впрочем, и так было видно, если кто внимательно на людей смотрит. Не обязательно наладчику станков каждый день в бухгалтерию наведываться, его дело известное — в цехе станки обслуживать, а Савельев всегда находил предлог, чтобы в бухгалтерию заглянуть. В столовой тоже частенько оказывался с Любой за одним столиком. В пространные разговоры не пускался, дурацких анекдотов не рассказывал, вёл себя, как подобает мужчине, сдержанно. Наверное, тем и обратил на себя Любино внимание. На фабрике большинство женщин, а мужчины — вроде петухов: важные ходят, а если и обращают на девушку внимание, то снисходительно и беззастенчиво.

Однажды Люба сказала:

— Я о тебе у людей спрашивала, говорят, ты непьющий. Правда?

И, услышав его ответ, вздохнула:

— Счастливая у тебя жена будет.

О том, что она разошлась с мужем, он услышал после Нового года. Чувство, которое он испытал при этом, было сродни тому, что ощущает человек, вырвавшийся на волю после долгого заточения. Хотелось сразу подойти, но, подумав, решил, что сейчас ей не до него, постеснялся быть навязчивым, в бухгалтерию не ходил, а в столовой появлялся позже всех. И только на праздничном мартовском вечере осмелился пригласить Любу на танец...

У Центрального рынка автобус остановился. Здесь — как узловая станция, кому-куда, пересадка на городской транспорт — троллейбус или автобус.

Им тоже предстояла пересадка. На другом конце площади — остановка их автобуса. Народу на ней — тьма. Николай сказал:

— Не отставай. Будем прорываться.

Как только показался из-за угла автобус, Николай напряжился, словно перед атакой, и, не успев машина остановиться, он, левое плечо вперёд, как таран врезался в толпу, зная лишь одно: сесть надо. Повернувшись, приглядывал, не отстаёт ли Люба. Места усмотрел, сразу сумкой забронировал. Люба села, а он стоял, обер-

нувшись спиной к проходу, защищая её от чужих толчков.

Теперь можно было и поговорить, но Николай разговаривать на многолюдье не любил: здесь хоть и кажется, что каждый самим собой занят, но не всегда так, особенно у женщин, — они не прочь послушать чужие разговоры. Так и ехали, в шуме и тесноте, но ему это не мешало, лишь бы рядом быть с Любой.

Жила Люба почти что на окраине, шеренга новых крупнопанельных пятиэтажек сразу за конечной останковкой, как пограничный кордон, а дальше — одноэтажные домики.

Обычно они прощались на останковке, но вот уже вторую неделю он провожал её почти до самого дома. В дом Люба не приглашала, а он не напрашивался.

— Когда с дочерью познакомишь? — спросил Николай.

— Да хоть сейчас, — весело ответила Люба. — Вон Даша бежит.

Навстречу по тротуару, обсаженному тополями, сверкая красными сандалиями, мчалась девчушка в коротком голубом платье, белокурая и синеглазая, как Люба.

— Мам! Мам! — кричала она и, подлетев к Любе, с размаху бросилась и повисла на шее, болтая сандалетами. Потом отцепилась, только держалась за руку, прижимаясь к ней. — Мам, так я по тебе соскучилась!

Николай с сумкой шёл чуть впереди.

— Ма, а это кто? — с интересом спросила Даша, косясь на Савельева.

— А ты у него спроси, кто он такой.

— Привет, — сказал Савельев, обернувшись.

— Привет. А ты кто?

— Я — Савельев Николай. А ты кто будешь?

— А я — Даша. Почему ты мамину сумку несёшь?

— Помогаю твоей маме.

— Отдай сейчас же нашу сумку.

— Пожалуйста, забирай. Только она тяжёлая, — он сделал вид, что собирается отдать девочке сумку.

Даша нахмурила белёсые тонкие брови.

— Ну уж ладно, неси, — позволила она. — Только смотри ничего не разбей.

— Буду стараться.

Так за разговором подошли к калитке. Маленький дом за пали-

садником смотрел тремя любопытными окнами. Николай окинул всё цепким взглядом: крыша вот-вот прохудится, забор подпереть надо, порог наперекосяк...

— Ну что ж, Николай Иванович, спасибо за помощь, — сказала Люба.

Николай взглянул на Дашу.

— Я бы хотел к вам зайти, — осмелел он.

— К нам нельзя, — сказала Даша и, став у калитки, загородила вход.

— Почему?

— Нельзя — и всё.

— А я только посижу на крыльце, попью воды и уйду.

— Воды я тебе сюда принесу, так уж и быть, — сказала девочка и убежала в дом.

— Ну, что скажешь, Савельев?

— В порядке девчонка, шустрая, мне нравится.

— А ты ей?

— Обязательно.

— Не замечала я что-то раньше за тобой самоуверенности, Коля.

— Домишко ваш в мужских руках нуждается, — сказал он, кивнув на залитый отсветом заката дом.

— Не заговаривай зубы, Николай, я тебя спрашиваю вполне серьёзно.

— Всё нормально, Люба, не волнуйся, всё в порядке.

— Уверен, значит?

— Вроде бы так.

Даша, осторожно держа чашку обеими руками, приблизилась и подала её Николаю.

— Спасибо, — серьёзно сказал он, принимая чашку из её тонких загорелых рук. — Где ж такую красоту взяли?

— Маме не Восьмое марта подарили, — с гордостью сказала Даша.

Чашка была действительно красивая, тонкого фарфора, с золотистым ободком по краям, ярким цветным рисунком.

Пил Савельев не торопясь, с явным удовольствием, делая остановки, и в одну из таких пауз, хитро сощурился, подмигнул Даше. Она фыркнула и повела плечами:

— Вот ещё, как маленький.

Выпив воду, Николай поклонился девочке и передал чашку:

— Спасибо, хозяйка!

— Кушайте на здоровье, — высоко держа голову, она пошла в дом.

— Кажется, ты прав, Савельев, — негромко сказала Люба, глядя вслед дочери. — Отец у неё был неласковый. Я старше тебя на три года, Савельев.

— Я буду тебя слушаться, — сказал Николай.

— Ты будешь, — улыбнулась Люба. — Ну ладно, иди, а то автобус долго придётся ждать.

— Погоди, я ещё с Дашей не простился.

Девочка, легко подпрыгивая, сбежала с крыльца.

— Ну что ж, хозяйка, спасибо за воду, а нам до дому, — он протянул девочке руку. — До свидания, Дарья.

Даша опять фыркнула, убрала руку за спину, гордо вскинула голову.

— Пока.

— Пока — так пока. До свидания, Любовь Васильевна.

— До свидания, Николай Иванович.

Николай отошёл на некоторое расстояние, но что-то заставило его обернуться. Мать и дочь по-прежнему стояли возле калитки и смотрели ему вслед.

Предвечерье

Без десяти шесть Настя подходит к большому серому дому, где на пятом этаже находится учреждение, в котором работает Юрий. Настя высокая, худенькая, большеглазая.

Август, кончается лето, и вечера наступают раньше и заметнее. Солнце наклонилось к закату, листва без движений, тишина настороженная.

Между домом и оградой сквера — неширокая полоса проезжей части. По ней не гремит тяжёлый транспорт, и только легковые машины, шурша, солидно подкатывают к подъезду.

Настя спрашивает себя в последний раз, не сделала ли она очередную глупость, придя сюда? Ответа у неё нет: несколько минут назад она была уверена, что поступает правильно, а сейчас снова сомневается. Её глаза неотступно следят за входной парадной дверью. Ещё за несколько минут до шести часов обе застеклённые створки высокой двери распахиваются и в последующее время ни

разу не сомкнутся, только сверкают солнечные лучи в верхних стёклах. Спешно проходит служащий люд. У Насти такое впечатление, что эти люди спешат поскорее покинуть казённый дом, потому что боятся, что их заставят вернуться.

Вот и Юрий. Он выходит вместе со всеми, легко спускается по широким ступенькам. Серый костюм ладно сидит на его высокой, широкоплечей фигуре. Тёмные непокорные волосы. Они слегка вьются, если провести по ним рукой... Настино сердце вздрагивает. Ещё сидит проноза, сидит...

Она знает, что сейчас Юрий дойдёт до угла, потом перейдёт дорогу и, оставив главную городскую магистраль, свернёт на одну из тихих, спокойных улиц, что тянется до самого его дома. Неторопливая, ровная ходьба займёт у него выверенные тридцать пять минут прогулки, очень полезной для здоровья. Нет, всё идет обычным порядком, Юрий доходит до угла, дисциплинированно ждёт переключки светофора и на зелёный свет переходит широкую магистраль. Не забывает он в своё время повернуть голову сначала налево, потом направо.

Настя, добежав до угла, одна-одинёшенька перебегает дорожную полосу, увертываясь от тронувшихся автомобилей. Гудки. Красноречивые слова и жесты водителей — плевать. Хорошо, что нет милиционера, обязательно бы штрафанул.

Но вот она на другой стороне. Юрий впереди. Он идет неспешным прогулочным шагом. Теперь Насте необходимо его догнать. Она так спешит, что расстёгивается верхняя пуговица платья. Бог с ней, так даже пикантней, и воздух охлаждает грудь...

Улица начинается с маленьких магазинчиков. Потом пойдут кафешки, где можно отведать мороженое и кондитерские изделия, и лишь потом начнутся кварталы жилых домов. Закатное солнце догорает в витринах. Темнеют кроны деревьев.

Между двумя магазинами Настя нагоняет Юрия.

— Привет, — бросает она, стараясь сдержать сбившееся дыхание.

Юрий, не сбавляя размеренной ходьбы, поворачивает свой чёткий профиль.

— А-а, Анастасия, какими судьбами, привет, привет, — без малейшего удивления произносит он.

— Да так, случайно... Ходила по магазинам, смотрю — ты идёшь... Как поживаешь?

— Нормально.

— Отец как?

— Как всегда, у него проблемы с рыбалкой. Наверное, уже выловил всю рыбу в реке. С каждым разом приносит все меньше.

— А Римма Викторовна?

— Мама горит на общественной работе, а в перерывах между заседаниями борется с пылью в квартире и моей холостяцкой жизнью.

При этих словах Настя перехватывает мимолётный, как бы вскользь брошенный взгляд на её высокую грудь, приоткрытую из-за расстегнутой пуговицы.

«Подумает, что я его нарочно соблазняю».

Она хорошо знает Юрия. Ей достаточно одного взгляда, жеста, слова, чтобы угадать его желания. Она его всё ещё волнует. Ей хочется взять его за руку, но вместо этого она спрашивает о сестре Юрия, Рите.

— Ритка? — переспрашивает Юрий. — Ах, Ритка. Ритка в полном порядке. Заканчивает диссертацию и отвергает многочисленных женихов. Как в старой песне: «Первым делом, первым делом самолёты, ну а девушки, а девушки потом». В данном случае — женихи.

— Это тоже и твой девиз, я помню.

— Прекрасная память.

Они уже проходили мимо кафешек, где столики вынесены, словно в Париже, прямо на улицу. Настя невольно замедлила шаг. Она почувствовала, как у неё во рту тает шоколадное мороженое. Вот если бы Юрий пригласил её посидеть в кафе. Но нет, он не меняет темпа, идёт, как по выверенному маршруту, в котором учтена каждая минута. Короткая искорка, пробежавшая между ними, сразу гаснет. Ожидать нечего. Если бы он хотел сближения, то лучшего предложения не найти.

«Теперь всё», — думает Настя и говорит уже другим тоном:

— Как твоя карьера?

— Я заведую сектором.

— И только?

— До конца года стану заместителем заведующего отделом.

Он явно не замечает её иронии.

— Юрочка, тебе же скоро тридцать.

— На следующий год шеф уйдёт на пенсию.

Настя видит, как на его лице проступает озабоченность. Он обеспокоен, возможно, есть и другие претенденты.

Вот и последнее кафе. Играет музыкальный автомат. Дальше переход улицы и начало жилых домов. Все они выложены белой плиткой, солидные, добропорядочные. Можно здесь остановиться, повернуть обратно. Зачем на него обижаться, ведь было и счастливое время. Прошлое ушло. Пусть прежние чувства не будут омрачены. У неё перехватывает дыхание. Она не может ничего говорить.

А вот уже и дом, в котором живет Юрий. Окна выходят во двор. Из окна комнаты видны утопающие в садах маленькие домики. Она любила, сидя на подоконнике, смотреть, как меняется вечернее небо, как солнце опускается в чащу садов.

Юрий шёл к себе. Она знала, что приглашения подняться вместе с ним не последует. Юрий остановился. Улыбнулся.

— Рад был тебя видеть.

— Я тоже.

— Тогда пока. У меня сменился служебный телефон. Ежели могу чем-то помочь, звони, пожалуйста, — он достал из бумажника новенькую, не потерявшую глянца визитную карточку и подал Насте.

— Спасибо, я непременно так и сделаю.

Кивнув на прощанье, Юрий направился к своему подъезду. Настя всё ещё стояла и смотрела ему в спину. Её взгляда он не почувствовал, не обернулся.

Она шла по притихшей улице. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь ветви тополей, касались лица, не давали тепло. Ей хотелось плакать. Нисколько не жалея о сегодняшней встрече, Настя думала, что теперь ей наверняка известно, что прошлого не вернуть, и не стоит о нём больше вспоминать, надо только постараться жить хорошо и достойно.

«Он даже не поинтересовался, что стало с ребёнком, которого я носила», — с горечью подумала она.

Настя разорвала визитную карточку на мелкие клочки и бросила в урну.

Опускаясь в конце улицы солнце было ярким и огромным; деревья на его фоне казались чёрными, красное полотно заката обещало перемену погоды и сильный ветер.

Николай НАСЕДКИН

ФЕВРАЛЬ

Рассказ

Разбудил его телефонный звонок. Для субботнего утра — в несутветную рань: было начало восьмого. А он только-только, всего пару часов тому, и задремал, рассчитывая не возвращаться в этот мир хотя бы часов до десяти. Хотел раздражиться и чертыхнуться, но тут же волну поднимающей злости заглушил, накрыл собой вал жгучей всепоглощающей тоски. Он, не открывая глаз, провёл рукой рядом с собой — пусто...

Лучше б не просыпаться!

Телефон не умолкал. Он на ощупь дотянулся до трубки, лежащей рядом с изголовьем на стуле, нажал кнопку приёма. Штырь антенны упёрся в подушку, мешал прижать телефон к уху. Но слышно было хорошо:

— Алексей Алексеевич? Это соседка сверху, Полина Иннокентьевна! Ну опять же трубы в ванной дребезжат! Вы что, не слышите? Я звоню, звоню в жилконтору, но они меня и слушать не хотят! Конечно, кто будет пенсионерку слушать! Алексей Алексеевич, вы обязаны позвонить! Вы должны надавить на них — с вашим-то авторитетом! У меня голова болит от этого дребезжания!..

Стараясь говорить тихо, пообещал:

Николай Наседкин родился в 1953 году в Сибири. Окончил Московский университет им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литинституте им. А. М. Горького. С 1982 года живёт в Тамбове.

Публиковался в журналах «Наш современник», «Нева», «Урал», «Подъём», «Южная звезда» и др.

Автор книг «Осада», «Криминал-шоу», «Алкаш», «Меня любит Джулия Робертс», «Люпофь», «Самоубийство Достоевского», «Достоевский: Энциклопедия» и других, вышедших в издательствах Москвы, а также Польши и Черногории.

Председатель правления Тамбовской писательской организации.

— Хорошо, Полина Иннокентьевна, я позвоню, не волнуйтесь... Отключил трубку, вяло подумал: «Да-а-а, мне бы ваши заботы...» И вдруг, как это бывало с ним не раз в последнее время, он спохватился, как бы очнулся, вынырнул на поверхность из омута депрессии и апатии. Да что ж это я, как старик, ей-Богу?!

Он распахнул решительно глаза, энергично, совсем как в детстве, растёр их кулаками, потянулся до хруста в суставах, на миг прильнул лицом к соседней подушке, вдыхая родной волнующий запах, откинул одеяло и прямо так, голышом, проскользнул на кухню. В прихожей, на миг увидев своё отражение в зеркале, ухмыльнулся, иронически, но и не без самодовольства: конечно, голый пятидесяти-почти-что-трёхлетний мужик со своим «сбоку бантиком» на фоне холодильника сам по себе фигура комическая, но в принципе ему стесняться пока ещё нечего — выглядит вполне «рентабельно»... Ещё бы! Ведь не только же за мозги полюбила его Алинка — идиота старого, обогнавшего её по жизни без малого на тридцать лет...

Стараясь ненароком не звякнуть, он поставил чайник на конфорку, включил газ, приготовил бокалы: в Алинкин положил пакетик с её любимым зелёным чаем, в свой — пару ложечек кофе и сахар. Пока чайник закипал — стоял, думал.

Ссора накануне вечером возникла, как это и бывает, из-за ничего, из-за полного пустяка. Ну никак ему не удаётся обуздать ревность, перестать выплёскивать свою дурацкую подозрительность. Увидел на её страничке на «Стихире» среди откликов глупое послание всё от того же Замзуева из Москвы («Привет, Алинка! Спасибо за поздравление с Днём Святого Валентина и за виртуальный поцелуй! И тебя целую! О последних твоих стихах сброшу впечатления на мыло — жди...»), а ему страшно не нравилось, что она общается-целуется с мужиками хотя бы и в Инете. Ведь обещала же, клялась: больше не будет!..

Кончилось тем, что его же виноватым сделала, соскочила с постели, ушла в другую комнату, затихла там. Дверь, правда, оставила открытой настежь (он вставал ночью специально, посмотрел), но на его призывы вернуться, помириться даже не пожелала нужным отвечать-реагировать...

Глупо всё это, конечно! С его стороны. Нашел тоже, к кому ревновать: к охламону стихоплётствующему из Интернета... Уж ревноваться должен был досыта. Из трёх лет их *общей* с Алиной

жизни только первые полгода были в этом плане почти совсем безоблачны. Он был ещё женат прежним браком, виделись они урывками и тайком, но он знал буквально каждую минуту её жизни, каждый шаг — она сама и по телефону, и в мэйлах, а при встречах тем более подробно, охотно и с радостной готовностью докладывала ему, объясняла: где была, с кем, что делала, о чём говорила... Ему смешно было сейчас вспоминать, как однажды он приревновал её к мальчишке в соседнем Будённовске, куда они ездили вместе на литературный вечер, и она этому мальчишке начала, порозовев от радости и, как ему почудилось-помнилось, от возбуждения, подписывать свой сборник стихов, диктовать ему свой телефон... Он тогда на обратном пути в микроавтобусе, где, кроме них, были ещё люди, объявил ей свистящим шёпотом, что она вела себя как кокотка (словцо-то какое выкопал!), что всё и вся между ними кончено, что он больше видеть и знать её не желает... Она, всерьёз побледнев, вцепилась ему в рукав куртки (был тоже февраль, чуть ли не это же, 18-е, число!) и дрожащим от слёз голосом умоляла: перестань, не убивай меня, я без тебя жить не смогу!.. Потом они весь оставшийся вечер не могли оторваться друг от друга, губы их распухли от поцелуев, объятия были неистовы, клятвы и признания горячи...

А потом, когда наступило страшное время борьбы с Судьбой, когда она решила, что им вместе не быть, что они не пара друг другу и им лучше расстаться сразу и резко, ему довелось в полной мере нахлебаться горького зелья ревности. Алинка (его Алинка!) начала таскаться-путаться с какими-то сусликами, трахаться с ними, порой даже не ночуя дома, а он звонил ей домой, раздражая родителей, искал... С одним из пацанчиков она даже съездила летом на юг, фантазмагорично и жестоко осуществив их зимнюю совместную мечту... Причём так уж сразу и полностью они расстаться, порвать отношения не смогли, порой даже оказывались в общей постели, и она имела жестокость выбалтывать ему подробности своих адюльтеров-похождений, вплоть до самых интимных — каким способом совокуплялась с очередным сусликом, сколько раз... Словно мстила ему же за своё предательство его, их любви...

Чайник начал свистеть, он еле успел выключить газ, приглушить свист. Налил кипятка в оба бокала, поставил их на жостовский поднос, достал из аптечки на стене таблетку валидола (за «Орбитом» с мятой возвращаться в комнату не хотелось), пососал, держа поднос

на вытянутых руках и накинув для юмора полотенце на руку, придал лицу соответствующее выражение влюблённого официанта и отправился в маленькую комнату. Там его взору в свете вызревающего солнечного утра предстала иллюстрация к стихам Ивана Алексеевича Бунина:

*...Она лежала на спине,
Нагие раздвоивши груди,
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь её во сне...*

Он даже запнулся, застыл на секунду. Боже мой! От любви и нежности хотелось плакать...

Осторожно поставив поднос на подоконник, он нагнулся, прильнул ртом к её детским губам, чмокнул и тут же скользнул вниз, накрыл поцелуем левую грудь, прикусил легонько зубами тут же откликнувшийся на ласку, напрягшийся розовый бутончик. Она распахнула глаза, улыбнулась счастливо, обвила его голову руками, прижала к своему телу, капризно протянула:

— Ты чего?

— Чего, чего! — пробормотал приглушенно он, не поднимая лица. — Мириться пришёл, вот чего! Чай бушь?

— Бушь, бушь! — рассмеялась она. — Только позже... Иди ко мне!

Он поднял глаза. По утрам она вообще всегда была особенно прекрасна, а уж когда смеялась-улыбалась!.. Он отбросил одеяло, схватил её на руки, прижал неистово к себе.

— Пошли туда, там — лучше!..

В большой комнате он осторожно и медленно, хотя весь уже дрожал от возбуждения, уложил её на широкую супружескую постель, навис над ней, чувственно и нежно покрыл поцелуями лицо, шею, груди и, не в силах больше сдерживаться, медленно, осторожно вошёл в неё, не отрывая взгляда от лица. Она вся напряглась, выгнулась навстречу ему, приняла в себя до конца и блаженно простонала — и раз, и второй... Он нашёл в себе какие-то сверхъестественные силы, чтобы сдержать взрыв, отдалить момент потери сознания, продлить это невероятное состояние *физического счастья*...

Когда-то, в те первые полгода их общей жизни, он находил невероятное наслаждение во всё новых и новых «постельных при-

ключениях», стремясь испытать с этой юной девочкой совсем из другого, *раскованного*, поколения все нюансы чувственных утех вплоть до самых, казалось бы, извращённых, и она с охотой шла навстречу всем его желаниям. Но вот теперь, когда стала она его законной женой перед Богом и людьми, ничего прекраснее для него не было вот такой пылкой *классической* близости (особенно утром и после ссоры) — естественной, красивой и в чём-то целомудренной.

Она с отчаянным стоном подалась ему навстречу, прижалась неистово ланом, он почувствовал-ощутил, как её захлестнула волна сладких судорог, и сам в тот же миг поплыл-забарахтался в водовороте неистового наслаждения...

Спустя четверть часа Алина после затихающих объятий и не очень связного разговора об обидах-прощениях уткнулась лицом ему в плечо и начала тихонько посапывать, изредка шевеля и подетски причмокивая во сне губёшками. Ещё бы! С вечера наплакалась, тоже полночи не спала. Он легко прижимал любимую к себе, нежно перебирал пальцами высветленные прядки её мальчишеской причёски и думал-размышлял о предстоящем дне.

Часа через два они поднимутся, позавтракают. Скорей всего — вот так, голышом (и он, и она были по натуре нудистами). Потом, вероятно, поработают до обеда. Он будет за столом на компьютере компоновать окончательно главы своей новой книги о Достоевском — в издательство надо её переслать уже через пару недель. Алинка в затемнённых компьютерных очках, делающих её взрослой и трогательно-серьёзной, устроится на диване с ноутбуком, прикусив от напряжения и важности дела губу, будет настукивать предисловие к сборнику поэзии молодых, который ей поручили составить и подготовить к изданию. Время от времени она, несмотря на запрет, станет окликать его и просить послушать на слух ту или иную фразу — так ли? Так, так — будет успокаивать он, не кривя душой: она была очень талантлива и писала, дай Бог каждому! Интересно, что с ней, его девочкой, будет годам к сорока? Наверняка из неё вырастет новая Франсуаза Саган или Марина Цветаева...

Увы, ему никогда этого не узнать — вдруг соскользнул он в затягивающийся омут ненужных мыслей. И как же он благодарен ей за то, что она подарила ему кусочек своей жизни-судьбы, продлив тем самым его молодость!

Он приподнял голову, повернулся к ней, спящей, опять ощутил

сладкую истому от неизбежности её юной красоты. В окно даже сквозь шторы неистово и неудержимо пробивалось первое за последние две недели февральское солнце, освещая тонкую прозрачную кожу любимой. Он бережно провёл пальцами по её щеке, губам, словно пытаясь запомнить родимый облик, откинулся навзничь и закрыл глаза, зажимая подступающие горячие и совсем ненужные слёзы...

Сколько же продлится это счастье? Господи, только б подольше!

За окном стоял февраль, вторая половина. Для кого-то — конец зимы; для кого-то — начало-предвестье весны и бесконечного лета.

Валерий КУДРИН

НОВЫЕ ОБОИ

Рассказ

В середине января на Ольгуню Градову опять накатило. С ней и прежде такое случалось. То всё нормально, размеренно, как у людей, а то словно сорвётся, учудит что-нибудь — хоть стой, хоть падай. И удержать её тогда невозможно. Вот и теперь...

Только отшумели застольями, отсверкали фейерверками и ёлочными гирляндами новогодние торжества, как она затеяла ремонт в доме. В один мах накупила обои для стен, побелку для потолка и в первый же отгул, полученный от хозяина магазина, где работала, за выходы в праздничные дни, выпроводив с утра пораньше причитавшую про её дурную блажь мать и просившего оставить его шестилетнего сына Никиту, чтобы не путались под ногами, к крёстной — тётке Настасье, жившей на другом краю посёлка, взялась за намеченное.

Начала с зала. По-девчоночьи стремительная, ловкая, ободрала старые обои, оттащила их в огород и, вернувшись, переключилась на потолок. Споро побелила его краскопультом, вымыла заляпанный белыми брызгами пол и, раскатав свежие рулоны, разделив их на ровные отрезки в высоту стен, принялась оклеивать, выбрав для старта продольную, отгораживающую зал от кухни и материной спальни.

Валерий Кудрин родился в 1940 году в Тамбове. Живёт в р. п. Знаменка. Работал учителем, в райкоме партии, журналистом.

Публиковался в газетах, коллективных сборниках, журнале «Подъём».

Автор четырёх книг прозы, вышедших в издательствах Москвы, Воронежа и Тамбова.

Член Союза писателей России.

Конечно, каждый раз скакать с пола, чтобы достать до верха, на табуретку, а с неё — опять на пол, оказалось несподручно, но помощи ждать было неоткуда и не от кого: мать, скособоченная застарелым радикулитом, передвигалась-то через силу, а от Никиты — одно баловство и отвлечения. Закончив к обеду с главным прогоном, Ольгуня почувствовала усталость и присела отдохнуть на ту же табуретку.

«Да-а! — подумалось ей вдруг. — А был бы сейчас Михаил, вдвоём-то уже, небось, по всему периметру прошли. Но где он, Михаил, где? Ау! Нету...» Как уехал Михаил три года назад на шабашку в Москву («Сельхозтехника», в которой он шоферил, обанкротилась), так и пропал, будто в воду канул — ни открыточки, ни письма. Поначалу она оправдывала странное молчание мужа необходимостью закрепиться на новом месте, чтобы было хоть о чём написать. Но когда все сроки для закрепления минули, а вестей от Михаила так и не поступало, к нетерпеливому ожиданию прибавилась тревога: не случилось ли с ним что? Ничем иным нельзя было объяснить затянувшуюся паузу, а в Москве с чужаком разное могло произойти, сведущие люди такие страсти рассказывали — волосы дыбом.

Она и в розыск его заявила, и в телепередачу «Жди меня» обратилась, и знакомых, кто отправлялся по какой-либо надобности в столицу, просила: если встретят где — мало ли, передать: мол, ждут тебя и жена, и сын, так что пусть скорее возвращается, обойдутся и без его московских заработков. Она как-никак пристроилась продавщицей к частнику в новый продовольственный «Супер», и он, глядишь, где-нигде приткнётся. Вон, «Сельхозтехника» его, говорят, восстанавливается, а он и водитель классный, и по токарному делу мастак. А всех денег не заберёшь, главное, чтобы рядом был.

Но хлопоты эти завершались бесполезно, ничем. И уже другая, услужливо подсунутая доброхотами мысль всё чаще овладевала Ольгуней: а не бросил ли Михаил её, не сошёлся ли с какой, тоже залётной, штучкой — их в первопрестольной, говорят, пруд пруди, а он мужчина молодой, видный, — обожгла ревнивым сполохом и не давала зажить ране. Воспаленное воображение рисовало картины чёрной измены, негодование перехватывало горло, и слёзы подступали к глазам.

Так и металась от одного к другому — либо пропал, либо бросил, а итог выводился равно горький: нет у неё больше мужа, нет.

И всё-таки теплилась надежда на самый невероятный вариант вроде похищения или долгого бессознательного состояния — комы после бандитского нападения, сколько сейчас такого творится. От каждого стука в дверь вздрагивала — вдруг? Вылетала на веранду, но открывалось не то и не те. Вот эта-то неопределённость и угнетала больше прочего, будто провисло забытое кем-то бельё на дворовой верёвке и болтается на ветру бесприкажно.

Некоторые советовали ей подать на заочный развод: всё же алименты, льготы, пособие матери-одиночки... Но страшно было самой ставить окончательный крест. Да и у сына какой-никакой, а действительный отец числится, зачем дитё-то сиротить?

Все перепуталось, сплелось, и всё больше хотелось ясности, результата, пусть хоть самого худшего вместо изнуряющей неизвестности, но и его не проявлялось.

А-а, что теперь об этом! Сколько думано-передумано, сколько ночей проплакано, а толку-то...

Ольгуна мотнула головой, прогоняя бесплодные мысли, встрепенулась, вздёргивая себя, как застоявшуюся лошадь, — пора за дело. Рывком поднялась с табуретки и, обмакнув в тазик с клейстерным раствором кисть, начала намазывать очередной обойный отрез. И опять пошло однообразное: прыг-скок, вверх-вниз, скок-прыг, вниз-вверх, только теперь у новой, тыльной стены. Ободряло лишь то, что она была короче продольной да в конце её топырился шифоньер, который Ольгуна решила для экономии сил не трогать, обойти, сохранив за ним старую оклейку, — кто туда будет заглядывать? Начала быстрее двигаться уже ко второму повороту, подсчитывая, что там будет завершена половина работы в зале, а дальше покатит на убыль, проще — останется уличная сторона с тремя оконными проёмами и такая же короткая, как эта, у пристроенной снаружи веранды.

Подсчет придал ей энергии, но, достигнув намеченной цели, спрыгнув в очередной раз, она вдруг застопорилась перед шифоньером. Что-то сейчас, когда две стены сияли яркими с золотистыми прожилками узорами, показалось негоже миновать его, обманывать саму себя: не для кого-то ведь старается, так и будет торчать царапающей занозой ощущение чего-то недоделанного, какого-то изъяна.

«А-а! — выдохнула она. — Что уж там», — и ринулась отодвигать помеху, чтобы освободить пространство для дальнейшей ра-

боты. Ухватилась обеими руками за задний угол, потянула на себя и будто споткнулась — тяжёлый шкаф только чуть качнулся и остался на месте. Ещё не веря пугающей догадке, Ольгуня уперлась грудью в полированную боковину, пытаясь хоть так стронуть преграду. Бесполезно!

«Тьфу ты! — вдруг опомнилась она, ругнула себя. — Да там же одежды сколько, барахла всякого!»

Рывком распахнув дверцы, начала носить через кухню в материну спальню вешалки с куртками, кофтами и платьями, полки с бельём, ящики с разной мелочёвкой. Груда на кровати, куда она сбрасывала всё второпях, образовалась изрядная, и Ольгуня, полная уверенности, что теперь-то преодолееет препятствие, вернулась в зал и опять попыталась отодвинуть злополучный шифоньер, но он по-прежнему лишь едва шевельнулся, точно приклеенный.

Чего только не делала она с ним: и дёргала, и толкала, и раскачивала... Приволокла с веранды здоровенную лопату для расчистки снега, попробовала воспользоваться ею словно рычагом, просунув черенок в створ между стеной и шифоньером, чтобы отжать его, но черенок лишь хрустнул от неподатливости груза и переломился пополам.

«Да будь всё проклято! — шлепнув в сердцах оставшуюся в руках лопатину об пол, Ольгуня стукнула кулаком по хлопнувшей в ответ и снова издевательски распахнувшейся дверце шкафа, и, почувствовав, как закипают слёзы бессилия, обречённо опустила на свою табуретку, уткнула лицо в ладони. — Что же это за жизнь такая?!»

Бог весть, сколько бы просидела она в пустом отчаянии, обречённо склоняясь уже к отвергнутой прежде мысли обойти препону, ничего не попишешь — не её вина, как услышала вдруг топот на веранде. Вздрогнула, напряглась испуганно-недоверчиво — не показалось ли? Бывало, Михаил обивал так обувь, возвращаясь с работы, бухал подошвами, вроде предупреждая о своём появлении. И вот... Или? Да нет, не может быть! Небось, и в самом деле почудилось. Доехала: мерещиться начало, блазниться.

Но топот раздался снова — всамделишный, явный, не допускающий сомнений, и Ольгуня подхлестнула себя: что сидишь-то? Вскочила, метнулась к двери на веранду, распахнула её и растерянно отступила назад. В проёме стоял сосед, Алексей Пряхин — коренастый, краснощёкий с мороза, улыбался смущенно.

— Ты? — разочарованно увяла Ольгуня, машинально стягивая на груди створки распахнувшегося в работе домашнего халатика — с веранды так и несло холодом. — Чего тебе?

— Да ничего, — перешагивая через порог и догадливо закрывая за собою дверь, заговорил Алексей. — Просто шёл мимо, глянул, а у вас в окнах пусто — ни цветочка, ни занавесочки. Подумал: не случилось ли что, вот и...

И замаялся, не зная, должно быть, о чём говорить дальше, развёл руки.

«Господи, все такой же неудельный! — уже прощающе вздохнула Ольгуня. — Заботничек... На окна поглядывает, ни цветочка, ни занавесочки...»

И словно окунулась в прошлое.

Алексея она знала сызмальства. Жили рядом, и в детсад, и в школу вместе. А когда подросли, он её и на дискотеки, и с дискотек провожал, хоть сам танцор был никудышный, топтался рядом неумело, только ухажёров отпугивал: все считали, что он — её кавалер. А на улице их так и звали — женихом и невестой. Она и сама, повзрослев, иной раз грешным делом подумывала: быть ей за Алексеем. А что? Добрый, отзывчивый, на всё ради неё готов. Но не предлагать же себя. Да и выходило слишком просто, буднично и обыденно, а мечталось о большой, красивой любви, которую втайне ждала, о которой грезилось по ночам. Да и Алексей всё маялся, тянул с объяснением, отделялся какими-то намёками. И дотянул: появился Михаил, ворвался в её жизнь — напористый, горячий; разметал всех и вся, превратил в явь девичьи сны. А Алексей остался где-то там, в ранней юности, хорошим парнем, которому она нравилась, и только. Почти сразу после её с Михаилом свадьбы то ли с обиды, то ли назло женился на кассирше из комхоза, где работал столяром, но через полгода и развёлся — не сошлись характерами.

И вот жизнь будто оборот сделала, и опять она, Ольгуня, одна, и Алексей — такой же, как прежде, готовый ради неё на всё, перед нею.

И, выныривая из воспоминаний, подумала вдруг: «А что, если попросить его пособить с этим чёртовым шкафом?»

Но тотчас и отогнала шальную мысль. Нет-нет! Ещё увидит кто, повалят пересуды. На чистом-то месте сплетни плетут, откуда что берётся. Она же — никогда ни с кем, и повода не давала, хоть и

поглядывали на неё мужики, заговаривали, намёки делали — она всех отшивала, берегла себя. И — бестолку: мать иной раз такое принесёт — уши вянут. А уж тут нафантазируют...

Однако выход был настолько рядом и до того доступен, что не воспользоваться им показалось непростительно.

«Ну и пусть фантазируют! — решила Ольга. — Их дело».

И, отвечая на обеспокоенность Алексея, объяснила:

— Да ничего не случилось. Всё нормально. Ремонт затеяла, вот и убрала, чтоб не мешалось, — и, вроде только сейчас наткнувшись на неожиданно возникшую идею, воскликнула: — Слушай, а ты не поможешь? У меня тут шифоньер надо сдвинуть. Стоит точно вкопанный, ни объехать, ни обойти. А одной — никак.

— Да конечно! — обрадованно встрепенулся Алексей. — Конечно!

«Ишь, как воспрял!» — усмехнулась про себя Ольга, но, не показывая, что довольна его согласием, подчёркнуто сухо произнесла:

— Тогда пойдём.

И направилась в зал. И Алексей, мигом скинув шапку и куртку на вешалку у двери, поспешил следом.

Вдвоём они быстро справились с шифоньером, а когда Ольга, приготовив очередной обойный отрез и подтянув его волоком к освободившемуся прогалу, забралась на табуретку, оставшийся без дела Алексей, потоптавшись на месте, неожиданно предложил:

— А давай, я буду намазывать, а ты — клеить. Чего прыгать-то туда-сюда?

— Ну что ж, — выдержав в притворном сомнении паузу, словно нехотя уступая, согласилась Ольга, — давай.

И работа сразу пошла живее. Алексей намазывал приготовленные отрезки, она управлялась с ними поверху, он — внизу, и у неё выдавалось даже время, чтобы передохнуть. И тогда, глядя на Алексея, старательно доклеивающего концы или готовящего очередную холстину, Ольга расслабленно вздыхала и улыбалась украдкой: помощничек... И невольно уже приходило в голову: вот бы всегда так. А что? Чего ей ждать-то? Наждалась уже... И мать будет довольна — сколько попрекала её, что счастье из рук выпустила, променяла на залётного, приехавшего после армии к другу-сослуживцу Михаила. И Никита Алексея по-соседски чуть не с пелёнок знает... А Михаил уже не вернётся, это ясно, нечего себя обманывать.

Случилось бы что, хоть как проявился бы, а то... Небось и впрямь спутался с какой-нибудь, вычеркнул их с сыном из своей жизни...

И когда в следующий раз принимая обойный отрез, покачнувшись на своей табуретке, она чуть не сорвалась вниз и Алексей, едва успевший подхватить её, вдруг с неожиданной силой прижал беззащитную к себе, Ольгуня, инстинктивно рванувшись освободиться из его рук, внезапно обмякла в крепких объятьях, отдаваясь нахлынувшей слабости...

Ушёл Алексей уже за полночь, а Ольгуня долго не могла заснуть, прокручивая снова и снова в памяти и всю свою жизнь, и свершившееся только что, то улыбаясь растроганно, то холодея от неоправимости совершенного: ведь отрезала всё былое, назад пути нет. И тут же осекала себя: а что там, позади-то — одиночество, слёзы да бесполезное ожидание, и только. А здесь — подаст, действительно, на развод, чтобы всё законно была, и заживут они с Алексеем по-человечески. Сколько же мучиться?!

Очнулась, когда за окном уже синело. В момент натянула форменную юбку и кофточку, заглянула в зал на так и не начатую вчера правую стену и усмехнулась прощающе: ладно-ладно, вечером они с Алексеем, как решили, закончат и её, и материну спальню оклеят. И вдруг увидела его за окном. Алексей шагал по тротуару, наклонив голову, мельком зыркнул по стёклам и торопливо потопал дальше.

«Ах ты, горюшко, конспиратор! — окатило её тёплой волной. — Небось и не верится в давешнее, думает — блажь на меня нашла, а теперь жалею, и... Ничего-ничего. Сейчас мы его успокоим, ободрим!..»

И, сорвав с вешалки пальто, захлопнув на защёлку наружную дверь, Ольгуня кинулась, обгоняя прохожих, вслед за Алексеем, а настигнув, подхватила под локоть, весело воскликнула:

— Ага, попался, который кусался!

И опешила от неожиданности. Алексей, испуганно обернувшись, выдернул локоть и, озираясь по сторонам, чуть не прошипел:

— Ты что? Люди же кругом!

— Ну и что? — с неостывшей ещё улыбкой, словно врезавшись во внезапно возникшую преграду, ошеломлённо замерла Ольгуня.

И, как прозрела, поняла всё. Он же стесняется её, стыдится. Уцепила за рукав, разворачивая к себе — правда ли? И, увидев краснощёкое, искажённое страхом лицо, поняла — правда, и с тотчас

всплеснувшей ненавистью захлестала по этим щекам, по этому лицу, вымещая нахлынувшую обиду за рухнувшую надежду, за обман, за всю свою искорёженную жизнь. Она молотила его по груди, по плечам, а он, сконфуженно озираясь, тщетно пытался поймать её руки, остановить эту обезумевшую женщину, а потом оттолкнул Ольгуню так, что она едва удержалась на ногах, и быстро ринулся прочь. Ольгуня махнула руками ещё раза два по инерции в образовавшуюся пустоту и, очнувшись вдруг, бросилась назад, к дому.

Господи, но стыдился ее! Небось, как все, наслушался бабьих сплетен и поверил. Потому-то, может, и осмелел, явился. А она-то, она возмечтала, надумала... Что ж теперь делать, что? Как жить дальше?

Не замечая здоровающихся с нею людей, растерянно уступающих дорогу и непонимающе оборачивающихся вслед, она домчалась до дома, торопливо открыла дверь, проскочила веранду и, застопорившись у входа в зал, обвела взглядом стены, будто ища ответ там.

Решение пришло мгновенно, вроде только и ждало своего часа. Пристроив на вешалку пальто, натянув прямо на форменный костюмчик давешний рабочий халат, Ольгуня метнулась к оставленной без дела табуретке, перетащила её к шифоньеру, от которого начал помогать Алексей, и принялась срывать поклеенные вместе с ним обои. Листы отделялись с трудом, но, ломая ногти и обдирая пальцы, она прошла и злосчастный угол за шкафом и простенки меж окнами, а когда закончила этот позорный ряд, замерла, осматривая порушенное. Вот так вот! Так вот, а то...

И выпешила в прихожую — надо было привести себя в порядок, бежать на работу, объясняться за опоздание, придумывать что-то — не говорить же правду. А в обеденный перерыв обои вместо погубленных подкупить, к крестной заскочить, предупредить мать, чтобы ещё на ночь там с Никитой остались. А вечером клеить забракованное и продолжение.

Господи, столько всякого...

Андрей ИСТОМИН

ОВСЕНЬ

Рассказ

Иван Васильевич одиноко доживал свои дни на хуторе в двух километрах от посёлка.

Хутор, когда-то состоявший из четырёх домов, постепенно опустел: кто-то уехал, кто-то умер. Три заброшенных дома, вероятно заскучав по хозяевам, стали рушиться. Так и остался только Иван Васильевич со своей супругой Варварой, с которой прожил много лет, но детей не нажил. К тому же жена прошлым летом умерла, и старик в свои семьдесят лет остался совсем один. Несмотря на небольшое хозяйство (лошадь, чтобы добираться до посёлка, да куры), ему приходилось тяжело. Как-никак семьдесят лет — возраст, но переселяться куда-нибудь Иван Васильевич не хотел, считая, что ни к чему.

Сидя на лавке в жарко натопленной избе, хозяин следил за падением узорчатых снежинок, даже сквозь окно было видно, как они мягко ложатся, образуя сугробы. Стало смеркаться. Этот старый Новый год он впервые встречал один. Заранее съездив в посёлок, дед прикупил конфет без обёрток и развесного печенья. Из опыта прошлых лет он знал, что на Овсень ребяташки, несмотря на расстояние, обязательно заглянут к нему за гостинцами. Всё-то будет веселее.

Андрей Истомин родился в 1962 году в селе Староюрьево Тамбовской области, где сейчас и живёт. Окончил институт культуры. Работает библиотекарем.

Публиковался в районных и областных газетах. Лауреат областного литературного конкурса, посвящённого 60-летию Великой Победы.

Бывало, с женой они щедро одаривали ребятишек конфетами, не забывая при этом напоминать, что надо не Овсень просить, а Христа славить, так как именно на этот день приходится праздник Отдание Рождества Христова. Теперь гостей встречать придется одному, и он с нетерпением ждал желанного общения.

Мороз крепчал, всё выше поднимая звёзды, от чего те становились ещё выразительнее. Недавно народившийся месяц блестел всё ярче, поигрывая на сугробах золотистым цветом. Старик не включал телевизор, он всё ждал шагов за окном. «А может, они не придут, ребята-то, — размышлял Иван Васильевич. — Мало того, что темно уже, ещё и мороз-то какой». Он поежился и подбросил поленьев в печь.

Наконец за окном послышались шаги, в дверь постучали. Иван Васильевич, обрадовавшись, насколько мог быстро прошаркал к двери, открыл... Перед ним вырос здоровенный заснеженный детина. Несмотря на его рост, было нетрудно определить, что ему всего лет шестнадцать — в куртке, вязаной шапочке. И, по-видимому, не из местных, не из посёлка, а приехавший к кому-то в гости.

— Овсень, Овсень! — заорал детина...

Старика всегда огорчало то, что данные куплеты оканчивались всегда вместо просьбы вроде бы и шуточной, но угрозой: «Уведу корову за рога, расколю окошко», а то и обещанием (если что-то не дадут) нагадить на пороге. Хозяин дома протянул «гостю» горсть конфет, но тот запротивился.

— Ты чё, дед?! — икнув и дыхнув перегаром, забасил он. — Прибурел совсем?! Какие конфеты? Чарку мне водки! Слышал? Срочно-а! Во народ, весь посёлок обошёл, а выпить мало кто поднес — конфеты все суют, придурки! — парень с досады плюнул.

— Нет у меня водки, — растерялся Иван Васильевич, — вообще не держу в доме и вам, молодой человек, не советую пить. Да и чем Овсень просить, лучше бы Христа прославляли. Сегодня Отдание Рождества. А Овсень — это язычество.

— Ну ты, дедок, даешь стране угля! Мелкого, но много, — раздражился незванный гость. — Всё-то он знает да научает, как и что. Ну-ка! — он схватил хозяина за грудки и внёс в дом, захлопнув за собой дверь.

— Оставь, Христа ради, — взмолился старик.

— Чарку водки мне, дед! — уже орал парень. — Не понимаешь? Ладно, давай так...

Он схватил лапищей старика за лоб и, пригнув, с силой толкнул. Ста-

рик впрыскаду попятился, больно ткнулся копчиком о кровать, застонал.

— Ирод! Ну что тебе от меня надо?

— Водки, водки хочу! Не понимаешь? — верзила подскочил к деду. — Учить меня вздумал? Христа, значит, надо славить? Ишь ты, умный какой, а я, значит, дурак? Ну пусть тогда он за тебя заступится, — кивнул парень в сторону угла, где висели иконы и горела лампадка, и пнул старика в живот. — На!

Тот вскрикнул и упал на пол. На него посыпались новые пинки и удары.

— Подожди, подожди! — взмолился он. — Есть у меня, я вспомнил!

— Вот так-то лучше! Я тебе память-то быстро настрою на нужный лад, — загоготал верзила. — Ну, где?!

— Вот, возьми, под кроватью стоит. Бери и иди, а то не дойдёшь, — прохрипел старик.

— Ха! Ха! Не дойдёшь!

Парень подошёл к согнувшемуся на полу старику. Еще раз пнув его, он заглянул под кровать и вытащил бутылку зелёного цвета, покрытую густым слоем пыли и паутины. Вытерев её о покрывало, загоготал:

— Доисторическая! А может, палёная? — вслух прочитал на жёлтой крышечке: — «Гамбовский ликёро-водочный завод, 1979 год». И правда доисторическая... Тем лучше!

Он взял со стола кружку и, зубами открыв бутылку, налил до краёв. Залпом всё выпив и сунув конфетку в рот, посмотрел в сторону старика:

— Ты уж извини меня, старче, так получилось. На Овсень всегда чего-нибудь подают, а ты!.. — он поучительно поднял палец.

— Я тебе предлагал конфеты, ирод, — прохрипел старик, — да и Христа надо в этот день славить...

— Вот и прославили, — гоготнул верзила.

Он вновь налил полную кружку водки, поставив опустевшую бутылку под стол. Закатив глаза, выпил, выхватил из вазы конфету, сунул в рот. Глаза его помутнели. Немного посидев, он направился к двери. С большим трудом тот нашел ручку. Распахнув дверь настежь и остановившись на пороге, «гость» обернулся к старику, поднял указательный палец вверх, что-то хотел сказать, но лишь затряс головой и мыкнул. Затем побрёл в сторону посёлка.

В жарко натопленную комнату ворвались клубы холодного воздуха. Лёжа на полу, Иван Васильевич видел сквозь распахнутую дверь сияющие звёзды. «Господи, — бормотал старик, с трудом

подползая к двери, — не дай оконечить в собственной избе...» Время от времени отдыхая, он дополз до порога и увидел, как его учитель, пытаясь удержать равновесие, двигался в сторону поселковых огней, но, не удержавшись, рухнул в сугроб и пополз, крича: «Врёшь! Не одолеешь!», — обращаясь непонятно к кому. Старик, охая, кое-как закрыл наконец входную дверь. «Ну вот, теперь не замерзну, а ему, Господи, прости. Молод он. Не знает Бога, вот и не ведаёт, что творит. Прости его, Господи!..»

Иван Васильевич дополз до кровати, с усилием стащил матрац и одеяло, кое-как улёгся, укрылся. В окно ярко светили звёзды, старик, постанывая, забывался тяжёлой дремотой.

— Врёшь, не одолеешь! — крича, полз по сугробам верзила.

Он уже не видел огней посёлка. То ли свет отключили, то ли что-то вырубилось в голове. Он всё продолжал и продолжал ползти в темноте. Наконец, совсем обессилив, как смертельно раненный зверь, он метнулся и, потонув в пышном сугробе, перевернулся на спину.

— Вот передохну немного, и тогда уж дальше... Врёшь, не одолеешь... — ещё несколько раз пробормотал он.

И затих...

Татьяна КУРБАТОВА

* * *

*Живем не так, живем не с теми,
Живем с собою не в ладу,
Людской молвы на поводу
И в одиночестве со всеми.
Не с теми и не так живем,
Живем давно минувшим днем,
А настоящий день не греет –
Тебя мне не хватает в нем.
Так не хватает теплоты
И глаз твоих, таких усталых,
Усталых рук, души усталой,
Устали оба – я и ты.
Как не хватает теплоты!*

Татьяна Курбатова родилась и живёт в Тамбове. Работает в Музыкально-педагогическом институте им. С. В. Рахманинова, руководит литературным объединением «Радуга» при Тамбовской писательской организации.

*Автор восьми поэтических сборников.
Член Союза писателей России.*

* * *

*Как холодно. Бездонный небосвод,
Тускнея с белым маревом сольется,
По иглам сосен месяц разольется
И в ледяной колодец упадет.*

*Как холодно. Дыханье февраля
Вновь обожжет. Сметая с веток иней,
Колючий ветер бросит якоря
Над ледяной, застывшею пустыней*

*Реки, уставшей половодья ждать.
Как холодно. Согреть ли вновь огнем
Пустое одинокое пространство,
Придя в себя от бесконечных странствий,*

*Устав себя в себе же побеждать.
Но одинокому везде пустыня,
И у огня все так же сердце стынет.*

* * *

*А странник, устав от пространства,
От странствий безмерных устав,
От готики и ренессанса,
От блеска и праха держав,*

*Как схимник скитаясь в пустыне
Сквозь сонмы летящих теней
От вежи креста и доныне,
Един на иконах церквей.*

*Безвестно, безмолвно по свету
Сквозь ветер летящих веков,
В лохмотья столетий одетый,
Минуя вертеп городов.*

*Миня безликие лица,
Пустыню остывших сердец.
Из чаши в руках не напиток.
Кто снимет терновый венец?*

*И все мы неумолимо,
Не ведая смысл бытия,
В забвение канем незримо –
Осколки вчерашнего дня.*

* * *

*О ты, как зверь, мятущийся в бреду!
Найду ли путь к твоей душе заблудшей?
Врагу не пожелаешь доли худшей,
На рай надеясь, все ж сгореть в аду.*

*Найду ли путь?
Надеюсь,
Верю,
Плачу.*

*Плачу за жизнь, греховную вдвойне.
Прощай.
Как знать, как знать, по чьей вине
Обходит стороною нас удача.*

*Найду ли путь?
Из прошлого к себе.
Оставив прошлому всю боль души скорбящей.
Себя найти пытаюсь в настоящем,
Не вспоминая больше о тебе.*

*Найду ли путь?
А годы как гроши
В горсти у нищего, не знающего света,
Где солнца луч, в слепой туман одетый,
Не достигает дна его души.*

Приют сиротский –
 Вот его удел.
 Да он бы никогда и не посмел
 Оковы разорвать хоть на мгновенье,
 Ведь для иных они как украшенья.

Найду ли путь?
 Привычка словно кнут
 Все гнет к земле и оттесняет к краю.
 И каждый раз над бездной замираю.

А ты живешь, моей судьбой играя,
 Как крепость охраняя свой уют.

* * *

За околицей лица – лик.
 За крутым крылом крыльца – крик.
 А за хрупкой скорлупой – хруст.
 Храм скрывает крик сотен уст.

А в протянутой руке – грош.
 Жалость жжжет. Каждый жест – ложь.
 На лице гримасы грим – смех.
 Зависть жалит. Здесь успех – грех.

Здесь у каждого своя роль.
 В пене славы плещет голый король.
 Сквозь века сквозит насмешки привет
 Торг восторга, кто больше монет?

Наверху не видна нагота.
 За околицей лица – пустота.

Мастер

Осенний вечер. Летнее кафе
 И человек с собакой. Чашка кофе,
 Он курит сигарету. Шум дождя
 Закрыв от мира уголок пространства.
 Оно как островок средь моря странствий.
 Мне тоже одиноко, я грущу.
 «Сударыня, – он тихо вопрошает,
 Меня как бы случайно замечает. –
 Зачем грустить, вы просто улыбнитесь...»
 Улыбка, взгляд – и протянулись нити,
 Руки коснулась смуглая рука,
 И в небе растворились облака,
 Дождь перестал, над миром посветлело,
 И на душе немного потеплело.
 Улыбка, взгляд сквозь ночь, издалека,
 Из прежней жизни, прошлого, бывшего,
 Как на дороге старая подкова
 Пророчит счастье миг через века.
 Осенний вечер. Сумерки дождя.
 Осенний взгляд. Дымится сигарета.
 Забылось и прошло, но все ж об этом,
 Об этом, но не много погоды.
 Он Мастер у разбитого корыта,
 И где-то заблудилась Маргарита.
 Одна собака преданней друзей.
 Не верь,
 Не плачь,
 Не смейся,
 Не жалея.
 Погасла сигарета, пуст бокал.
 Он сам себе про Мастера наврал.

Маргарита

*Где ты, Мастер? Осень наступила.
Разобрали летний ресторан.
Дождь по лужам шлепает уныло.
Стелется над речкою туман.*

*Ресторан – бездумное веселье.
Струны страсти, крики тишины.
Сумрак разума, обман хмельного зелья,
Ночь греха в объятьях сатаны.*

*Листьями засыпало дорогу.
Замело воспоминаний путь.
Не найти.*

Не встретить.

Не вернуть.

Все ушло, ну что же, ради Бога...

*Утонули за туманом тени.
Кто мы? Ни друзья и ни враги.
Растворились в сумраке осеннем
В лето уходящие шаги.*

Где вы?

*Где ты, Мастер? Где ты, Маргарита?
Падают слова в столетий сито.
Пропадают в пропасти пространства,
В бездне дней, над бурным морем странствий.*

*Эту мистику, мираж другого мира
Принесла творцу с рассветом Лира.
Сумрак мрачный ярко озарила,
Вдохновенья строки подарила.*

*И слова горстями рассыпала,
А поэту все казалось мало.
Слово билось, било и болело,
Грозовую тучею летело.*

*Обжигало молнии накалом,
Лавой ливня по стеклу стекало.
Слов немало в призрачные сети
Приносил ночами Лиры ветер.*

*Где ты, Мастер? Где ты, Маргарита?
Пылью лет их имена покрыты.
Где странствуют в пространстве страсти тени,
Прошлое покинув на мгновенье.*

* * *

*Падал в бездну край седого неба.
Я там был, и там меня не стало.
Взорван взрывом, улетаю в небыль,
Облако моей могилой стало.*

*На осколки память рассекало,
Осыпалось пыльное стекло,
Струйка жизни на землю стекала,
А потом все снегом замело.*

*Горы грудью ввинчивались в небо.
Грохот взрыва эхом разметало.
Все как было. Но меня не стало.
Мир забыл меня,
как будто я и не был.*

* * *

*Поздней осени портрет
В раме тусклой позолоты.
Ускользящий сюжет,
Ливень листьев, власть полета.
Шорох, шепот, дуновенье,
Листьев высохшие звенья
Сеются в сухие соты,
Власть иллюзии полета, –
Свет печали, тень забвенья.
Грани смерти, грезы рая...
Замирая, умираем,
Чтоб, воскреснув, возродиться,
Оглянуться, удивиться,
И смеяться, и мечтать,
И летать, летать, летать...
Падать листьями в тетрадь,
В книгу в твердом переплете.
Сколько радости в полете...
Где бы только силы взять?*

* * *

*На паперть брошенная подаяньем,
Я медный грош, мала моя цена.
Разменная монета состраданья,
От боли откуп, вечная вина.*

*До дна допить напиток искушенья.
Меновенья счастья – вот его цена.
А на висках белеет седина –
Грехов несовершенных искупленье.*

*Всему цена, за все своя расплата,
Талант звенит монетами в горсти.
Дар Божий разменявши на заплаты,
Взывает нищий: «Господи, прости».*

*Пилат умывает руки. Суд свершится.
Толпа подпишет смертный приговор.
И меч разрубит узел. Давний спор
Меж гением и чернью разрешится.*

*Впивается в чело венец терновый,
Вселенской скорби, всепрощенья взгляд...
А сквозь века очередной Пилат
Пред казнью умывает руки снова.*

Октябрь

*Пришел октябрь янтарно-золотой,
Листовою алой стелется по лесу,
Прозрачной дымки тонкая завеса
Плывет по городу вуалью голубой.*

*А над землю, в синеве небес,
Гусей крикливых исчезает стая,
Их зов прощальный в небе замирает,
Листву багряную роняет наземь лес.*

*А на лужайке ранним утром иней,
Ковром игольчатым на стынувшей земле,
Звезда мерцает в предрассветной мгле,
Бледнеет сумрак серебристо-синий.*

*В глазах кошачьих, словно в озерах,
Я тоже вижу звездное мерцанье,
И просыпаются старинные сказанья,
И тает ночь в рассветных облаках.*

**Олег
АЛЁШИН**

* * *

*Ты откуда взялась, моя грусть?
Давай сядем напротив друг друга.
Хоть я знаю давно наизусть
Твои длинные речи, подруга.*

*Ни твоей, ни моей нет вины
В том, что осень случилась так рано.
Ничего нет страшней тишины
За крестом непокрашенной рамы.*

*Говори, говори, грусть-печаль,
Чтоб душа не уснула навеки.
Но молчит бесконечная даль,
Словно горе в самом человеке.*

*Олег Алёшин родился в 1964 году в Тамбове.
В настоящее время работает корреспондентом областной газеты
«Тамбовская жизнь».*

*Окончил Высшие литературные курсы при Литинституте
им. А. М. Горького. Автор четырёх поэтических сборников.*

Член Союза писателей России.

* * *

*Придёт последняя минута,
А вместе с ней последний вздох.
Душа, лишённая приюта,
Печальный подведёт итог.*

*Я ничего уже не значу
Ни для друзей, ни для врагов.
Лишь об одном я горько плачу,
Что мне теперь не до стихов.*

*Моя покинутая лира,
Покайся у Христовых ног.
Ведь я мечтал спасти полмира,
Но сам себя спасти не смог...*

* * *

Ю. К.

*Там, где ты разговаривал с Богом,
Вырос камень из свежей земли.
Все друзья и враги за порогом.
Как похожи их тени вдали!*

*Этот камень растёт и поныне
На невидимых миру слезах.
Ты мечтал о возлюбленном сыне
На невидимых миру путях.*

*Утвердил я на камне колени.
Вдруг услышал таинственный шум.
И в минуту скупых откровений
Стал наследником горестных дум.*

* * *

*Как река под землёй, моё имя
Свои воды несёт в глубине.
Ничего мировая пустыня
Не слыхала ещё обо мне.*

*Моё имя таится до срока
За потёмками русской судьбы.
Замолчите навек, лжепророки,
Не тревожьте честные гробы.*

*Я не Русь схоронил - своё имя.
На краю необъятной земли.
В основание Третьего Рима
Безымянные камни легли.*

*Не пугает меня неизвестность,
А пугает бесславная смерть.
Но я знаю одно: чтоб воскреснуть,
Моё имя должно умереть.*

* * *

*Все разгаданы женские тайны –
Я подумал однажды всерьёз.
Но осталось на свете случайно
Нераскрытое таинство слёз.*

*Разных женицин я плакать заставил,
Чтобы сердцем их тайну понять.
И тебя я от слёз не избавил,
Моя бедная, бедная мать.*

*Сколько слёз, что решил я от горя
Утопить в них мужскую вину.
Только высохло чёрное море.
Вот мой путь – по пустынному дну.*

Полное затмение

*Бывают дни, когда лепечет
Душа под натиском любви.
Непредсказуемую встречу
Ты этим словом не зови.*

*Ты в тень мою без сожаленья
Вошла и вышла в смутный час.
Но знай, лишь в полное затмение
Корона окружала нас...*

* * *

*Одновременно подошли
Любовь и Смерть к своим пределам.
Но слишком узок край земли –
Не устоять на свете белом.*

*Так два прохожих на пути,
Друг друга видят издалече,
Но взгляд холодный отвести
Спешат при вынужденной встрече.*

*Пересекаясь на земле,
Они печально разойдутся.
Но что заставит их во мгле
Одновременно оглянуться?*

Моя возвышенная лень

*Мой древний сон не пахнет пылью –
На нём божественная тень.
Лежит под сенью русской были
Моя возвышенная лень.*

*Играй, классическая лира!
Пусть будет крепче русский сон.
Пыль вавилонская над миром
Стоит со всех земных сторон.*

*Трудитесь, чуждые народы,
Под знаком мировой судьбы.
Осядет пыль, завалят годы
Забвеньем гордые гробы...*

Валерий МАРКОВ

* * *

*Туннель, как поцелуй взасос, –
Волнительно-длиннющий.
И чей-то вздох, и стук колес,
И свет, наотмашь бьющий.
А вот и моря полоса,
Близка и долгожданна.
В ней – неба синь, твои глаза
И мира первожданность.
Мы едем в бархатный сезон
Легко и безмятежно.
И поезд наш, и наш вагон
Мчат паруса надежды.
И чувств в душе «девятый вал»
От встречи с Дагомысом.
Кто здесь ни разу не бывал,
Тот жизнь прожил без смысла.
Ласкает нас морской прибой,
Как трепетные руки.
И ждут нас сладкая любовь
И горькая разлука.*

Валерий Марков родился в 1948 году в селе Петровка Сампурского района. Окончил Тамбовский пединститут, работал учителем, журналистом. В настоящее время — заместитель редактора областной газеты «Тамбовская жизнь».

Автор трёх поэтических сборников, многих публикаций в газетах. Член Союза писателей России.

* * *

Дышало море, как астматик,
 Над Дагомысом плыл туман,
 И осень в огненном халате
 Предвосхищала наш роман.
 Начался он легко и просто:
 Ты в танце двигалась волной,
 И я казался выше ростом
 И воспарялся над собой.
 И было в сердце вдохновенье
 И дуновенье нежных струй,
 И это чудное мгновенье –
 Наш мимолетный поцелуй.
 Я опьянял тебя словами.
 И сам пьянел не от вина.
 И губы встретились с губами,
 Как с небом встретила волна.
 ...И мой звонок средь поздней ночи,
 Твое усталое «Пора».
 А мне хотелось очень-очень
 Гулять с тобою до утра.
 И вот автограф – знак разлуки:
 Пусть греют вас мои стихи.
 Твоя визитка. Чьи-то руки.
 Чужие сумки, рюкзаки.
 И эта спешка на автобус.
 Ей кто-то, может, был и рад...
 Ах, жаль, Земля – не школьный глобус,
 Не повернуть ее назад.
 Как не вернуть тот чудный вечер...
 Грущу, что жизнь так коротка.
 Живу надеждой новой встречи
 И шлю привет издалека.

* * *

Ты уехала в Воткинск,
Я уехал в Тамбов.
Но невидимый мостик –
Между двух городов,
Между мной и тобою
Проложил Дагомыс:
Он над гулом прибоя
Поднимается ввысь
Он – над солнечным Сочи,
Где цикада поет,
Он пролез, это точно,
Через сердце мое!
Он пролез через версты,
Через дали в глуши,
Он пролез через весны
Моей нежной души.
Он – как радуга в небе,
Как морская вода,
Он, как сказочный лебедь,
Что летит в никуда.
Пропадает в тумане
Этот радужный мост,
Как в волшебном обмане,
Как несказанный тост.
Но я верю упорно,
Что пройду по мосту,
Ведь надежна опора,
Что я в сердце несу.
Ты уехала в Воткинск,
Я уехал в Тамбов.
Есть невидимый мостик
Между двух городов.

* * *

Зачем напомнила, ракушка,
 Призывный шум волны морской?
 ...В твоих руках я был игрушкой
 И тщетно тешился тоской.
 Напрасно было ожиданье
 Под скрип усталого весла.
 На это лунное свиданье
 Ты беспощадно не пришла.
 Хотя охотно обещала,
 Что ночь разделим под луной.
 Совсем напрасно ощущал я
 В душе волнительный прибой.
 Но сувенирная ракушка
 Мне верно дарит моря гул.
 И я надежду ночью душиной
 На встречу эту берегу.
 И вновь прощаю опозданье,
 Прощаю ветреность без зла.
 Спешу на давнее свиданье
 Под скрип усталого весла.

* * *

Шелест книжных страниц,
 Как шепот любимых губ,
 Как трепет любимых ресниц...
 Ты прости, что я был груб,
 Ты прости, что я верен строке.
 Как подкова, куется строка.
 Ты прости, что в моей руке
 Твоя не всегда рука.
 Ты прости, ты прости, что я тих.
 Я порой не пойму себя...
 Подожди – вот родится стих,
 И поймешь, как люблю я тебя.

* * *

*Ах, Натаха, ах, Натаха,
Сердце бьется, словно птаха.
Твои руки, как силки,
И глаза так глубоки!
Ах, Натаха, ах, Натаха,
Голова моя на плахе:
Хочешь – милуй иль казни...
Полюби, но не дразни.
Ах, Натаха, ах, Натаха,
На груди рвану рубаху,
Пусть уж сердце пополам,
Но тебя я не отдам.
Ах, Натаха, ах, Натаха,
Где найти такую сваху –
Сваху с даром соловья,
Чтоб пропела: ты моя.*

* * *

*Бесподобно длиннонога,
И в глазах призывный свет.
Подрасти бы мне немного
Да с десяток сбросить лет.
Ну, а так – любовник верный,
Хоть лежит на сердце грусть,
Понимаю, что не первый,
Не последний – тоже пусть...
Ах, заманчивы тропинки,
Земляничный дух в лесу.
На руках тебя пушинкой
В глухомань я унесу.
А потом нас пусть осудят,
Благодарны мы судьбе.
А ревнительные люди
Пусть предъявят счет к себе.
Бесподобно длиннонога,
И в глазах призывный свет.
Для меня ты недотрога –
Между нами пропасть лет.*

**Лидия
КОБЗЕВА**

На перекрёстке

*Любовь слепа или не в силах просто
Поверить в то, что для других открыто.
Она того, с кем воедино слита,
Несет на сумасшедший перекрёсток.*

*И здесь, наверно, только Божья воля
Направит жизнь, исполненную страсти,
На добрый свет согласия и счастья
Или на путь терзания и боли.*

Лидия Кобзева (1952–2006), талантливый художник и поэт, жила в Котовске, работала преподавателем в средней школе № 1.

Незадолго до преждевременной кончины вышел 3-й сборник стихов Лидии Георгиевны «Паруса судьбы». Она готовилась к вступлению в Союз писателей России.

* * *

*Пусть говорят: гуляет непогода
Да осень беспросветная в стихах.
А я люблю такое время года,
Когда земля уходит отдыхать.*

*Когда она, нисколько не жалея,
Как бы сжигая в прошлое мосты,
Освобождает парки и аллеи
От надоевшей шумной пестроты.*

*Когда она, укрывши благосклонно
Те семена, что ветер разбросал,
Задумчиво глядит и отрешённо
В холодные пустые небеса.*

*И – шире открываются просторы
К снегам зимы – от пенья соловья,
К грядущим изменениям, в которых
Великое движенье бытия.*

* * *

*Опять историю кроют,
Где новым главам – панегирики.
И по просторам светлой лирики
Летят буруны бытия.*

*И модно нынче вспоминать ли
О красных галстуках, о сборах,
О тех устоях, на которых
Мои ровесники росли?*

*И, силясь веру отыскать,
Льнет к церкви наше поколение,
Что встарь для крестного знаменья
Смущалось руку приподнять.*

*Уже излучина близка,
Как время некое итога.
Но свет строки и звучность слога
Живут в сердцах и на устах.*

*Ах, поэтический настрой –
Его реалии сбивают.
Но он, как феникс, оживает
Побегом свежим под корой.*

Букварь

*Букварь мой школьный – времени карета
Меня уносит в прошлое сама,
Туда, где, кажется, две трети года – лето,
И лишь немного – снежная зима.*

*Там невозможно навсегда остаться,
Но в уголке нетронutom души
Живет и дышит светлое пространство,
Где краски так пронзительно свежи.*

*Где мир огромен – нет простору края,
Где доброта – основа бытия,
Где так важны – как мы еще не знаем –
Учителя, родители, друзья.*

*Толклась, летя по ветру, бестолково
Листва – немало октябрей назад.
О это чудо появления слова,
Когда ты букву с буквою связал!*

*И как тепло родительского дома,
И как судьбы особенный тропарь,
Среди томов классических, весомых
Храню я книгу первую – букварь.*

* * *

*Среди труда пути земного,
Где разум правит торжество,
Нам приоткрылась тайна Слова –
Крупница малая всего.*

*В начале мира Слово было,
Что тьму рассеивало прочь.
И в нём – невиданная сила
И созидательная мощь.*

*Оно дано – как дар небесный,
Чтоб сердце высказать могло
Тепло и нежность, стих и песню,
Любви и света торжество.*

*Но мы вдали от идеала –
Рабы житейской суеты.
В нас есть и Божие начало,
И от лукавого черты.*

*И постарались мы немало,
Чтоб слово, строящее речь,
И ложь, и ненависть впитало,
И разрушать могло, и жечь.*

*И в час, когда тоски исполнен,
Ты ждешь спасения в мольбе –
Слова, что ты сказал, припомни,
А, может быть, они, как волны,
Вернулись, хлёсткие, к тебе...*

* * *

Моей маме Зинаиде Герасимовне

*Песчаные дорожки детства,
Тепло высоких тополей
И будни матушки моей
Остались памяти в наследство.*

*Зимой — морозно, летом — жарко:
Уравновешенным был мир.
Ждал в праздники в районном парке
Грошовый лакомый пломбир.*

*А в комнате, где блики солнца, —
Душистый луковый пирог
Да светлый ситец на оконцах —
Уютный крохотный мирок.*

*Крючок посверкивал проворно,
Звучало радио едва.
Струились чудом рукотворным
В воскресный отдых кружева.*

*Всё было маминой заботой,
Нелегким, хлопотным быльём.
Вот — лак, истерившийся на ботах,
И старенький халат её.*

*И не от скарденности это,
А по привычке, от нужды.
Но коли в сердце много света —
Какие блёстки тут нужны.*

*Злы одиночества вериги,
Но к светлому душа рвалась.
Ах, книги, — были б только книги! —
Они — и мир, и жизнь, и страсть.*

*Воспоминаний тает замок
Сквозь одинокий свет свечи.
И слово трепетное «мама»
В тиши беспомощно звучит.*

* * *

*«Я жду оптимизма, – товарищ твердил,
К стихам предъявляя укоры, –
Чтоб там, где порой недостаточно сил,
Поэзия стала опорой.*

*Дожди – так стеной, мороз – до костей,
Да злые тамбовские мухи.
Послушай, подруга, гляди веселей –
Не всё ж в преисподнюю рухнет».*

*Находит кто в чём для себя забытьё –
Пестра нашей жизни картина.
И каждый извечно несёт своё,
Подставив однажды спину.*

*Режет и гнет покосившийся «крест»,
Кожу с плеча сдирая.
А времени что-то поправить – в обрез,
Его, как всегда, не хватает.*

*И слово бывает – как выстрел в упор,
Когда лишено оно света.
И тонко по жизни рассыпан мажор,
Едва осязаемым следом.*

*Но там, где так трудно порой устоять,
Мгновенья мы ценим дорожке.
А чтоб свою ношу понять и принять –
Любовь наши силы умножит.*

*От слез и до радости, может, лишь шаг –
Увидеть бы только дорогу
Да слышать бы то, что подскажет душа
В своем устремлении к Богу.*

Апрельский вечер

*Провинциальный городок,
Прямые улицы в полшага.
С терпеньем выросший трудяга –
Он малой родины исток.*

*Вот за апрельские сады
Устало солнышко садится,
А он в канкане суеты
Не в силах с сумраком смириться.*

*Но вечер дарит благодать,
Где суета уже нелепа,
А время – должное отдать
И посмотреть неспешно в небо.*

* * *

*Я с тобою простилась,
И маятник долго качался
Остроты прежних чувств,
И пришла по молитвам души
Долгожданная милость
Перехода от горя к печали,
От печали – к покою,
Все ещё называемом «жизнь».*

*Где-то там, позади,
В бесконечно скользящем пространстве –
Первый взгляд, первый всплеск
Тёплых слов из неведущих уст.
И разлуки, как льды,
И огонь обжигающей страсти,
И желанье чудес –
Ну хотя б на мгновение, пусть...*

*Эта жизнь пролетит
Одинокой и радужной птицей,
И над прежним быльём
Будут плакать иные дожди.
А тебе предстоит
Время, чтобы со мною проститься,
И прощанье твоё
Впереди, добрый друг, впереди.*

* * *

*А жизнь покружит и приводит
К тем неизведанным вратам,
Куда однажды все уходят,
Не возвращаясь никогда.*

*В плену у суетных желаний
Не дорожим крупицей дня,
Грешим и ищем оправданий,
Во всём кого-нибудь вина.*

*Чужой пример нам не наука,
И свод заветов – не указ.
И грабли падают со стуком,
«Лаская» нас в который раз.*

*Но среди дел и среди вздора –
Успеть бы все долги отдать,
И всем, кто нам по жизни дорог,
О чувствах искренне сказать.*

**Игорь
ЛАВЛЕНЦЕВ**

ДЖАЗ ДО КОНЦА

Музыкальная драма

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГЕОРГИЙ БУЕВ, старый трубач, джазмен.

ЭДУАРД, сын Буева.

ЖЕНА Эдуарда.

САНЯ, сын Эдуарда, внук Буева.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА.

ФЕЛЬДШЕР «скорой помощи».

ЭРИК, шведский атташе.

НИНА, певица из ресторана, она же ДЕВУШКА на вокзале.

РОМА, администратор ресторана.

ПЕТР, музыкант из ресторана.

КАССИРША на вокзале.

СЦЕНА 1

ЭДУАРД с ЖЕНОЙ в спальне на кровати. Темно. Слышна ритмичная музыка из-за стены.

ЭДУАРД. Опять прыгают, сволочи! Полшестого, а они уже прыгают, еще двадцать минут можно было бы поспать.

ЖЕНА. Сколько ты сказал? Полшестого? Сейчас встаю.

ЭДУАРД. Еще двадцать минут можно было бы поспать... Сволочи!

ДРАМАТУРГИЯ

ЖЕНА. Сколько можно спать! Ты с ума сойдешь от своего спанья, ладно бы, с вечера чем-то занимался... Спокойной ночи сказать не успеваешь, только до подушки, и сразу храпеть.

ЭДУАРД. Сволочи!

ЖЕНА. Почему они сволочи?! Они занимаются с дочерью утренней зарядкой, они заботятся о здоровье своего ребенка. Ты хоть раз в жизни занимался зарядкой со своим сыном? Куда там, не успеешь добраться до подушки и сразу...

ЭДУАРД. Во-первых, я не нахожу связи между подушкой и утренней зарядкой...

ЖЕНА. А я нахожу!

ЭДУАРД. А во-вторых, в них в троих пудов пятнадцать станет, и когда-нибудь они раскачают потолок, и твоя люстра грохнется и разобьется к е... мое, в самые, черт возьми, мелкие дребезги!..

ЖЕНА. Переведи в килограммы.

ЭДУАРД. Я когда-нибудь сломаю, сожгу, взорву их чертову музыку! Сволочи!

ЖЕНА. Сломаю, взорву... Крикнуть-то громко не можешь, бормочешь мне в спину.

ЭДУАРД. Двести сорок.

Слышны удары по батарее, сопровождаемые синкопическими звуками джазовой трубы.

ЭДУАРД. Па-па...

ЖЕНА. Да! Это твой папа! И он в конце концов прав! Уж лучше так, как он, чем так, как ты.

Слышны батарейные звуки в ответ.

ЭДУАРД. Папа! Прекратите балаган!

БУЕВ. Я думаю, так будет лучше, сын. Уж коль они не уважают правил общежития, нужно воздействовать максимально эффективно.

Медленно зажигается свет. В дверях спальни — Був с трубой и молотком в руках.

БУЕВ. Они лишают тебя сна, ты недоволен, твое недовольство будет передаваться людям. И это, заметь, постоянно, во всяком случае на протяжении всего времени, что я живу у вас. А теперь ты доволен

отмщением, и твое душевное равновесие отчасти должно прийти в норму.

Эдуард и жена лежат, натянув одеяло до подбородка.

ЭДУАРД. Ну зачем так, папа? Соседи и без того недовольны вашей трубой, и вообще...

БУЕВ. Я стараюсь для всего найти оптимальное время.

ЖЕНА. Например, чтобы ворваться без стука в супружескую спальню.

Бувев уходит, играя на трубе. Звучит задорный джазовый свинг.

ЭДУАРД. Папа! Не валяйте дурака!

ЖЕНА. По-моему, это идиотизм — обращаться к собственному отцу на вы.

Продолжает звучать джаз. Импровизированная сцена: играет оркестрик Буева, кто-то слушает, кто-то хлопает в ладоши, кто-то танцует, кто-то кладет деньги в футляр от трубы...

СЦЕНА 2

ЖЕНА Эдуарда стоит у плиты. Проходя мимо, БУЕВ мягко шлепает ее по заду.

ЖЕНА (*оживленно*). Что это вы, папуля?

БУЕВ. Пардон, не со зла. Эстетика обыденного, так сказать.

ЖЕНА (*оглядываясь на свой зад*). Обыденного?

БУЕВ. Без черных мыслей. Настроение такое, предчувствие эйфорического события. Должно нечто произойти, я бы сказал, свершиться.

ЖЕНА. Кроме очередной неприятности, ничего произойти не может. Разве что вам к пенсии полсотенки подкинут, вроде бы обещали в этом месяце. Впрочем, вы, кажется, в деньгах особо не нуждаетесь.

БУЕВ. Деньги и политика меня не интересуют.

Входит ЭДУАРД.

ЭДУАРД. Кстати, о деньгах, папа. Вы со своим престарелым бигбендом играете неподалеку от моей школы. Это...

БУЕВ. О-хо-хо! Не льсти, Эдуард, у нас всего лишь диксиленд. Хотя звучание нашего квинтета в некоторых местах о-го-го, весьма и весьма.

ЭДУАРД. Что вы гогочете, папа? Меня не интересует ваше звучание, я совсем о другом.

БУЕВ. Напрасно, я советую тебе послушать самому и оценить, а не пользоваться слухами. Возле нас всегда множество народа, бывают и иностранцы. Людям нравится наша музыка, многие приходят регулярно, стоят и слушают по целому часу и больше.

ЭДУАРД. Я говорю совсем не о том...

БУЕВ. Я знаю, о чем ты хочешь сказать.

ЭДУАРД. Не перебивайте меня! Да мне стыдно, когда мои ученики передают мне привет от моего отца, который стоит в переходе, раздетый как чучело и играет за... подаяние.

БУЕВ. Не надо так сразу... и так быстро, нужно медленнее и отдельно. Во-первых, я играю, и здесь уже нужно если не остановиться, то хотя бы сделать паузу. Ну а затем, если тебе угодно высказаться резко, подколоть, так сказать, можно говорить, черт возьми, о подаянии.

ЭДУАРД. Да, да! Подаяние, без которого вполне можно...

ЖЕНА. Хорошее подаяние, мне бы кто так подавал.

БУЕВ. Браво, детка! И потом, я помогаю Сане, вашему сыну и, соответственно, моему внуку.

ЭДУАРД. Совершенно напрасно. Он получает стипендию, плюс сумма, которую ежемесячно посылаем ему мы, плюс продукты, которые он берет в каждый свой не такой уж редкий приезд.

БУЕВ. Со своими продуктами подругу в ресторан не пригласишь, а это помимо того, что приятно, порою бывает просто необходимо. Я посылаю ему свои деньги, и он имеет возможность хотя бы раз в месяц пригласить девушку в хороший ресторан.

ЭДУАРД. Когда студентом был я, вы, вероятно, думали по-другому.

БУЕВ. Да, да, перед тобой я виноват. Тогда у меня была другая семья, которая требовала слишком много денег. Из Аллюминиегорска приехала Женя с двумя девочками, сказала, что обе от меня. Я не очень этому поверил, но возражать было бы некрасиво. Мне пришлось содержать их, пока Женя не нашла более состоятельного содержателя и не оставила меня. Вероятно, помогая Саньке, я пытаюсь отчасти загладить свою вину перед тобой. Хотя, если помнишь, я все время при-

глашал тебя в ресторан, я мог бы кормить тебя каждый день, но ты почему-то не хотел.

ЭДУАРД. Идти в ресторан, тем более вести девушку туда, где мой отец наяривал лабухом, был Жорой Трубачом... Извините, папа, мне было стыдно, как стыдно и теперь. Уж лучше быть бедным, голодным студентом, но чувствовать себя достойно.

БУЕВ. Не выдумывай. Бедность не прибавляет достоинства никому, даже студенту. Я помогал и буду помогать внуку.

ЖЕНА. Кто гнал его в Питер? Что, в Москве ему вузов не хватило? Учился бы здесь, все было бы проще.

БУЕВ. В Москве нет кораблестроительного института. Санька с детства мечтал строить красивые корабли и планомерно стремится к осуществлению своей мечты. В этом и во многом другом он похож на меня. Да и любит он меня, пожалуй, посильнее, чем вас.

ЭДУАРД. Да ладно вам, папа!

БУЕВ. Ха-ха-ха, сдаюсь, сдаюсь. К тому же моей хилой пенсии вряд ли достанет вот на эти сигары (*густо пускает дым*), на несколько бутылок более или менее приличного вина (*достает из холодильника бутылку, попутно большую салатницу с нарезанной зеленью*), на доброго брадобрея, на хороший парфюм и прочие милые сердцу мелочи, от которых мне трудно отказаться. Да, по правде говоря, уже и поздно отказываться.

Эдуард кашляет, разгоняя ладонью дым. Жена напротив —
вдыхает.

ЖЕНА. Аромат настоящего мужчины.

БУЕВ. Еще раз браво, детка! После пяти лет совместного проживания ты начинаешь мне нравиться.

ЭДУАРД. Не обольщайтесь, это она со зла, в пику мне и прочим тяготам жизни.

БУЕВ. Браво, сын! Я-то думал, ты совсем растерял чувство юмора. Приободришь! (*Чувствительно толкает его в плечо.*) Все не так уж плохо, покуда крепки семейные узы, покуда на столе прохладное «Ркацители», покуда дымится хорошая сигара.

ЭДУАРД (*кашляя*). Будь она трижды неладна, ваша сигара. А это что?

БУЕВ. Это травы. Я нарвал их сегодня ранним утром во время прогулки в Двориках за огородами, должен получиться неплохой салат.

ДРАМАТУРГИЯ

Нужно добавить крабовых палочек и, главное, заправить надлежащим образом. (*Занимается салатом.*)

ЖЕНА. Салат из трав... Наверное, страшно полезно?

ЭДУАРД. Наверное, страшно невкусно.

БУЕВ. А ты попробуй, ты попробуй.

Эдуард нехотя берет вилку, тянется к салату, жует.

БУЕВ. Ну? Каково? Ну скажи, что это невкусно!

Эдуард что-то мычит, пережевывая, и опять тянется к салату.

БУЕВ. Ну, то-то же. Детка, принеси три бокала, а я откупорю это вино.

На стол выставляются бокалы, разливается вино, накладывается салат, выкладывается яичница.

ЭДУАРД. Пить ни с того ни с сего... (*Сокрушенно качает головой, но тем не менее берет бокал.*)

БУЕВ. Нет, я чувствую, сегодня непременно должно нечто произойти.

СЦЕНА 3

Звонит телефон. ЖЕНА берет трубку. В трубке голос с иностранным акцентом.

ЭРИК. Алло, говорят из шведского посольства...

ЖЕНА. Из какого посольства? Не валяйте дурака!

ЭРИК. Будьте любезны, пригласите Джорджи.

ЖЕНА. Какую Джорджи? Ах, Джорджи... (*Растерянно.*) Говорят, из шведского посольства, просят Джорджи...

Фоном звучит джаз.

БУЕВ (*откашливаясь*). Алло.

ЭРИК. Алло, это ты, Джорджи?

БУЕВ. Да, это я и есть. Это ты, Эрик? Я тебя узнал.

ЭРИК. Да? А как ты меня узнал?

БУЕВ. Ну, по желтым туфлям...

ЭРИК. Ха-ха-ха, я тебя тоже по желтым туфлям. Слушай, Джорджи, я давал нашему послу послушать ту дрянную запись, которую я сделал, стоя около вас, когда ты играл свой дикси. Слушали всем посольством, полный фурор! Твоя труба заставила всех делать мурашки. Ты слышишь, Джорджи?

БУЕВ. Слышу, Эрик, и делаю мурашки.

ЭРИК. Это не все. Вопрос о приглашении вас на джазовый фестиваль в Стокгольм практически решен. Джорджи, ты делаешь мурашки?

БУЕВ (*сквозь зажатую зубами сигару*). Угу.

ЭРИК. Это не все. В воскресенье посол просит вас посетить наше посольство и дать небольшой дружеский концерт, потом будет обед, оплата хорошая. Переставай делать мурашки, это теперь все. Позвони мне в субботу, мой номер на визитке, которую я тебе давал. Пока, Джорджи!

Все молчат. Був подходит к столу, разливает вино, поднимает бокал.

БУЕВ. Ну вот, за это самое...

ЭДУАРД. Папа, сегодня же воскресенье! А вас просили посетить...

ЖЕНА (*нервно*). Ха! Это была шутка? Вы шутник, папуля.

БУЕВ. Да нет, я и сам несколько удивлен. Это Эрик, хороший парень. Ему нравится наша музыка, он нас записывал на магнитофон. Да! Просил разрешения, долго извинялся, клятвенно обещал, что авторские права никоим образом не будут нарушены. Эдуард, ты не знаешь, что он имел в виду?

ЖЕНА. Наверное, что-то насчет денег... или что-то еще?

ЭДУАРД. Но сегодня же воскресенье, папа!

БУЕВ. Нет, он имел в виду следующее воскресенье, он сказал, чтобы я позвонил в субботу, не могу же я позвонить вчера, даже учитывая, что у Эрика отличное чувство юмора, почти как у меня.

ЭДУАРД. Да нет! Это действительно шутка. Какое отношение этот Эрик имеет к шведскому посольству?

ЖЕНА. Он говорил про какую-то визитку. Где она?

Був подходит к вешалке, достает из кармана пиджака визитную карточку.

ДРАМАТУРГИЯ

БУЕВ. Вот.

ЖЕНА. Посольство Шведского Королевства. Эрик Б. Эрикссон. Военный атташе.

ЭДУАРД. Ну и?

БУЕВ. Ну что, и... Последнее время мне постоянно снится Алюминиегорск. Есть несколько дней, самое время посетить чертоги молодости, предаться воспоминаниям.

ЭДУАРД. Да перестаньте вы, папа, с вашим Алюминиегорском! Вас в посольство приглашают, говорят о зарубежной поездке.

БУЕВ. Я обернусь, мне хватит и трех дней.

ЭДУАРД. Не валяйте дурака. Нет никакого Алюминиегорска, вырыли весь алюминий. Кончился! Фантом, призрак ваш — Алюминиегорск!

БУЕВ. Эдуард! Прекрати, возьми себя в руки. Что это? Откуда эта вспышка злобы? Ты равнодушен к чужому успеху?

ЭДУАРД. Какой успех! Ха-ха-ха! Тоже мне...

ЖЕНА. Нужно еще все проверить, ха-ха-ха!

БУЕВ. Эдуард! Во-первых, чужому успеху нужно радоваться, тогда и тебе непременно улыбнется удача, а во-вторых, мы же с тобой не чужие друг другу люди. Всем твоим успехам я всегда радовался больше, чем чему-либо в жизни.

ЭДУАРД. Вы постоянно твердите о своем Алюминиегорске! Вам же объясняют, что его нет! А вы с упорством сумасшедшего все время о нем твердите.

ЖЕНА. Точно! И правда, как... *(Крутит пальцем у виска.)*

ЭДУАРД. Вы сумасшедший, папа!

Був хватается за сердце и медленно оседает на пол. Звучит музыка с пронзительным соло трубы.

ЭДУАРД. Папа, не валяйте дурака!

ЖЕНА. С ним, кажется, действительно плохо... Ему нужны таблетки... Или позвонить...

ЭДУАРД. А где таблетки? И куда звонить?

ЖЕНА. Вот таблетка, положи ему в рот.

Сквозь меланхолический джаз слышна сирена «скорой помощи».

СЦЕНА 4

БУЕВ лежит на диване. ФЕЛЬДШЕР, молодой человек в белом халате, измеряет ему давление. Кругом висят и валяются ленты кардиограммы.

ФЕЛЬДШЕР. Давление дрянненькое, кардиограмма, прямо скажем, хреновенькая.

БУЕВ. Приятные интонации. Главное, просто и понятно.

ФЕЛЬДШЕР. Лежите, папаша. Покуда ничего не понятно и тем более совсем не просто.

БУЕВ. Ну прямо мед на уши. Док, а между нами, только честно, нет ведь никакого давления и все кардиограммы от лукавого? А?

ФЕЛЬДШЕР. Точно, отец. Есть жизнь и смерть, а мы на проходной. Только я не доктор, то бишь не врач, из фельдшеров мы.

БУЕВ. Да ну! Это многое объясняет.

ФЕЛЬДШЕР. И что же это вам объясняет?

БУЕВ. Ну, скажем, некоторую артистичность натуры и философский склад ума.

ФЕЛЬДШЕР. Вы что, серьезно?

БУЕВ. Да от души! Чего свистеть-то без нужды. Похож я на свистуна?

ФЕЛЬДШЕР. Честно?

БУЕВ. Ну давай.

ФЕЛЬДШЕР. Не похож. Вы не на свистуна похожи, а на трубача из перехода. Вы он и есть, я вас узнал.

БУЕВ. Слушал?

ФЕЛЬДШЕР. Не то чтобы... Просто мимо хожу, но вы дуете нормально, и барабанщик ваш ничего, забавно так наяривает старикан.

БУЕВ. Ну остальных-то не обижай.

ФЕЛЬДШЕР. Не обижаю, музыка у вас...

БУЕВ. Но ведь слушал?

ФЕЛЬДШЕР. Вживую, просто интересно было.

БУЕВ. То-то, что вживую. Музыка у вас... Да, у нас музыка, не что-нибудь, а именно она и есть. Нас шведский посол на следующее воскресенье к себе пригласил. А дипломаты — народ дошлый, на туфту не клонут.

ФЕЛЬДШЕР. Да ладно, посол... Через десять минут давление не

ДРАМАТУРГИЯ

нормализуется, увезу вас в больницу.

БУЕВ. Ну, ну, эскулап, не дерзите старшим, про посольство я серьезно, без шуток.

ФЕЛЬДШЕР. А я про больницу еще серьезней. До воскресенья вам, батя, еще дожить нужно, какие уж тут шутки. Лежите покуда. Где тут у вас туалет?

БУЕВ. Прямо и направо вторая дверь. Не заблудитесь, док.

Фельдшер уходит. Був достает из кармана сигару и закуривает.

СЦЕНА 5

Слышны шаги. БУЕВ мнет пальцами сигару, обжигается, сует сигару под одеяло. В дверь просовывается голова САНИ.

САНЯ. Дед, ты как тут?

БУЕВ. Санька! Тьфу, таракан, напугал. *(Машет одеялом, разгоняя дым.)* А я едва не сгорел, думал, доктор, то есть фельдшер.

САНЯ. Жить нужно честно, дед, любое лукавство к добру не приводит. Нельзя курить, так не кури, чего партизанишь.

БУЕВ. Ну поучи еще. Понимал бы что в лукавстве.

САНЯ. Не сердись, старый, твои слова.

БУЕВ. Да? Ну ладно, валяй. Слушай, Санька, привет, родной ты мой! *(Обнимаются.)* Ты чего прикатил?

САНЯ. Соскучился. Зачеты сдал, неделька моя.

БУЕВ. Что?! Неделя, серьезно? Гуляем! А где этот док?

САНЯ. Не, дед, гулять не будем. Курить нельзя, с выпивкой завязано, оставь все авантюрные перспективы.

БУЕВ *(грубо)*. Док, спрашиваю, где?

САНЯ. На кухне. Чай пьет с печеньем.

БУЕВ. Ага. Так, Санька, собираемся. *(Подходит к комоду.)* Деньги здесь, дней на пять хватит. Зубные щетки купим по дороге. Так, парфюм с собой. *(Сует флакон в карман брюк.)*

САНЯ. Ты чего, дед, серьезно что ли?

БУЕВ. Стану я с тобой шутить. Так, свежую рубашку. *(Быстро переодевается.)* И выходную пару. *(Надевает светлый костюм.)* Пару галстуков, думаю, хватит. *(Сует в карман галстуки.)* Санька, а теперь осторожно и быстро принеси из прихожей шляпу, плащ и туфли. Я

сказал, осторожно и быстро! Иначе с собой не возьму, останешься дома.

Внук разводит руками и идет к двери. Возвращается, неся одежду. Бувев одевается. Мода самого начала пятидесятых. Из-за некоторой поношенности одежды былой шик проглядывает едва.

САНЯ. Выйти через дверь не удастся, а из окна будет метра два.

БУЕВ. Ничего, придется рисковать. *(Открывает окно.)*

САНЯ. Дед, что за нужда-то, объясни?

БУЕВ. По дороге, дорогой. *(Уже свесившись из окна.)* Санька, а труба!

Внук возвращается, опять выходит из комнаты, чем-то гремит, вбегает в комнату с футляром от трубы. Звучит джаз.

САНЯ. Дед! Застукали!

БУЕВ *(сваливаясь из окна)*. Быстрее, Санька!

Внук подает деду трубу, сам выскакивает в окно. В комнату врываются Эдуард, жена и фельдшер.

ФЕЛЬДШЕР. Батя, вы куда?!

ЖЕНА. Папаша!

ЭДУАРД. Папа, что за дикие выходки?! Куда вы?

БУЕВ *(удаляясь)*. В Алюминиегорск. Мы не надолго, всего на три дня.

СЦЕНА 6

Вокзал. Кассы. БУЕВ, САНЯ и девушка КАССИР.

БУЕВ. Голубка, как нам добраться до Алюминиегорска?

КАССИР. Куда-куда? Что-то не слышала про такой. Это по какому направлению будет?

БУЕВ. По северному, красавица, к студеному океану.

КАССИР. Хм, к студеному... По северному много поездов идет, говорите конкретнее.

БУЕВ. Конкретнее сказать не могу. Сколько лет прошло. Когда-то

ДРАМАТУРГИЯ

Алюминиегорск был на слуху у всей страны. Об этом славном городе знал каждый пионер Советского Союза.

КАССИР. Да? Я тоже когда-то давно была пионеркой Советского Союза, и что-то не припомню никакого Алюминиегорска.

БУЕВ. Да брось врать, когда-то давно... Да тебе и сейчас больше двадцати не дашь.

КАССИР (*смущаясь*). Ой, идите вы, гражданин.

БУЕВ. Куда прикажете?

КАССИР. В свой Алюминиегорск.

БУЕВ. То-то и беда, что билетов нету. Ух, глазища-то, что огонь зеленый, ведунья да и только. Посмотри на Мурманск. Только, помнится, туда ходил специальный фирменный поезд Москва—Алюминиегорск, назывался он «Белая молния», куда там «Красной стреле».

КАССИР. Нет сейчас такого поезда. Что же с вами делать? (*Берет телефон.*) Свет, посмотри на Мурманск, станция Алюминиегорск, есть такая? Да? Да? Понятно. Закрыли станцию в вашем Алюминиегорске лет десять назад. Видно, разъехались все из него. Ближайшая станция через десять километров в Крутоярске.

БУЕВ. Десять, пожалуй, многовато будет. А, Санька?

САНЯ. Все, дед, бери до Крутоярска. Действуем по чрезвычайной схеме. Около твоего Алюминиегорска дернем стоп кран и соскочим.

БУЕВ. Хм, дернем, говоришь... Заманчиво. Два мягких до Крутоярска, голубка.

КАССИР. Пожалуйста. Поезд через полчаса.

БУЕВ (*пристально глядя*). Ну максимум двадцать восемь. У-у... Не спешил бы, навек остался. (*Отходит от касс, ищет внука.*)

СЦЕНА 7

Внук стоит около незнакомой ДЕВУШКИ.

САНЯ. Встречаешь или провожаешь?

ДЕВУШКА. Отстань.

САНЯ. Чего это ты так сразу — отстань? Я же тебе ничего плохого не сделал, спросил просто.

ДЕВУШКА. Иди в справочную и спрашивай.

САНЯ. Спрашивали уже, как проехать в Алюминиегорск.

ДЕВУШКА. Рассказали?

САНЯ. Ага.

ДЕВУШКА. Вот и дуй в свой Аллюминиегорск. Что за дыра? Сроду не слышала.

САНЯ. Да ты что! Этот город раньше знал каждый пионер Советского Союза. Туда специальный поезд ходил, «Белая молния» назывался.

ДЕВУШКА. Ну и что? Чего ты около меня трешься? Кати в свой Аллюминиегорск на «Белой молнии». Давай отстань.

САНЯ. Скоро уеду, поезд через полчаса. Слушай, дай телефон, потом ведь опомнишься и будешь жалеть, что зевнула такое классное знакомство. А?

БУЕВ. А вот и я! Это тебе. *(Отдает девушке цветы.)* А это тебе. *(Протягивает внуку бутылку шампанского.)* Знаете, ресторан у них закрыт на какую-то проверку. Черт знает, что такое, а выпить на дорожку не мешало бы, вот. *(Достает из кармана одноразовые стаканчики.)*

САНЯ. Это мой дед. Классный джазмен, трубач от бога и просто хороший человек.

БУЕВ. Санька! А где труба?

САНЯ. Блин! У кассы забыл... *(Отбегает.)*

ДЕВУШКА. А сигарет у вас нет?

БУЕВ. Мадемуазель курит сигары?

ДЕВУШКА. Я что, так сильно похожа на дурочку?

БУЕВ. Прости, детка. Будут тебе сигареты.

САНЯ. Вот труба, дед. Ну что, хлопнем пробкой.

БУЕВ. Нужно найти приличное место. Мадемуазель пьет шампанское?

ДЕВУШКА. Пьет.

БУЕВ. Тогда вперед. Прошу. *(Подставляет девушке руку.)*

Уходят. Звучит джаз.

СЦЕНА 8

Визг тормозов. В двери вокзала вбегают ЭДУАРД, ЖЕНА и ФЕЛЬДШЕР.

ЭДУАРД. Они должны быть где-то здесь.

ДРАМАТУРГИЯ

ФЕЛЬДШЕР. Нам надо рассредоточиться.

ЖЕНА. Это как и зачем?

ФЕЛЬДШЕР. Нам нужно разойтись в разные стороны, тогда наши шансы найти его увеличатся в три раза.

ЭДУАРД. Ни в коем случае. Нам нужно быть постоянно вместе.

ЖЕНА. А это как и зачем?

ЭДУАРД. От каждого из нас в отдельности он убежит, улизнет. Он в состоянии аффекта.

ЖЕНА. Аффекта! Да в другом состоянии я его и не помню. Давно нужно было лечиться твоему папочке, я тебе об этом говорила.

ФЕЛЬДШЕР. Слушайте, я с одной стороны, конечно, не прочь побыть вместе (*многозначительно смотрит на Жену*), но с другой стороны, я ведь на работе, на дежурстве. Мне, пожалуй, пора.

ЭДУАРД. Да вы что! Вас вызвали к больному, к прединфарктному больному, а может быть, уже и инфарктному. Если с ним что-то случится, с вас будет главный спрос.

ФЕЛЬДШЕР. С меня теперь по-любому спросят.

ЭДУАРД. Выбирайте из двух зол меньшее.

ФЕЛЬДШЕР. Ладно, я выбираю вас. Пойду отправлю машину, уж машину-то мне никто держать не позволит.

Фельдшер уходит. Эдуард с женой подходят к кассам.

ЭДУАРД. Девушка, мне надо у вас спросить, пожалуйста...

КАССИР. Как добраться до Аллюминиегорска?

ЖЕНА. Ага, он здесь был!

ЭДУАРД. Давайте-ка, девушка, выкладывайте.

КАССИР. Да ладно, чего это я вам должна выкладывать?

ЖЕНА. Вы сказали — Аллюминиегорск!

КАССИР. Просто так сказала и все.

ЭДУАРД. Нет, не просто так. Откуда вы знаете про Аллюминиегорск?

КАССИР. Да про Аллюминиегорск в свое время знал каждый пионер Советского Союза. Когда-то туда ходил фирменный поезд «Белая молния». Куда там вашей «Красной стреле».

ЖЕНА (*не без восхищения*). Чувствуется стиль.

ЭДУАРД. Да, он тут был. Такой чудной старикан с трубой и с юношей? (*С досадой машет рукой*.) Пойдем, они где-то здесь, мы их найдем.

КАССИР. Старикан... На себя-то посмотрел бы.

ЖЕНА. М-м-м... (*Понимающе переглядываются*.)

СЦЕНА 9

БУЕВ и ДЕВУШКА сидят в зале ожидания. Подходит САНЯ, протягивает девушке сигареты.

САНЯ. Держи, самые лучшие. Ну что, глотнем еще шипучки?

БУЕВ. Сам ты шипучка. Судя по этикетке, это «Абрау Дюрсо». Некогда поставщик императорского двора, «красного» и нынешнего Кремля (*хлопает пробкой*). Ах, детка, как мне знакомо твое лицо. Я говорю это вполне серьезно. Я все время пытаюсь вспомнить, где и когда... И меня это тревожит.

САНЯ. Ты что, дед, клеишь что ли? Забито, старый, у меня самые решительные намерения.

БУЕВ. Глупый ты, Санька. Я же говорю, что действительно пытаюсь вспомнить это лицо, и мне действительно тревожно.

ДЕВУШКА. Я вас не знаю. Хотя ваше лицо очень колоритно и, наверное, запоминающееся... Может быть, я вас где-то видела, но я не помню.

САНЯ. Да моего деда полгорода знает, он со своими лабухами играет в переходе на площади. Иногда такая толпа собирается, что милиция разгоняет.

ДЕВУШКА. Может быть... Я не помню.

БУЕВ. Что же, тогда выпьем за знакомство.

Едва наполняет стаканы, в дверях появляются ЭДУАРД,
ЖЕНА и ФЕЛЬДШЕР.

ДЕВУШКА. Какие странные люди.

САНЯ. Дед, атас, нас настигли.

БУЕВ. Без суеты! Еще не настигли, попробуем скрыться.

САНЯ. Слушай, там на сигаретах я написал номер. Дня через три я буду здесь, позвони. Слышишь?

БУЕВ. Санька, делай, как я. Раз-два-три!

Отсчет служит началом забойного ритм энд блюза. Був сидит на корточки, сзади его фигуру скрывает плащ так, что со спины он похож на ребенка во взрослой одежде или на липугу. Внук делает то же самое. Под звуки джаза они удаляются.

СЦЕНА 10

Темная сцена с мелькающими огнями. Джаз в ритме поезда. Визг железнодорожного тормоза. На сцену выбегает САНЯ, следом БУЕВ с сигарой во рту.

САНЯ. Быстрее, дед, уходим. За эти дела по головке не погладят. БУЕВ. Бежим, бежим. Хоть нелегко, но надо.

Убегают по вращающейся сцене. Постепенно замедляется темп. Издалека возникает и приближается другая музыка. Медленно прибавляется свет. Буев одет как будто также, но все на нем новое, прекрасно сидит, и сам он словно помолодел. Настоящий денди пятидесятих.

БУЕВ. Слышу знакомые звуки, обоняю щемящие душу, ароматы молодости. Это, Санька, знаменитый ресторан Аллюминиегорска «Крылья родины». Я здесь когда-то играл, и как играл!

САНЯ. Ну что, дед, зайдем?

БУЕВ. Спрашиваешь еще, за тем и прибыли.

Заходят в ресторан. Много народу. Волнующие дамы, элегантные мужчины, много военных. Но все как будто из прошлого.

БУЕВ. А говорили, Аллюминиегорск мертв. Он жив, Санька! И не только в сердце старого трубача.

САНЯ. Жрать хочется, дед. Какие запахи!

Садятся за стол. Около них останавливается человек в строгом костюме, по виду администратор. Это РОМА.

РОМА. Что будем пить?

БУЕВ. С дороги, пожалуй, водочки грамм этак триста. Закусим икоркой.

РОМА. Паюсной? Черной зернистой?

БУЕВ. Что посвежее будет?

РОМА. Обижаете. У красной посол разве что чуть крепче, черная совсем легкая, на любителя.

САНЯ. Дед, мы любители?

БУЕВ. Еще какие! Такие любители, что ух! Нам, дорогой, и того, и

другого на пробу. А из горячего для начала по ростбифу. И зелени побольше.

РОМА. Жора, где же ты пропадал, пес загульный? Где тебя нелегкая носила? Задолжал мне уйму денег и как в воду канул.

БУЕВ. Рома, а ведь это ты? А я смотрю, ты или не ты. Потом думаю, все-таки ты. А деньги я тебе не со зла не отдал, просто так получилось. Ну, здравствуй, дорогой!

Обнимаются. У Ромы на глазах слезы.

РОМА. Остался должен, подлец такой, и скрылся с глаз долой. Сейчас, сейчас все принесут в лучшем виде(*уходит*).

БУЕВ. Это Рома! Скряга, жмот, душевнейший человек. Не забыть отдать ему деньги.

РОМА (*с эстрады*). А сейчас на нашей небольшой уютной эстраде любимица рабочего класса нашего славного города Нина Кунц!

Выходит девушка, поет песню «Август».

1.

*Август-синь, август-зной.
Август-мальчик, август мой.
Август – белый звездопад.
То ли яд, то ли мед.
Юбка по ветру взлетит.
Смех и слезы невпопад.*

ПРИПЕВ

*В первый раз, в первый раз
На руках туманы нас
От зари к заре качали
Над землю, в первый раз.
В первый раз, в первый раз
Не сомкнуть счастливых глаз.
Травы в небо, губы в губы,
Все с тобою в первый раз.*

2.

*На ветру поцелуй,
Ветер, звезды не задуй.*

*Но постылые дожди
Вниз плывут по реке.
Слышно эхо вдалеке –
Подожди, не уходи.
ПРИПЕВ*

3.

*По дождю рыжий пес
Август в сумерки унес.
Осень вороном летит.
То ли яд, то ли мед.
Память – пламя, память – лед.
Память губы холодит.
ПРИПЕВ*

САНЯ. Дед, это она! Погляди, это же она! Наверное, ехала вместе с нами, как же мы ее не видели? Ее зовут Нина.

БУЕВ. Да, это она. Теперь я узнаю это лицо. Нина Кунц. Наверное, это ее дочь. Прошло столько лет, но как она похожа.

Под звуки песни официантка приносит заказ. Дед и внук выпивают и закусывают. Заканчивается песня.

САНЯ. Дед! Она нам машет, видишь, дед? Я налью еще по рюмке, ты как?

БУЕВ. Да... пожалуй.

САНЯ. Она идет сюда, дед.

Внук встает навстречу Нине, но она идет мимо него и подходит к Буюву.

НИНА. Здравствуй, Жора. Как тебе моя новая песня?

БУЕВ. Здравствуй, детка. (*Целует руку.*) Ты хорошо поешь. Правда, правда, я рад за тебя. Как здоровье мамы?

НИНА. Здоровье мамы? Нормально... Хотя при чем здесь мама? Знал бы ты, как я без тебя скучала, как я рада видеть тебя вновь.

БУЕВ. Я искренне рад, детка. Хотя ты так молода, как ты можешь помнить меня?

НИНА. Ты опять за свое. Ты все время твердишь, что я молода.

САНЯ. Вот дает подруга! Я еще там, на вокзале, заметил, что у тебя не всегда все дома. Кончай дурить, Нина Кунц.

НИНА. Кто этот парень? Твой сын?

БУЕВ. Мой внук Санька. Познакомьтесь, он хороший парень, студент-кораблестроитель.

НИНА. Привет, я Нина.

САНЯ. Привет от старых штиблет. А я Саня, я же тебе на сигаретах написал. Забыла?

НИНА. Какие сигареты? О чем это ты?

САНЯ. Которые я купил тебе на вокзале. Ты хотела курить...

НИНА. Жора, я не курю. Он что, пьян? Как там Женя? Она ведь уехала с тобой?

БУЕВ. Санька, сядь за стол и поешь. Ты действительно можешь захмелеть, а это неприлично. Я не знаю, как сейчас Женя, я давно ее не видел. Но как... Боже мой, неужели... Да нет, бред какой-то.

САНЯ. Слушай, Нина, не чуди. Пела ты, конечно, неслабо, классная стилизация под ретро. Это модно, это поперет, будут брать. Ищи спонсора, а пока давай выпьем. Дед, я закажу шампанского, а?!

Рома приносит бутылку шампанского и апельсины.

РОМА. Шампанское — подарок с соседнего стола.

БУЕВ. Благодарю, друзья! Я узнал их, это рабочие, парни с нашего комбината. Рома, передай им вдвойне.

РОМА. Апельсины! Тропический фрукт с изумительным вкусом. Удалось перехватить партию из городского спецзаказа, специально для дорогих гостей. Кушайте на здоровье.

БУЕВ. А я, пожалуй, выпью водки. У тебя, Рома, помнится, всегда были прекрасные маринованные маслята.

Рома подзывает официантку. На столе появляются грибы.
Внук протягивает бокал Нине.

НИНА. Я не буду, мне еще петь.

БУЕВ. Умница, детка, так и надо.

НИНА. Это твои уроки. Ах, маэстро, как мне не хватало твоих уроков, твоего намерения сделать из меня звезду эстрады.

БУЕВ. Я готов тебе помочь чем могу. Хотя у меня не так много времени, да и чему я могу тебя научить... То, чем владел я, то, что мне

ДРАМАТУРГИЯ

подвластно, пожалуй, далековато от сегодняшнего звездного небосклона.

НИНА. Как ты изменился, Жора. Где же твои планы, где стремление заглушить своим соло все трубы мира? Я все-таки выпью с тобой, маэстро. За встречу!

БУЕВ. Не посади голос, детка, шампанское со льда. И помни, в большинстве случаев не обязательно пить, достаточно пригубить. Впрочем, бывают такие обстоятельства, разобраться в которых, не выпив, трудно. За тебя, детка!

Подходит молодой человек в униформе ансамбля — ПЕТР.

ПЕТР. Нина, ты пьешь с посетителями?

НИНА. Это не посетитель, это Георгий Був, Жора Джаз, золотая труба Алюминиегорска.

ПЕТР. Тот самый трубач, о котором столько разговоров?

НИНА. Познакомьтесь, это Петя, новый руководитель нашего ансамбля. Пришел сразу после тебя, Жора.

ПЕТР. Сказать по правде, я ожидал чего-то большего.

БУЕВ. А я ожидал меньшего, но ребята еще не разучились играть. Неплохо, неплохо, хотя джазом здесь мало пахнет.

САНЯ. Какой джаз?! Так, пиликает нечто. Если бы не Нина, был бы полный облом.

ПЕТР. Нина, тебе еще петь. Идем.

НИНА. Отстань, сейчас приду.

БУЕВ. Он прав, детка, работа есть работа.

НИНА. Жора, я не хочу от тебя уходить. Я боюсь, что ты опять исчезнешь.

ПЕТР. Нина, идем!

САНЯ. Только без рук! Повежливее, парень.

ПЕТР. Сам повежливее! Ты кто такой вообще?

САНЯ. И, если можно, на вы. И с Ниной тоже.

НИНА. Ладно, не вмешивайся.

ПЕТР. Ты мне не указывай, как мне разговаривать с Ниной! Понял?!

САНЯ. Ну все! Поехали! Показываю, кеку-синкай карате-до, фул контакт. Кия!

РОМА. Молодые люди! Спокойнее! Товарищи, какие проблемы?

БУЕВ. Санька! Не бузи.

ПЕТР. Придурок! Лечиться надо!

Вдруг при полном видимом продолжении действия резко обрывается шум, словно у телевизора выключили звук. Через зал идет прекрасная дама в сопровождении двух представительных мужчин. Она в шляпе с вуалью, и вся остальная ее одежда вне времени. Возникает соло трубы с той же темой, что и во время сердечного приступа. Бувев не отрывает от нее взгляда, он стремится вслед за ней... Но на полпути его застигает вновь возникший шум.

РОМА. Дорогие друзья! Сегодня к нам вновь вернулся наш знаменитый трубоч, любимец алюминиегорцев Георгий Бувев!

Крики: «Браво!.. Здравствуй, Жора!..» Аплодисменты. Бувев растерянно глядит на даму и в зал.

БУЕВ. Я благодарю вас, друзья! Я искренне тронут, искренне... *(на глазах слезы)*.

РОМА. Жора, наш город скучал по твоей трубе.

БУЕВ. Друзья, я не готов. А впрочем, конечно, благодарю вас.

Идет к эстраде, спохватившись, возвращается за трубой. Все время смотрит на даму. Она не обращает на него внимания. Звучит ритм энд блюз. Выходят пары, танцуют фокстрот. Петр берет Нину за руку, что-то ей горячо говоря, пытается ее увести. К ним подбегает Саня, оттесняет Петра, ведет Нину в середину танцующих. Сначала танец ведет он, но Нина быстро схватывает, и они танцуют настоящий, забойный буги-вуги. Постепенно все становятся в круг и аплодируют им, кто-то пытается подражать. В конце — крики, аплодисменты. Саня и Нина выбегают из ресторана.

СЦЕНА 11

Аплодисменты достаются БУЕВУ. Подходит один из сопровождавших даму, передает большую розу (от дамы с дальнего столика, она восхищена). Бувев вновь порывается подойти к ней, но внук кричит, заглядывая с улицы в окно.

САНЯ. Дед, теперь уже точно застукали! Они уже здесь!

Саня исчезает. В ресторан входят Эдуард и иностранец в военноморской форме. Сын бледен, в изнеможении садится за столик.

ДРАМАТУРГИЯ

ЭДУАРД. Наконец-то, боже мой, наконец-то...

ЭРИК. Выпейте коньяку, Эдуард, вам будет лучше.

ЭДУАРД. Перестаньте, Эрик, меня тошнит.

БУЕВ. Эдуард! Эрик! Дорогие мои! Какими путями вы оказались здесь? Я страшно рад вас видеть! Эрик, тебе к лицу мундир.

ЭРИК. Здравствуй, Джорджи. Мы пускались за тобой в погоню. Ты улизываешь из-под самого носа семьи, как хитрый лис Домино.

ЭДУАРД. Папа, вы хуже лиса, вы более страшный зверь. Если бы вы только знали, как мы мучительно вас искали.

ЭРИК. Мы догнали тебя на моем авто и были в пути большое количество часов.

БУЕВ. Сын, что с тобой? Ты скверно выглядишь.

ЭДУАРД. Я не могу, мне плохо...

БУЕВ. Прости, я забыл, что ты тяжело переносишь дорогу. Тебя укачало. Рома, принеси сто граммов коньяку. Нет, Рома, двести. Прости, Эрик, я немного растерялся. Рома, неси триста, я, пожалуй, тоже выпью. Сегодня необыкновенный вечер, я могу себе это позволить.

Входят явно довольные собой и проведенным временем
ЖЕНА и ФЕЛЬДШЕР.

ЭДУАРД (*глядя на них*). Обратной дороги я не вынесу...

ЖЕНА. А вот и папуля!

ФЕЛЬДШЕР. Да, папаша, мастер вы бегать, я вам скажу, а в вашем состоянии это чревато. Снимите-ка пиджак, я измерю вам давление.

БУЕВ. Рома, голубчик, давай-ка целую бутылку и дальше ужин по полной программе.

ФЕЛЬДШЕР. Это кстати. Я ужасно хочу есть.

ЖЕНА. Я тоже хочу... Ужасно... (*Хохочет.*)

На столе появляются бутылки с вином, с водой, холодные и горячие закуски.

ЭДУАРД. Вы собираетесь есть...

Був наливает в рюмку коньяк и подает сыну.

ЭДУАРД. Да перестаньте же, папа. Меня тошнит.

БУЕВ. Именно это поможет тебе побороть тошноту.

ЭДУАРД. Нет!

ЭРИК. Джорджи прав. Это не самый неправильный метод.

ЭДУАРД. Нет!

ФЕЛЬДШЕР. Заявляю как медик это действительно не повредит.

ЭДУАРД. Не могу!..

ЖЕНА. Да мужик ты или нет? Выпей, тебе говорят!

ЭДУАРД. Я бы тебе ответил, если бы мог... Оставьте меня в покое, или я умру.

БУЕВ. Так, закрой глаза и прими это, как лекарство.

Подходит и почти насильно вливает коньяк в сына. Тот, проглотив, со стоном бесчувственно роняет голову на стол. Все в ожидании, все притихли, весь ресторан смотрит на Эдуарда. Наконец он с трудом поднимает голову.

ЭДУАРД. Спасибо, кажется, лучше...

Всеобщая радость: «Ну вот!.. А ты не хотел!..»

ЭДУАРД. Можно, я выпью еще?

Всеобщее ликование, аплодисменты. Був разливает по всем рюмкам.

ФЕЛЬДШЕР. Папаша, снимите-ка пиджак и закатайте рукав рубашки. Я перся за вами кто знает куда, а вы не даете мне измерить вам давление в вашей, прямо скажем, хлипкой сердечно-сосудистой системе.

БУЕВ. Ну-ну. Сдаюсь, мой добрый Гиппократ. *(Снимает пиджак.)* Вы и вправду решились на многое, отчаянный мой Авиценна. *(Закатывает рукав рубашки.)* Приступайте, Парацельс мой многомудрый. Или выпьете сначала?

ФЕЛЬДШЕР. Полно вам именами-то сыпать. Мы тоже кое-кого знаем, Фаренгейт мой остроумный. Я, пожалуй, сначала выпью, только *(выпивает)* вы рукав-то *(закусывает)* не опускайте. Не опускайте, говорю, рукав-то. М-м-м... Жрать хочется, как из пушки.

Жуя, накладывает манжету, измеряет давление. Був свободной рукой берет со стола рюмку.

БУЕВ. Ваше здоровье!

ДРАМАТУРГИЯ

ФЕЛЬДШЕР. Странно, давление в норме. Ну-ка, еще разок.

ЭДУАРД (*уже пьян*). Не верьте ему, папа. Вы больны! Вы ведь больны? А он коварен. Как он коварен, у-у-у... Я вам еще расскажу...

Буев свободной рукой берет сигару. Эрик щелкает зажигалкой.

БУЕВ (*пускающая дым*). И что же вас заставило, друзья мои, преодолевать пространство и время, терпеть лишения и голод, спешить вслед за мной, искать, ловить меня?

Общее возбуждение. Каждый пытается что-то сказать, что-то объяснить. Но в это время дама идет к выходу. Ничего не слышно, кроме пронзительного соло трубы. Буев устремляется к ней, невольно таща за собой стетоскоп, один конец которого застрял в манжете, другой в ушах фельдшера. Эрик и фельдшер идут вслед за ней. Буев замешкался, покуда снимал манжету, покуда вернулся за пиджаком. Снаружи слышны веселые голоса молодых мужчин и прекрасной дамы. Буев идет, чтобы выйти следом, но двери захлопываются перед его лицом. Он в отчаянии опирается на них руками, прислоняется к ним. Медленно гаснет свет. Вдруг дверь распахивается, в ярком потоке света стоит она.

ДАМА. Вы огорчились, маэстро? Вы опечалены? Не надо. Я помню о вас, мы с вами непременно встретимся. Очень скоро, но не сейчас. Покуда же веселитесь и отдыхайте, время вашей встречи с молодостью продолжается. Я за вами вернусь. Сегодня я хочу быть с вами. Я выбрала вас, именно вас. (*Легкий, красивый смех.*)

БУЕВ. Кто вы? Как ваше имя?

Но смех все дальше, дальше... Свет гаснет совсем. Слышен мотор отъезжающего авто.

СЦЕНА 12

БУЕВ сидит один на лавочке возле ресторана. В руках у него букет цветов.

БУЕВ. Ее нет уже целый час. Она посмеялась над старым лабухом и уехала совсем. Вероятно, она не вернется, но я не могу уйти. Я еще надеюсь. Она смешна, эта надежда, я сам смеюсь над ней. И все-таки жду.

Подходят САНЯ и НИНА. Они не замечают Буева, останавливаются, целуются. Буев хочет уйти, но внук его замечает.

САНЯ. Дед, ты здесь! Это здорово, что ты здесь, а не там. Мы шли именно к тебе, а туда мы и не хотели заходить.

БУЕВ. Да, вот. Я как раз здесь. А вы не иначе как решили пожениться?

САНЯ. Да, решили. А как ты догадался?

БУЕВ. Это не так сложно, как можно подумать. Во-первых, Санька, ты два раза сказал — мы. А во-вторых, выражение лиц у вас именно такое, какое возникает в момент принятия этого важного решения. Все просто, Санька.

САНЯ. Все просто? Действительно... *(К Нине.)* У меня и вправду такое дурацкое выражение лица?

НИНА. Правда. Ну, что же ты скажешь, Жора? Почему ты молчишь?

БУЕВ. А что я могу сказать? Я рад за Саньку, у него прекрасный вкус. И я рад за тебя, детка, Санька хороший парень.

САНЯ. Раз дед одобрил, все будет нормально. Пойдем, тебе еще нужно собраться в дорогу.

НИНА. Подожди, я еще ничего не решила. Жора, ты что, действительно так легко соглашаешься отдать меня замуж?

БУЕВ. Нет, нет, детка, ты что-то путаешь. Правильнее будет сказать, я женю на тебе своего внука. И, в общем-то, рад этому. Вот, это тебе. *(Отдает цветы)* Поздравляю вас, дети мои!

САНЯ. Я говорил тебе, что у меня классный пращур. Ну, пойдем..

БУЕВ. Нина...

НИНА. Да?!

БУЕВ. Нет, нет. Я просто хотел спросить, вы подумали, как все у вас будет там? Вы ведь собираетесь ехать в Питер?

САНЯ. Она будет петь. У нее же талант, с ее талантом нигде невозможно пропасть. В конце концов в Питере тьма ресторанов. Пойдем.

БУЕВ. Нина...

НИНА. Я слушаю тебя.

БУЕВ. Ты не знаешь, кто эта женщина, что сегодня здесь была? Такая с вуалью?

НИНА *(смеясь)*. Жора, у тебя сейчас выражение лица не лучше, чем у твоего внука. На, возьми свои цветы, сейчас уже поздно, и тебе вряд ли удастся достать еще один букет. Я не знаю ее, я видела ее

ДРАМАТУРГИЯ

впервые. *(Берет Саню за руку.)*

БУЕВ. Да, да, идите. Я тоже пойду, сообщу радостную весть твоим родителям.

СЦЕНА 13

Ресторан. За столом ЭДУАРД и его ЖЕНА.

ЖЕНА. Эдик, Эдичка! *(Пытается его обнять.)* Ты слишком много пьешь. Тебе будет плохо, будет тошнить.

ЭДУАРД *(отталкивая ее)*. Уйди! Мне противно с тобой говорить. Мне противно даже твое прикосновение. Ты думаешь, я не видел, чем вы там всю дорогу занимались, там, на заднем сиденье, в то время как мое сердце билось, как набат, тревожимое сыновним чувством, терзаемое мыслями о... папе! О моем о талантливом, да! Может быть, даже гениальном отце! *(Наливает.)*

ЖЕНА. Эдик, ты так говоришь... Ты раньше никогда так не разговаривал. Видишь, как тебе вредно пить.

ЭДУАРД. Уйди!

ЖЕНА *(перехватывает рюмку)*. Я немного отхлебну...

ЭДУАРД. Налей себе и пей. Я тебе не запрещаю, как не запрещаю ничего другого. Порок невозможно искоренить запретом, если он не осознан, не отвергнут, не омыт горячими слезами его носителя. А вот и папа!..

БУЕВ. Да, это я. И я к вам с радостной вестью. Ваш сын и мой внук женится.

ЖЕНА. Ха-ха-ха... Как это женится?

БУЕВ. Да. Он встретил здесь прекрасную девушку, они полюбили друг друга и решили пожениться. Они молоды, чисты сердцем и хороши собой. Из них получится прекрасная пара.

ЖЕНА. Вы что, папуля, совсем офонарели?! Какая женитьба?! Где Санька?! Все это ваши рестораны! Я покажу ему женитьбу! Где он?!

ЭДУАРД. Сядь! Пусть женится!

ЖЕНА. Да? Ну пусть... А почему бы и вправду ему не жениться? Но только...

ЭДУАРД. Никаких - но! И никаких - только! Может быть, ему повезет больше, чем мне. Как это романтично, папа! Как это светло и возвышенно! Двое молодых людей встречаются где-то на краю света,

в провинциальном ресторане, совсем случайно. И возникает любовь — скорая, ослепительная, как вспышка молнии... Как это красиво!

ЖЕНА. Да! И какие у вас, папуля, красивые цветы.

БУЕВ. К сожалению, детка, это не для тебя. Сейчас уже поздно, и мне навряд ли удастся достать другой букет.

ЭДУАРД. Это не для тебя! Ты недостойна этих прекрасных цветов. Если бы вы знали, папа, с кем я делил святое супружеское ложе, вы бы ужаснулись! Если бы вы знали, чем она занималась там, на широком заднем сидении «вольво»! Если бы вы слышали эти сладострастно-преступные вздохи!

БУЕВ. Я знаю, в «вольво» низкая шумность и хорошая слышимость в салоне. Мне приходилось ездить с Эриком.

ЭДУАРД. И с кем! С этим... Даже не врачом, а фельдшером!

ЖЕНА *(плача)*. Я не виновата, Эдик. Да, я не отрицаю, он приставал. Но то, что ты принял за вздохи, были звуки сопротивления. А устраивать шумный скандал в присутствии работника иностранного посольства мне показалось неудобным.

ЭДУАРД. Ну? И где он теперь, твой фельдшер? То-то! Ты сгоди-лась лишь для дорожного развлечения. Но стоило появиться ей... Папа, я знаю, кому предназначены ваши цветы. Выбросите их. *(Шепотом.)* Это опасно, папа! Ухаживать за такой женщиной, все равно что играть со смертью. Она прекрасна! Меня тоже потянуло за ней... Она ослепляет, манит, как магнит, как сладостный гипноз.

БУЕВ. Сын, ты умеешь красиво говорить. Вероятно, в юности этот дар был развит в тебе еще сильнее. Возможно, ты мог бы стать поэтом. А я никогда не замечал в тебе этого дара.

ЭДУАРД. Вы многое не замечали, папа.

БУЕВ. Наверное, многое. Ты был очень скрытен, Эдуард. Но даже твою скрытную душу разбередила эта женщина.

ЭДУАРД. Она красива нездешней, нереальной красотой. Меня тоже повлекло к ней, как влечет глупого мотылька на пламя свечи. Но я сказал себе: стоп, стоп, Эдик, это игры со смертью! И я остался сидеть за этим столом. *(Берет бутылку.)*

БУЕВ. Ты слишком часто говорил себе: стоп, Эдуард. Я вообще удивлен, как это ты решился рвануть вслед за мной в эту даль. Но я очень рад, что ты сейчас здесь, со мной.

ЭДУАРД. Я больше не хочу говорить себе стоп. Я больше не хочу называть тебя на вы. Можно, я буду звать тебя на ты, папа?

БУЕВ *(сквозь слезы.)* Конечно... Конечно, сынок.

Обнимаются, целуются.

ЭДУАРД. Давай с тобой выпьем, папа.

БУЕВ. Я, в общем-то, не против, но не будет ли тебе лишнего, так, с непривычки?

ЭДУАРД. Вот, папа, теперь ты говоришь мне стоп.

БУЕВ. Нет, нет, ну что ты, Эдуард? Мы выпьем, мы, конечно, выпьем.

Выпивают. Жена молчит, гладит мужа по голове, время от времени нежно целует. Он отмахивается от нее сначала резко, неприемлемо, а потом реже, словно изредка вспоминая о ее провинности.

ЭДУАРД. Папа, ты возьмешь меня с собой в Америку?

БУЕВ. Конечно, сынок. Но меня пригласили в Швецию.

ЭДУАРД. Это все равно, папа...

БУЕВ. Да, но Швеция гораздо ближе Америки.

ЭДУАРД. Нет, папа, нет. Все они одинаково далеки. Возьми меня с собой, папа. Эрик говорит, что это возможно...

ЖЕНА. Эрик говорил, что папу может сопровождать лишь один близкий. И мы решили, что это буду я. Мы ведь решили, Эдик?

ЭДУАРД. Мо-о-о-лчи! Папа, ты кого возьмешь — ее или меня?

БУЕВ. Конечно, тебя. Ведь ты мне сын, а она...

Жена (*обнимая Эдуарда*). Ну и езжайте, а я буду ждать вас дома, сидя у окна.

ЭДУАРД. Мы поплывем на большом белом лайнере, папа. Нас всю ночь будут качать теплые волны надежды. А утром, на рассвете, мы увидим Америку...

БУЕВ. Швецию, сынок.

ЖЕНА. Тихо, он спит.

БУЕВ. Да, я оставлю вас, пусть он отдохнет. У него был трудный день.

СЦЕНА 14

За дальним одиноким столиком сидит РОМА. К нему подходит БУЕВ.

БУЕВ. Ну что, друг, кончается еще один твой рабочий день. Ты устал?

РОМА. Я всегда устаю к концу дня. Но я люблю эту усталость. Я

привык к ней. Без этой усталости мне было бы трудно, мне тревожно уже оттого, что завтра выходной день. Я не люблю выходные потому, что не люблю своего одиночества. И в отпуске я ни разу не был с тех самых пор, как от меня ушла Женя, и комната моя превратилась в одинокую, неудобную конуру холостяка. Она ушла, словно пропала, забрав с собой дочерей, ничего не сказав, не оставив даже записки. Говорили, она уехала к тебе.

БУЕВ. Прости, Рома. Я, наверное, виноват перед тобой. Прости, у меня кончились сигары, нет ли их в твоём заведении?

РОМА. Ты уже забыл, что я всегда доставал через ленинградский торгсин немного гаванских сигар. Много ведь было и не нужно. В городе всего два человека курили сигары. Заместитель директора нашего комбината по снабжению товарищ Байбак, вон он, за столиком около пальмы. Узнаешь его? А вторым человеком, курившим сигары, был знаменитый заезжий трубач, солист утесовского и лундстремовского оркестров, друг и соперник Эдди Рознера, любимец города Жора Джаз. На, держи свои сигары.

БУЕВ. Я тронут, Рома! Я искренне тронут. Я всегда знал, может быть, лучше всех прочих, что ты человек редкой душевной нежности, чуткости и доброты. Пожалуйста, не вспоминай меня плохо. Прости меня.

РОМА. Все удивлялись, как занесло тебя в наш город с одним кое-каким ресторанным оркестриком. А ты приехал из-за какой-то женщины. Сильная, авантюрная, завораживающая натура. В тебя моментально влюбился весь город, на тебя невозможно было ни сердиться, ни обижаться. Я и не обижался. А женщину ты вскоре забыл с такой же легкостью, с какой сорвался вслед за ней из столицы, как говорили, оставив там жену с маленьким сыном.

БУЕВ. Да, Рома, я виноват и перед той женщиной, хотя, говоря по правде, не помню ее. И, конечно, перед своим сыном. Может быть, больше, чем перед кем-либо, я виноват перед своим сыном Эдуардом. Как-то с Эдди Рознером то ли в шутку, то ли всерьез мы пообещали назвать своих сыновей именами друг друга. У Рознера не было сына, а я выполнил обещание лишь отчасти. Я назвал сына не Давидом, как звали Рознера, а именем близким к его эстрадному псевдониму. Я вернулся к своему сыну, когда он уже стал большим. Он так и не привык обращаться ко мне на ты, все время говорил мне — вы, папа... Сегодня впервые он обратился ко мне на ты. Я верю, что наконец он простил меня. Его мать давно умерла, а он сидит вон там, за тем столиком. Он сегодня со мной.

РОМА. У тебя славный малыш. И Женю ты, наверное, так же лег-

ДРАМАТУРГИЯ

ко бросил? Старый кот, бродяга...

БУЕВ. Нет! Нет, Рома, Женя сама ушла от меня, найдя более привлекательную партию. Она оказалась женщиной, умеющей цепко держаться за эту жизнь.

РОМА. Кушай апельсин, Жора.

БУЕВ. Меня сегодня называли хитрым лисом, котом-бродягой и загульным псом. А мне кажется, что я совсем другой зверь, вернее, не зверь, а птица. Старый, одинокий ворон. Выписываю над землей круг за кругом, а на саму землю давно не гляжу, словно прижился взгляд там, в небе. Словно пытаюсь отыскать среди туч какую-то, кроме меня никому не ведомую, звезду. Лишь ветер перебирает седые перья.

РОМА. Когда уехала Женя и увезла с собой девочек, я сильно грустил, я тосковал. Однажды мне стало очень грустно, я вышел ночью на улицу, отвязал чью-то бельевую веревку, вернулся домой, привязал ее к трубе водопроводного стояка... Ну, а потом (*не может сдержать смех*)... А потом, ты не поверишь (*смеется*), старая, перепрелая труба не выдержала (*смеется*) и сломалась. Да... Когда я очнулся, я опять хотел привязать бельевую веревку в какое-либо другое место. Но вдруг, знаешь, совсем случайно я взглянул на часы. Было уже утро, и мне было пора идти на работу. С тех пор я совсем редко ночью дома, больше здесь или где-нибудь...

БУЕВ. А как же труба, Рома? Водопроводная труба, она же сломалась? Должно быть, водищи натекло?

РОМА. Да нет! Знаешь, нет! Здесь мне как раз повезло, в это время как раз отключили воду. А трубу потом сделали, поставили новую. Хочешь выпить, Жора? Я сейчас принесу коньяку.

БУЕВ. Я рад с тобой выпить, мой старый друг, но прости меня, я сегодня много пил, мне будет лишнего, ей, ей. Если ты хочешь, я закажу коньяку. Да ведь, мне помнится, ты не пил вовсе...

РОМА. Да, я не пью, я просто хотел угостить тебя.

БУЕВ. А я тебя. Мне хочется сделать тебе что-нибудь приятное, Рома... Рома! Это она...

СЦЕНА 15

Входит ДАМА.

БУЕВ. Она прекрасна, Рома! Прекрасна, как жизнь!

РОМА. Перестань, Жора, остановись, она не для тебя....

ДАМА. Ах, маэстро, я знала, что вы встретите меня с букетом прекрасных хризантем. Я люблю эти цветы, цветы прощания.

БУЕВ (*целует руку*). Почему вы назвали их цветами прощания? Нет! Это цветы нашей встречи. Но простите меня. Я говорю о нашей встрече... Я старый самонадеянный идиот, я принимаю желаемое... Но, но, боже, как я желаю говорить с вами, слышать ваш голос, целовать вашу руку... Кто вы? Как вас зовут?

ДАМА (*глядит его по щеке*). Ну, ну, маэстро... Для старого идиота — простите, я повторяю ваши слова — вы слишком восторженны, слишком вдохновенны, слишком горячи. А самонадеянность у такого мужчины, как вы, должна быть неотъемлемым атрибутом, как шпага у офицера. А я не так вдохновенна и романтична, как вы, потому последние осенние цветы так просто и называю цветами прощания. Прощания с летом, с теплом.

БУЕВ. С жизнью...

ДАМА. Вы что-то сказали? Что же мы стоим, проводите меня за ваш столик.

БУЕВ. Да, конечно, прошу вас. Рома! Рома, шампанского!

ДАМА. Маэстро, не заказывайте шампанского. На улице прохладно, и я выпила бы немного хереса.

БУЕВ. Кто вы? Скажите ваше имя.

ДАМА. Вы слишком щедры, мой друг.

БУЕВ. Вы не хотите назвать мне вашего имени? Видно, на то есть свои причины. Я пью за вас.

ДАМА. Поцелуйте меня, маэстро.

Був встает, целует. Отрываясь от нее, берет за сердце.
Садится, опускает голову на руки.

ДАМА. Ваш поцелуй... Ах, маэстро.

БУЕВ. Простите, у меня кружится голова и болит сердце. Я сегодня много выпил. У вас холодные губы, но как вы прекрасны.

ДАМА. Вы устали, мой маэстро. День встречи с вашей молодостью закончился. Идемте, нам пора. Идемте...

СЦЕНА 16

В ресторан шумно входят ЭРИК и ФЕЛЬДШЕР. Они побиты, помяты, забинтованы. Прямоком направляются к Буву, но,

ДРАМАТУРГИЯ

увидев Даму, сбавляют ход и приближаются к Буюеву осторожно, с опаской поглядывая на нее.

БУЕВ. Что с вами, друзья мои?! Что за беда? Почему у вас такой вид?

ФЕЛЬДШЕР (*почти на ухо*). Страшная авария, папаша. Страшная! Прошу вас, будьте бдительны.

ДАМА (*смеясь*). Да, вид у вас действительно престранный.

ЭРИК. Джорджи, он не говорит неправду. Мы разбились, как дребезг.

БУЕВ. Бог мой! Как же вы так неосторожно? После дальней дороги и выпивки не следовало вновь садиться за руль.

ФЕЛЬДШЕР. Мы были осторожны, папаша. Мы ехали, я не знаю куда. Нам словно застило глаза. Это Эрик предложил ей покататься на автомобиле, и она...

ДАМА. Какие они смешные, маэстро. Какие они глупые и смешные.

ЭРИК. Джорджи, он не говорит неправду. Мой «Вольво» рассыпался, как хижина их игральнх карточек.

БУЕВ. Какое несчастье! У тебя была прекрасная машина, Эрик. Но какое счастье, друзья, что вы сами не пострадали всерьез, что вы живы. Присаживайтесь, прошу вас.

ФЕЛЬДШЕР. Будьте осторожны, папаша. В то время когда мы неслись на столб, не в силах пошевелить ни ногой, ни рукой, не в силах даже зажмуриться, она исчезла. Словно и не была. Теперь она здесь, с вами. Берегитесь!

ДАМА. Маэстро, нам пора.

БУЕВ. Успокойтесь, друзья. У вас сильное потрясение. Прошу вас, садитесь за стол.

ЭРИК. Он не говорит неправду, Джорджи. Мы шли сюда пешком, у нас было время обо всем успокоиться и совсем подумать.

ДАМА. Нам пора, мой друг. Оставим их.

БУЕВ. Друзья! Мадам! Я рад, я счастлив, что мы сегодня здесь, что мы сегодня вместе! Позвольте мне, позвольте... (*Берет трубу. Выходит на эстраду к оркестру.*) Для тебя, Эдуард, сынок! Для твоей жены! Для вас, мой славный доктор! Для доблестного морского офицера Эрика Эриксона! Для вас, друзья мои, кто помнит меня и любит! Для вас, мадам...

Звучит песня «Мичман полярного флота».

1

*Мичман полярного флота
Вдоль по Мурману бредет.
Будто невидимый кто-то
Мичмана к морю ведет.
Курсом хмельного вельбота
Бродит, как тень за бедой,
Мичман полярного флота
Вслед за Полярной звездой.*

ПРИПЕВ

*Ах, мичман, пой, мичман, пой,
В тоске доверься океану.
А голос твой, голос твой
Долетит и доплывет.
Долетит, доплывет прямо по меридиану
До твоих, до родных,
До заветных полярных широт.*

2

*В криках полуденных чаек,
В вихре буранов седых
Не до бедовых хозяек,
Не до витрин золотых.
Утром сорвавшись на сушу
И до ночных петухов
Лечит он битую душу
В доках ночных кабаков.*

ПРИПЕВ

3

*У океана зевота,
Но не задремлет маяк.
Слышится мичману что-то,
Кажется мичману, как
Там, где гнездятся казарки,
Плачет без ласки один
У заполярной русалки
Дальний, неведомый сын.*

ПРИПЕВ

Овация. Крики: «Браво, Жора!.. За тебя, Жора!..»

БУЕВ. Где она? Друзья мои, она ушла! Она оставила меня...

Выбегает из ресторана с трубой.

СЦЕНА 17

Дама стоит одна.

БУЕВ. Как я испугался, что вы ушли. Вы действительно хотели покинуть меня?

ДАМА. Да. Здесь вас любят, им было бы нелегко расстаться с вами. Но вы меня догнали, стало быть, судьба. *(Смеется.)* Ну, ну, маэстро, мне просто стало душно. Вы не так безынтересны, чтобы я могла уйти, не попрощавшись. Возьмите мою руку, поцелуйте ее. *(Гладит по щеке.)*

БУЕВ. Как холодны ваши руки, но как они прекрасны! *(Приоткрывает вуаль.)* Так же, как прекрасны и холодны ваши глаза. Я знаю, кто вы. Я узнал вас, мадам. И это действительно вы.

ДАМА. Это я, мой маэстро.

БУЕВ. Никогда не думал, что вы так восхитительны. И вы пришли за мной...

ДАМА. Я пришла за вами. Мы уйдем отсюда, мой маэстро, мы уйдем вместе, мы уйдем далеко. Мы оставим свету этих фонарей вашу усталую тень вместе с суетными заботами, надоедливими радостями и мелочными огорчениями. Ничего этого там, куда отправляемся мы, не потребуется. Именно там протрубите вы свою самую лучшую мелодию.

БУЕВ. Через бездну, словно через бурный поток с певучим названием. Со звезды на звезду, словно с камня на камень, лишь бы не поскользнуться и не сорваться. Иначе — не видать конца падению... Мне кажется знакомым этот путь, такое чувство, что я уже когда-то проходил по нему. Надеюсь, с такой спутницей он покажется мне более заманчивым. И все же мне немного жаль уходить навсегда от этих милых сердцу огней, покидать этот островок тепла и веселья. Нет, нет... Я собрался, я уже готов. Не будем откладывать до следующего раза. Я уже привязался к вам, может быть, отчасти полюбил. Я готов к походу, возьмите меня за руку.

СЦЕНА 18

На сцену выбегает НИНА.

НИНА. Жора, погоди! (*Бросается к нему.*) Куда ты с ней уходишь?

БУЕВ (*обнимает ее*). Что с тобой, детка?

НИНА. Там Саня...

БУЕВ. Где Санька? Что с ним?

НИНА. Он устроил драку. Там был Петр с тремя ребятами, и они подрались. Санька их побил, и его забрали в милицию.

БУЕВ (*похохатывая*). Ай да Санька, троих!

НИНА. Побил, дурак несчастный, и теперь сидит в отделении. Его нужно выручать.

БУЕВ. Да, но как же? Мадам, с моим внуком случилась неприятность. Простите, но я должен, я не могу оставить его в беде. Вы уходите? Как же так?!

НИНА. Жора!

БУЕВ. Я не могу оставить внука.

ДАМА. А я не могу ждать, маэстро. Вы идете или остаетесь? Ваш выбор.

БУЕВ. Да, я иду.

НИНА. Жора!

БУЕВ. Нет! Боже мой, не разрывайте мне сердце! Санька!..

Выбегает внук.

САНЯ. Нинка! Ты здесь! Я так и подумал, что ты пойдешь сюда, к деду. Дед, я убежал от них.

БУЕВ. От кого ты убежал? Выскажись яснее, Санька.

САНЯ. Я убежал от милиции. Двоих раскидал и рванул. Они побежали за мной, но я их запутал и оторвался.

НИНА. Они же тебя все равно найдут. Тебе нужно где-то спрятаться. Нет, тебе нужно уезжать отсюда, прямо сейчас.

САНЯ. Ты поедешь со мной. Дед, она поедет с нами.

БУЕВ. Да, да, доберетесь до станции и сядете в поезд. Возьмите машину до Крутоярска, вот деньги, и вот, вот еще... Вам хватит на дорогу и на первое время вашей жизни в Питере.

НИНА. Жора, ты хочешь остаться здесь?

САНЯ. Кончай чудить, дед. Прощайся со своей подругой, и двигайся отсюда. У нас совсем мало времени.

ДРАМАТУРГИЯ

БУЕВ. Как грубо, Санька. Я остаюсь, я должен остаться. Посмотри на нее, видел ли ты прежде такую красоту? От таких женщин, старичок, не уходят, с ними остаются навсегда.

САНЯ. Дед, перестань, сейчас не время.

ДАМА. Маэстро, нам пора.

БУЕВ. Да, мадам, мы уже уходим. Я все сказал.

САНЯ. Дед!

БУЕВ. Поезжайте, ребята! Дайте мне руку, мадам.

САНЯ. Дед!

НИНА. Да ладно тебе, Санька. Он останется с ней. Это же — Жора Джаз, бабник несчастный...

БУЕВ. Дайте же мне руку, мадам!

Милицейские свистки.

САНЯ. Дед! Пока, созвонимся.

БУЕВ. Прощай, Санька!

НИНА. Жора...

БУЕВ. Нина, детка, береги его!

Свистки. Внук и Нина убегают. Жора оборачивается.

БУЕВ. Где же вы, мадам? (*Грубо.*) Где же ты?! (*Хохочет.*) Она все же обвела меня вокруг пальца... Она обманула меня!

Соло трубы. Бувев, хватаясь за сердце, оседает на землю. Исчезают огни ресторана. Ветер хлопает ставнями пустых окон, обнажая безжизненное пространство покинутого города.

СЦЕНА 19

Темная сцена. Телефонный звонок. Голоса.

ЭДУАРД. Алло. Я слушаю.

САНЯ. Папа? Привет, это я.

ЭДУАРД. Санька? Здравствуй. Почему такой поздний звонок, что-нибудь случилось?

САНЯ. Случилось, отец. Я женился.

ЭДУАРД. Женился? Да, да, я понимаю, ты женился. А кто она?

САНЯ. Она прекрасная девушка, отец.

ЭДУАРД. Я понимаю, но я не о том...

САНЯ. Какая разница? А впрочем, она певица. Покуда поет в рес-

торане, но это сейчас, а вообще она безумно талантлива, у нее большое будущее.

ЭДУАРД. Да, да, конечно, певица из ресторана... Это хорошо.

САНЯ. Ты какой-то странный, отец. Я думал, ты будешь ошарашен, по крайней мере удивлен. А ты говоришь — хорошо. У вас что-нибудь произошло? Что-нибудь случилось?

ЭДУАРД. Да, произошло, случилось...

САНЯ. Я видел какой-то странный сон. Что-нибудь с дедом?

ЭДУАРД. Да, с дедом.

САНЯ. Он болен?

ЭДУАРД. У него был сердечный приступ.

САНЯ. Странный сон.

ЭДУАРД. Он умер. Приехала «скорая», но врачи ничего не смогли сделать.

САНЯ. Жаль старика... Отец, ты слышишь меня? Завтра утром я выезжаю. Не отчаивайся, не печалься... Дед прожил неплохую жизнь и был уже не молод. В какой-то мере ему можно позавидовать.

Соло трубы постепенно переходит в заводную джазовую композицию. Дается свет. На сцене с трубой Жора Джаз. По одному выходят действующие лица, аплодируя Жоре и его трубе...

ЗАНАВЕС

Об Игоре Лавленцеве

В августе этого года поэту и прозаику Игорю Лавленцеву исполнилось бы сорок три года, но в прошлом году его не стало.

Игорь родился и жил в городе Тамбове, в доме, стоящем на берегу Цны-голубки. После окончания девяти классов поступил в железнодорожный техникум. Окончен первый курс. Он с другом едет на мотоцикле к матери, работавшей в пионерском лагере в живописном лесном уголке. Шестнадцать мальчишеских лет — кто из мальчишек в эту пору не любит лихачить, да ещё на неконтролируемом участке дороги? Вот ребята и добавили газку, но на крутом повороте мотоцикл врезался в дерево... Результат оказался плачевным — инвалидность на всю оставшуюся жизнь.

Что думал Игорь в тот момент? Его уже не спросишь, к сожалению. Пока человек живой, мы думаем, что он вечен и мы успеем обо всём спросить. Но я уверена, что первой мыслью было: «Зачем жить, когда не можешь ходить, когда всё кончено?» Травма выбила его из привычного образа жизни, опустив на самый низ бездонного тёмного колодца.

Но, как правило, что-то отнимая, Господь даёт утешение в другом. Только надо не пропустить, заметить это. Вместе с полученным стрессом к Игорю приходит поэтическое вдохновение. Оно было неожиданным, но радостным, и стихотворные строки как серебряные нити начинали связывать его с внешним миром.

Галина Иосифовна, его мама, была для него не только сиделкой, но и верным помощником, другом. Она неустанно рассылала его стихи по редакциям Тамбова, Воронежа, Москвы. Стихи Игоря заинтересовали известного московского критика Вадима Кожинова. Между ними завязалась переписка, перешедшая в тёплую дружбу до самой кончины Кожинова.

Первые стихи Игоря были опубликованы в 1983 году в молодёжной газете «Комсомольское знамя», затем стихи, повести и рассказы появляются в журналах «Москва», «Юность», «Сельская молодёжь», «Кредо», «Подъём», альманахе «Поэзия».

Выходят сборники стихов «Чёрный турман» (Тамбов, 1992), «Элегия скола» (Москва, 1997). В 2002 году выходит сборник «Смирненная декада», в издании которого принимало участие общество Святого Духа из германского города Ветцлара.

В 1999 году Игорь становится лауреатом конкурса «Золотое перо» Союза журналистов в номинации «Преодоление» за лучшее произведение о жизни инвалидов. Часть полученной премии он пожертвовал молодёжному инвалидному обществу «Аппарель», руководимому Людмилой Павловной Макаровой. С того дня завязалась их дружба.

Своими стихами он открывал молодёжи путь в Поэзию. Перед ним были ребята, которые до «Аппарели» не имели возможности общаться друг с другом. И вдруг — Стихи!!! Слушая игру Игоря на гитаре, они вместе с ним придумывали свои тексты песен. Будучи сам глубоко верующим человеком, он повернул взгляды молодёжи в сторону веры.

Придумывались новые проекты: служба знакомств, связь с «Обществом Гёте» через университет. В 2001 году на базе реабилитационного центра в Большой Липовице был проведён областной слёт талантливой молодёжи.

Благодаря его целеустремлённости была создана пресс-служба «Аппарели», налажена тесная связь со студентами факультета журналистики университета им. Г. Р. Державина. Игорь много писал о проблемах молодых инвалидов. В 2001 году на конкурсе Союза журналистов России в номинации «Интеграция молодых инвалидов в общество» за лучшее освещение темы он получил диплом Союза журналистов «Золотое яблоко».

В этом же году Игорь был принят в члены Союза писателей России.

Но, к сожалению, в 2005 году 7 октября жизнь Игоря оборвалась.

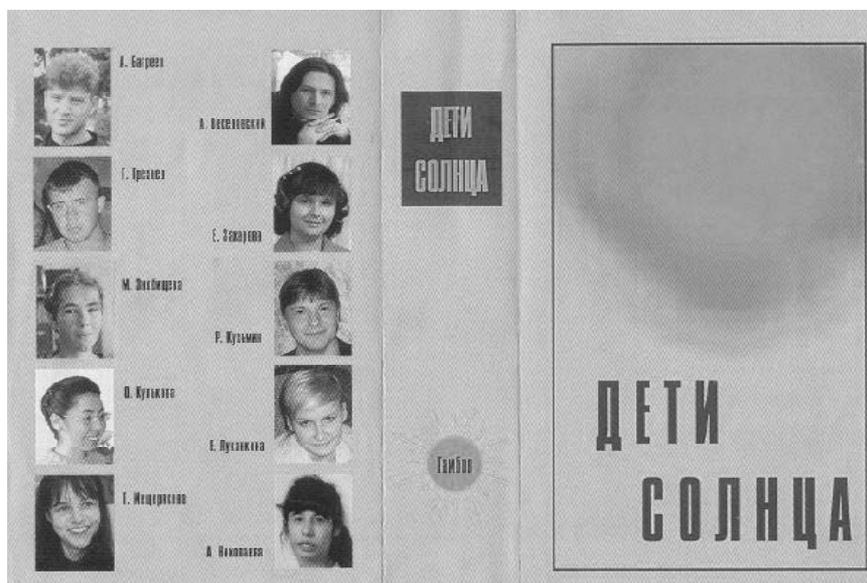
В 2006 году московским издателем Алексеем Ивантером выпущена книга Игоря «Смиренная декада».

Игорем готовилась к изданию рукопись сборника духовных стихов тамбовских поэтов. Товарищи по писательской организации завершили работу над ней, и скоро эта книга выйдет в свет.

А в этом номере «Тамбовского альманаха» Игорь раскрывается и как талантливый драматург.

Его душа живёт в его произведениях.

Зинаида КОРОЛЁВА.

ДЕТИ СОЛНЦА

В издательстве тамбовского отделения Литфонда России вышел уникальный поэтический сборник под названием «Дети Солнца». В него вошли стихи десяти юных тамбовских поэтов, которые в своё время прошли конкурсный отбор и стали участниками слётов «Дети Солнца» в Москве.

Первый такой слёт прошёл в сентябре 2004 года. Организовала его Московская писательская организация (Союз писателей России), но тут же выяснилось, что по количеству желающих принять в нём участие и по географии адресов, откуда начали поступать в конкурсную комиссию творения юных поэтов и прозаиков, слёт приобретает статус Всероссийского, хотя формально приглашались на него таланты столицы и Подмосквья.

Отбор был строжайшим, и потому особенно приятно, что сразу трое тамбовских поэтов попали на 1-й исторический слёт — Елена Луканкина, Геннадий Грезнев и Роман Кузьмин..

Во 2-м слёте «Дети Солнца», к сожалению, юные тамбовчане не участвовали. Зато на 3-й прошли конкурсный отбор аж семеро (!) наших молодых поэтов — Алексей Багреев, Антон Веселовский, Елена Захарова, Мария Знобищева, Ольга Кулькова, Татьяна Мещерякова и Александра Николаева.

Итак, на сегодняшний день у нас в Тамбове имеется уже целая плеяда «солнечных детей», которые, можно сказать, произвели фурор в столице, получили рекомендации для вступления в Союз писателей, их стихи и проза появились в центральных газетах и журналах. И тут стоит сказать, что все наши участники слётов — люди в литературе уже не случайные, все они воспитанники тамбовских литобъединений «Радуга», «Тропинка», «Откровение»; почти у всех наших «детей Солнца» имеются изданные книжки, а у некоторых даже несколько.

Московские слёты очень много дали нашим юным дарованиям. Они намного увереннее и, если можно так выразиться, профессиональнее чувствуют себя в литературе, всё активнее участвуют в литературном процессе, литературной жизни Тамбовщины. Елена Луканкина, Алексей Багреев и Мария Знобищева приняты в Союз писателей России и стали полноправными членами Тамбовской писательской организации, получают творческие писательские стипендии (гранты). Антону Веселовскому вручили членский билет в Московской писательской организации (он прописан в столице). Думаю, в ближайшее время ряды писательского союза пополнят Геннадий Грезнев, Елена Захарова и другие «солнечные дети».

Проект издания стихов тамбовских «детей Солнца» под одной обложкой победил в конкурсе и получил грант управления культуры и архивного дела Тамбовской области. Денег хватило, чтобы издать солидный том в твёрдом переплёте тиражом в 1000 экземпляров. Большая часть тиража поступила в библиотеки области. Так что тамбовские любители поэзии при желании смогут убедиться, что литературное пополнение у нас достойное.

А здесь мы представляем всех юных авторов сборника «Дети Солнца» — каждого одним стихотворением, в котором, как в капле воды, отражается их творчество.

Алексей БАГРЕЕВ

* * *

*Я иногда сквозь смутную тревогу
Вдруг вижу странной жизни поворот.
Как будто, обернувшись у порога,
Смотрю на просветлевший небосвод.*

*Наверное, тогда случится чудо,
Покинет боль истерзанную грудь.
И я пойму, зачем я и откуда,
И ясно в темноте увижу путь.*

*И те, кто рядом, всё поймут и вспомнят.
И всё простят. И я им всё прощу.
И душу что-то светлое заполнит,
И маску злую тихо опушу.*

*Мне свет глаза не станет резать болью,
И в сердце словно оттепель зимой –
Пройдёт тоска и холод сам собою,
И лишь тепло останется со мной.*

*И я расправлю сломанные крылья
Над обожжённой холодом землёй.
И полный неземного изобилья
В родных сердцах забьётся голос мой.*

АНТОН ВЕСЕЛОВСКИЙ

Нараспашку

*Не идут поэтам пиджаки,
Брюки и крахмальные рубашки
Мысли их стесняют и шаги,
И живём с душою нараспашку
Мы, поэты, моде вопреки.
Не идут поэтам пиджаки.*

*Не идут мундиры нам и латы,
Видно, мы устроены иначе –
В пушкинско-тропининском халате,
В боевой мишелевской кумачке
Чаще нам сопутствует удача.*

*Кто в потёртых джинсах, кто в ветровке,
В свитере, растянутом от стирок,
И, конечно, старые кроссовки –
Обязательное добавленье в стиле.*

*Мы, поэты, – вольные натуры,
Нам не страшен неказистый вид,
Облачась в шедевр мануфактурный,
Скучный лысый мэтр литературный
С завистью вослед нам поглядит.*

Геннадий ГРЕЗНЕВ

* * *

*Потерявшие грани просторы
Затуманены в утренний дым.
Облетает владения ворон
По-над полем, безмолвно седым,*

*Над зеркально дрожащей рекою,
Берегами хранящей челны.
Чистокровною русской тоскою
До краёв эти реки полны.*

*И взлетевши над шпильями сосен,
Миновав непробужденный лес,
Ворон канул в туманную проседь,
Растворившись на фоне небес.*

*Превращаются росы в туманы,
И за дымные стены вдали,
Как бинтом, укрываются раны
Многоскорбной Великой Земли.*

*Человек – появляется быстро...
Точно с голоду, ветер заныл...
И внезапно раздавшийся выстрел
Рушит в прах зыбкий храм тишины...*

**Елена
ЗАХАРОВА**

* * *

*У ночи очи зелены,
У ночи тёплые ладони.
И снова тонут в лунном звоне
Слова, и улицы, и сны.*

*Спокойно шелестят страницы
Волшебной рукописи слов.
И в ночь распахнуто окно.
А что сегодня небу снится?*

*Бегут по улицам трамваи.
Москва задумалась. О чём?
От слёз светло и горячо.
И книга, как душа, живая.*

*Желты цветы на мостовой.
Во всём гармония печали.
И ночь с зелёными очами,
Как сном, любитесь Москвой.*

*Окошко для мечты открыто,
И потому не быть беде!
Я знаю: Мастер в этот день
Обрёл спасенье – Маргариту.*

Мария ЗНОБИЩЕВА

* * *

*Красота неоспорима.
Зри и не борись.
Ту звезду зовут Марина,
Этот бор – Борис.*

*У сосны, струны и птицы
Имена – как взлёт.
Птица на руку садится,
Ягоду берёт.*

*В синем сумраке олени,
Белый караван.
Это озеро – Елена,
Облако – Иван.*

*Храм – Владимир, утро – Анна,
Благовест – Илья,
Память первого кургана,
Первого ручья.*

*Не сгореть, сорвавшись с кручи
На земное дно.
Но над тысячей созвучий
Высится одно,*

*Ощутимое всей кожей,
Нежной дрожью всей:
Серебристое «Серёжа» –
В клике журавлей.*

Роман КУЗЬМИН

Истерия

*Депрессия загнана вглубь.
Рабочий накал по рукам.
Разрозненных слов нервный блуд
Набатом стучит по вискам.
Так много несказанных фраз,
Проеденных плешью седин.
В природе весенняя грязь.
На сердце же слякотный сплин.
В желанье нести красоту
Работает сердце в надрыв,
Но видно, что все в пустоту,
Сильней распухает нарыв.
Разрезанный скальпелем лжи,
Он гноем неверья в глаза
Разбрызгал стихов этажи.
По веку скатилась слеза.
Как первая ласточка сна,
Дискретного времени миг,
Решил дотянуться до дна,
Но, видно, не смог и затих.
Разорванной нитью резьбы
Растоптан чуть тлеющий свет.
Устав от напрасной борьбы,
Уснул истерично поэт.*

Ольга КУЛЬКОВА

История золотой розы

*Сказали: он талант свой растерял,
Божественный подарок не сберёг,
Мол, женщин предпочёл он и бокал
Стихам – и сняли лавровый венок.*

*Судившие не знали скрытых мук,
Не разделяли тягот и побед,
Не откликались так на каждый звук
И льющийся не замечали свет,*

*Пока он не погас навек; увы!
Поэта не стремлюсь я оправдать,
Но тот, кто верит домыслам молвы,
И сам не избежит ее суда.*

*Мы ведаем, придя ему вослед:
Не гаснут искры творческой души,
Крупницы вдохновения поэт
Оставил тем, кто дело завершит.*

*Мы блёстки золотые вечных слов,
Разбросанных по свету им самим,
Сольём в цветок мечты его и снов –
И золотую розу создадим!*

**Елена
ЛУКАНКИНА**

* * *

*Родные прощаются люди,
отрезаны к счастью пути.
... Он боль свою в гневе остудит,
отпустит тебя. Уходи!*

*Уйдёшь! Ты уже уходила,
но тянет опять на порог
какая-то страшная сила,
что в муках находит свой прок.*

*Стрелой ранит каждое слово,
терпения кончился бинт.
Тебя потеряет он снова
и будет сильнее любить!*

*Сестрой хочешь быть ему? Глупо!
Он каждую ночь видит сон:
твои пересохишие губы
и страсти раскрытый бутон.*

*Но всё это было когда-то,
а если и будет – тупик.
Страшней не бывает заката...
Губу прикуси и терпи!*

Татьяна МЕЩЕРЯКОВА

Тебе

*Солнцу, которое в небе,
Ветру, который рядом,
Городу, где меня не было,
И твоему взгляду.
Улицам, старым и путаным,
Грусти по непонятному,
Свету и тени утра,
Подушке, тобой помятой,
Чувствам, ставшим другими,
Тайнам, которых не знаю,
И твоему имени
Я улыбаюсь...
Песне, вплетённой в волосы,
Нотам, рождающим музыку,
Просто любимому голосу
И вдохновению Музы,
Птицам, живущим на воле,
Небу и всей бесконечности,
Радости или боли
И распутившейся нежности,
Лету, вёснам и зимам,
Тому, чего не миную,
Тебе, самый любимый, –
Мои поцелуи...*

**Александра
НИКОЛАЕВА**

* * *

*Когда стою у Вечного огня,
Смотрю на ясное, святое пламя,
То часто повесть вспоминаю я,
Поведанную бабушкою маме.*

*Был сорок первый. Страшная жара
Царила грозным опалённым летом.
Бомбежки, голод изнуляли край
И тяжкий труд с рассвета до рассвета.*

*Июльским утром в городском саду
Играл оркестр «Прощание славянки»,
Ленивый ветерок над парком дул,
Ковёр цветов лаская, пёстрых, ярких...*

*Казалось всем, война – ужасный сон
И далеки её шальные грозы,
Но тот покой разрушил батальон
Бойцов голубоглазых, светло-косых.*

*И шли они безмолвным ровным строем.
Кто им такую силу духа дал?
Тем хрупким девушкам, уже героям,
Чей путь на фронт, вернее, в никуда...*

К. КИЛАМОВ

ВЫБОР

Рассказ

Закрываясь ладонью от необычайно яркого для осени солнца, Сэм кое-как вырулил на стоянку Центра Анализа и Планирования. Огромное здание ЦАП закрыло его своей тенью, укутало прохладным плащом. На стоянке не было ни одной машины.

Осень выдалась жаркой и душной. Единственное, что спасало от жары, — озеро. «Хорошо, что ЦАП стоит на берегу озера, а не где-нибудь в полях», — подумал Сэм. Он взял с соседнего сиденья дипломат, и тут же что-то легонько толкнуло его в затылок. Сэм обернулся и у него перехватило дыхание. За окном стоял человек в форме охранника ЦАП и целился в Сэма из автоматической винтовки.

* * *

Неладное Сэм заподозрил ещё вчера, когда Стив Берговиц, сам Седой Стив — начальник Отдела Прогнозов, профессор, академик многочисленных академий, последние два года бравший ручку только для того, чтобы поставить свою подпись под очередным документом, сам сел писать отчёт.

К. Киламов — псевдоним Владимира Максимушкина. Он родился в 1979 году в Саратовской области. С недавних пор живёт в Тамбове.

В творчестве предпочитает фантастику. Любимый писатель — Виктор Пелевин. Опубликовал два рассказа в газетах города Балашова. Данная публикация — первый серьёзный творческий экзамен в биографии молодого автора.

Но ещё раньше, тем же днём, Сэм получил крайне странные результаты обычных повседневных расчётов. Он переделывал всю работу три раза, но получалось одно и то же: почти ровная линия вначале, а потом огромный всплеск, переходящий в хаотичные биения. Только увидев этот график, Седой Стив насмешливо улыбнулся и сказал:

— Мой мальчик (он всегда называл молодых сотрудников «мой мальчик», когда они приносили то, что казалось ему бредом), сколько раз ты проверял эти расчёты?

— Три раза, как вы и учили, — ответил Сэм.

Седой Стив почесал затылок и неожиданно посерьёзnel.

— Знаешь, что, Сэмюэль, — сказал он, — принеси-ка мне исходные данные.

* * *

Вчера Сэм не придавал этому значения. Теперь же, глядя на охранника в бронезилете, наставившего на него винтовку, именно это событие всплыло у него в голове.

— Документы, — потребовал охранник.

Стараясь унять дрожь в руках, Сэм суетливо зашарил по карманам, выудил пластиковую карточку и протянул охраннику. Тот, не глядя, провёл карточкой по сканеру и равнодушно посмотрел на зелёную лампочку.

— Вам надо заехать в подземный гараж, — сказал он.

— Зачем? — робко спросил Сэм, с замиранием сердца представляя, что бы произошло, загорись на сканере красная лампочка.

— Вам надо заехать в подземный гараж, — повторил охранник. — Приказ руководства.

* * *

Всю последнюю неделю в новостях только и говорили о том, что исламский мир необычайно активизировался. Сэм смотрел на эти новости отвлечённо и равнодушно.

— Ну зачем наши к ним лезут? — спрашивал он Джес (хорошенькую девушку, вот уже три с половиной месяца — жену), сидевшую рядом. — Пусть себе живут так, как им хочется.

— А мне страшно, — отвечала Джес. — Если что-то случится, Сэм, ты будешь рядом?

— Конечно, пупсик, — говорил Сэм и целовал её в макушку, как маленького ребенка. — Я обязательно буду рядом.

* * *

Поднимаясь к себе в отдел, Сэм отметил, что происходящее вокруг похоже на регулярные учения, только крайне реалистичные и серьёзные. На каждом этаже вооружённые люди, все двери, имеющие кодовые замки, закрыты, у каждого сотрудника на компьютере электронное сообщение от сетевого администратора с требованием сменить пароль. Всё это настораживало и волновало. Остальные сотрудники шныряли по коридорам озабоченные и раздражённые.

Как только Сэм сел на своё место, началось: звонки, требования отчётов, копий экспериментов и прочей бумажной ерунды. К тому же, что бесило больше всего, мобильник отчего-то не желал находить сеть.

В два часа после полудня объявили общий сбор.

Как Сэм не любил эти общие сборы. На них выступало начальство, которое он терпеть не мог. Толстый, краснолицый, постоянно потный глава ЦАП профессор Sommerfeld мог гундосить с трибуны часами. Начальница отдела Анализа Маргарет Митчелл — сухая, длинная тётка в узких роговых очках — на каждом выступлении утверждала, что только её отдел Анализа никогда не ошибается. Ну и, конечно же, Седой Стив (куда без него!) — отбрасывая свой седой длинный чуб на макушку, препирался с Маргарет, утверждая, что весь её отдел всего лишь «желудок, поставляющий пищу мозгу».

— Впервые в жизни я хочу ошибиться, — заканчивал свой неожиданно короткий доклад профессор Sommerfeld. — Но надежды на это мало. Мы со Стивом и Маргарет просидели тут всю ночь, и с уверенностью в 97,34 процента можем утверждать, что Событие произойдет примерно через два часа. Высшее руководство страны уже оповещено.

В зале стало тихо и гнетуще душно. Неожиданно остро Сэм почувствовал, что от соседа слева невыносимо воняет потом.

— И что мы будем делать? — спросил кто-то из зала.

— Это нам сейчас расскажет начальник охраны полковник Дженкинс, — ответил Sommerfeld и тяжело опустился на стул.

Полковник говорил долго и с жаром. Было ясно, что он себя чувствует как нельзя лучше. Он был, наверное, единственным человеком в зале, радовавшимся всему тому, что происходит.

— И последнее, — отчеканил Дженкинс. — С настоящего момента всем сотрудникам ЦАП запрещается (для вашей же собственной безопасности!) выходить из здания и пользоваться какими-либо средствами связи. Мобильные телефоны, если кто заметил, уже глушатся, Интернет от здания отключён, — на этих словах в углу, где толпились сетевые администраторы, раздался сдавленный смех. — Отключён физически, господа, — пояснил Дженкинс, и смех тут же смолк, — точно так же отсоединён и телефонный кабель. Вопросы?

— А как же наши семьи? Родные? — спросил кто-то из зала. — Если прогноз верен, то они погибнут. Мы, значит, тут отсидимся, а они там погибнут?! И мы даже не сможем их предупредить?

— Этим занимается руководство страны и лично президент, — ответил Дженкинс. — Будем надеяться, что они достойно организуют эвакуацию.

— Я не хочу сидеть тут, когда моя семья в опасности! — заорал тот же голос, и его тут же подхватили другие. — Выпустите меня! Пусть я лучше погибну там, но я буду со своей семьей!

— Хорошо! — рявкнул Дженкинс, перекрывая ор всего зала. — Я дам возможность уйти всем желающим, но учтите: кто уйдёт сейчас, больше сюда не вернётся! На размышление двадцать минут!

К выходу потянулась вереница людей.

* * *

Месяц назад Джес сказала, что беременна. Сэм был рад, как мальчишка. Весь вечер они гуляли в парке, смотрели на небо, вдыхали свежий влажный воздух с озера и мечтали о том, как будут растить ребёнка. Сэм сразу рассчитал, что ему надо ещё год работы, и можно будет взять кредит и купить нормальный дом. Хоть эта работа ему уже наскучила, но бросать её было никак нельзя — за такие деньги можно и потерпеть.

* * *

Сэм оцепенело сидел и тупо пялился в спинку впереди стоящего кресла. Ему было страшно. Впервые он находился в положении, когда от его решения зависит вся дальнейшая жизнь. Причем ужасы, которые обещал Соммерфельд, казались ему призрачными, нереальными. Война? Глобальный теракт? Разрушение городов, радиация, бо-

лезни — всё это он видел с детства в кино и так к этому привык, что слова Sommerfeld пролетели мимо его сознания, как пересказ вчерашнего фильма. Страшило то, что он мог потерять работу. Страшила неизвестность, в которую он окунётся, стоит ему сейчас выйти за пределы здания.

«Всё будет хорошо, — успокаивал себя Сэм, — всё будет нормально. Это я скорее всего ошибся с расчетами. Но ведь Седой Стив сам потом всё пересчитывал. Не мог же он ошибиться точно так же, как я... А может, это в аналитическом что-то напутали? Нет. Sommerfeld говорил, что и Маргарет была там. Уж эта старая вобла никогда не ошибается. Значит что? Значит, Событие произойдёт? И Джес погибнет? Нет. Там будет программа эвакуации, её спасут, увезут в какое-нибудь городское убежище, а потом, когда всё это закончится, мы снова встретимся. Всё будет хорошо. Надо остаться...»

Сидя на бетонном полу среди сотен своих коллег, Сэм слушал раскаты грома. Вернее, он всеми силами представлял себе, что это гром. Сэм зажимал уши руками, чтобы не слышать взрывов, но становилось только хуже: в давящей тишине заткнутых ушей он отчетливо слышал голос Джес.

— Ты же обещал быть со мной рядом, если что-то случится, — повторял голос снова и снова.

* * *

Всё закончилось только под утро.

Несмотря на бессонную ночь, Сэм совсем не хотел спать. Он подошёл к первому попавшемуся охраннику и спросил, когда можно будет выйти.

— Не знаю, — ответил тот. — На этот счёт приказов не поступало.

Тогда Сэм отправился искать полковника Дженкинса. К нему долго не пускали, но Сэму всё же удалось пробиться. Кроме Дженкинса, там находилось всё остальное руководство.

— Когда можно будет выйти? — напрямую спросил Сэм.

— Ох, не знаю... — вздохнул в ответ Sommerfeld.

— Как это не знаете? — растерялся Сэм. — Ведь там всё закончилось.

— Послушай, Сэмюэль, — встрял Седой Стив, — ты что как маленький? Ты что, не понимаешь, что там гремело ядерное оружие?! Мир уничтожен, твою мать! Мы, возможно, одни из немногих выживших!

- Но там же была программа эвакуации...
— Да кто же сможет эвакуировать всю страну?..

* * *

Время шло. На поверхность начали отправлять экспедиции. Узнав об этом, Сэм сразу записался добровольцем. Он всё ещё верил в программу эвакуации.

В одну из экспедиций Сэм вдруг смутно узнал окрестности. Одетый в неудобный защитный костюм, он топал с товарищами меж развалин, каждая из которых рождала в душе Сэма теплые воспоминания. Он понял, что это та самая улица, где он жил до События, и сердце защемило. Они шли по разрушенной дороге, и с каждым шагом Сэму становилось всё тревожнее — они приближались к его дому.

— Семьдесят седьмой, — считал про себя Сэм, — семьдесят девятый, восемьдесят первый...

На месте дома номер восемьдесят девять зияла огромная воронка. Ничего не осталось от ненавистой когда-то развалюхи с текущим потолком и скрипящими полами.

— Видать, ракета прямо в дом попала, — сказал напарник. — Повезло жителям — не мучились.

Сэм закрыл глаза и представил, как Джес сидит на диване, подогнув ноги под себя, и смотрит телевизор. Вдруг раздаётся приближающийся свист. Она удивлённо отрывается от экрана и наклоняется, чтобы заглянуть в окно. В следующую секунду всё поглощает огненный шар.

— Эй!

Незнакомый голос выдернул его из жуткого видения. Сэм повернулся на голос и увидел бегущего к ним человека.

— Мы укрылись у старого полковника, — рассказывал человек. — Все над ним смеялись, когда он начал рыть у себя во дворе бункер, а теперь вот каждый день благодарим его.

Оказалось, что спаслась почти вся улица.

— А Джессика из восемьдесят девятого? — с надеждой спросил Сэм.

— Джессика? — переспросил человек. — Ах, Джессика... Её с нами нет. Я звал её, но она сказала, что ждёт своего мужа, что он обещал за ней прийти. Я пошёл собирать остальных, а когда вернулся, от дома уже ничего не осталось.

ЮНОСТЬ

Сэма словно оглушило. Вся улица спаслась, а Джес ждала его. Выйди он из здания, когда это предлагал Дженкинс, они бы вдвоём были живы... Он испугался потерять работу, но вместо этого потерял Джес. Он сделал неправильный выбор. Всё в этой жизни вторично, понял Сэм, единственное, что всегда должно быть на первом месте, — это твой любимый человек. Надо всегда быть рядом с ним, а всё остальное приложится.

— Хотя, никаких останков мы не нашли, — закончил человек.

— Нам пора возвращаться, — сказал напарник Сэму.

— Знаешь что, — ответил Сэм, — я сейчас сделаю то, что должен был сделать в те двадцать минут.

Напарник вопросительно посмотрел на него.

— Я уйду и больше не вернусь.

Татьяна СОФИНСКАЯ

Хандра

*Я, как муха за стеклом,
Спит она усталым сном,
Чёрной точкой ждёт, когда
Станут мягче холода.
Суета не для неё,
Так уходит день за днём,
Без надежды и без мечты,
В мягких лапах пустоты.
Так и я: и сплю, и ем,
Кто-то скажет: «Нет проблем»,
Примостилась тихо лень
Тёплым пледом у колен!
Может, так, а может, нет,
Знаю лишь один ответ:
В лабиринте холодов
Сердце мне спасёт любовь.*

Татьяна Софинская родилась в Тамбове, окончила среднюю школу № 28. Сейчас учится в университете им. Г. Р. Державина на филологическом факультете.

Стихи пишет с детства, уже несколько лет посещает литературную студию «Тропинка» под руководством В. Т. Дорожкиной. Недавно в издательстве Тамбовского отделения Литфонда России вышел первый сборник стихов Тани «Размышления под луной». А сегодня она дебютирует и в «Тамбовском альманахе».

Краски

*Красный – радость,
Синий – сила,
Каждый – разный
И красивый.
Чёрный – чёткий,
Жёлтый жжётся,
Будто соткан
Цвет из солнца.
Робок серый,
Как мышонок,
А весенний
Цвет – зелёный.
В мире краски
Много значат,
Ведь чем ярче,
Тем прекрасней!*

Ты

*Лучше, чем ты, – нет,
В окнах души – свет.
Лучше, чем ты, – был...
Сказка то? Нет, была.
Просто прошёл час –
Я не твоя часть,
Просто прошёл год,
Видишь, жива вот.
Лучше, чем ты, – я,
Сердце болит зря...
Столько отдать сил,
Чтоб ты со мной был!*

**Времена года –
времена жизни**

*Смеётся детство звонко,
Открыто глядя в лица,
И паутиной тонкой
На солнце золотится.
Ледком несмелым, робким,
Весенними ручьями
Смеётся детство громко,
Не ведая печали...
Так искренне волнуясь,
Прищурившись беспечно,
Смеётся наша юность,
Не думая о вечном.
Разрушив цепь молчанья,
Взлетит, как резвый ветер,
Смех юности хрустальный,
Зеленоглазо-летний...
Смеётся зрелость метко,
Уверенно и гладко,
И на лице заметны
Морщинки – отпечатки.
Как листопад шуриющий,
Смех золотистый, зрелый.
Он мёда даже слаще,
Довольный, сытный, спелый...
Смех старости далёкий,
С оттенком светлой грусти.
Он мудрый и глубокий,
С морозным снежным хрустом.
Не нужно обещаний,
А лишь уюта малость,
Немного пониманья,
И... улыбнётся старость!*

Бежевый

*В тот год был в моде бежевый.
Цветущая и нежная,
Давала обещания,
Не верила в прощание...
Сегодня в моде белое,
Но робкая, несмелая,
Под белыми одеждами
Скрывает сердце в бежевом.*

Невдохновение

*Невдохновение, ненастроение...
Не огорчаться не получается.
Полосы чёрные ни на мгновение
В белые линии не превращаются.
Неосторожные, ломкие, нежные
Мысли качаются в снежных объятьях,
То, что сорвутся они, – неизбежное,
Невыносимое и неприятное.
Строки толпятся в блокноте исписанном,
Рвутся, чумазые и неопрятные,
А не ложатся узором изысканным
В нежность листа, как на детское платье.*

Город

*Город давит,
Плавит гравий.
Люди серы:
Леди, сэры.
Как стемнеет,
Блеск важнее.
В сердце каждом –
Зрелищ жажда.
Глаз не видно,
Так солидней.
Выгнать чувства –
Боль отпустит.
Где же правда?
Иль не надо?
Что здесь важно?
Мир бумажный.*

Прошлое

*Глеет материя
Прошлого, вросшего,
Давит потерю
Веры в хорошее.
Длинные, строгие,
Временем сгорблены,
Сыплют упрёками
Тени убогие.
Старые книги
Лгут новыми мыслями,
Время подпрыгнуло
И вдруг повисло...*

Троллейбус

*Ворча и качаясь,
Заснеженный, гулкий,
Пыхтя, будто чайник,
Идёт на прогулку
Привычным маршрутом.
Простой и далёкий,
Откроет кому-то
Свой мир одинокий.
Согреет, как сможет,
По-детски неловко,
На всех не похожий,
Герой остановок.
Рекламой приглашен,
Он ярок, как фантик,
Но знает не каждый:
В душе он романтик!*

* * *

*Осень просит
Бросить прозу
И вдыхать стихами
Веток колыханье.
Мир смеётся
Рыжим солнцем,
Листья клёна смяты,
Пахнут терпкой мятой.
Дышим. Слышно:
Ветер рыщет,
Листья, будто пищу,
Бросит клёнам нищим.*

**Елена
ВЛАДИМИРОВА**

* * *

*В день, когда запылают огнем алтари
и в одеждах простых соберутся цари
у единого трона,*

*когда тысячеглаво воспрянут стада
над лугами с обильною пищей, когда
зацветут анемоны,*

*это будет начало и будет конец,
и среди миллионов горячих сердец
и мое заискрится.*

*Если есть крепость жизни моей,
если свет и спасение – жизни моей,
то чего мне страшиться?*

Елена Владимирова — кандидат филологических наук, работает преподавателем в колледже.

Стихи пишет со школьной скамьи. Участник Всероссийского форума молодых писателей в Москве (2002 г.). Автор двух поэтических сборников: «Двойные двери» и «Улыбка клоуна». У молодой поэтессы готова к печати третья книга под названием «Семью голосами».

* * *

*Правдивых историй
никто не напишет.
К тебе найдется ли смелый?*

*Над уровнем моря
ты несколько выше
в своих воздушных пределах.*

*Насколько – не зная,
с обидой и дрожью –
я ближе к этому трону,*

*иду, проклиная
твое бездорожье,
твои дождливые склоны.*

*Живущим пониже
доступная вроде,
ты с ними даже не рядом.*

*И можно – не ближе,
чем каждый подходит, –
на расстояние взгляда.*

*Ты сильной рукою
хватаеть созвездья,
поешь семью голосами.*

*Я славлю пустое
твое поднебесье
полуденными часами*

*и благословляю
твое бездорожье,
твои сплошные лавины.*

*Ты видишь – я знаю, –
что я не с подножья,
я – с соседней вершины.*

* * *

*Взламывая замок
от райских врат,
пытаясь проникнуть
с черного хода,
пальцы ломая,
лицо уродуя,
этому
ты
рад?*

*Здесь не заперто
для одного из трех.
Землю покинув,
кем ты сюда
придешь:
вором?
гостем?
сыном?*

Персефона

*Дай же мне,
дай мне гранатовый плод.
Думаешь, я боюсь?*

*Было мне время
твой тайный ход
выучить наизусть.*

*Смерти нужно
смотреть в лицо
тем, кто лелеет жизнь.*

*Я покажу им
твое лицо,
тем, кто еще дрожит.*

*Лучше порой бывает
не знать
нам дороги назад.*

*Но и одно возрождение –
сильней
сотен тысяч смертей.*

*Море новых огней
и цветы –
таинство брачных уз.*

*Зная, что этого
хочешь ты,
я все равно вернусь.*

* * *

*Они гуляют над землю,
наши взгляды,
цепляясь за яркие пятна,
встречаясь друг с другом.
Мой, беглый,
вдруг обнаружил,
что мантия твоя –
солнечного цвета.
И ты теперь для меня
ну почти что бог,
сияющий и греющий.
А на самом деле
это мантия твоя
солнечного цвета –
и только.*

* * *

Полынь –
полымем сизым
по полю
полощется,
ветер в спину,
и пахнет горько-
прегорько
наполовину
тобой,
а наполовину
разлукой.
Без рук твоих
костру моему
гореть-догорать
до пепла,
до сизого цвета,
дотла и до
поседевшей травы,
гореть,
пока не остынет.
Тебе от меня –
пыль да поля,
полуденный ветер,
путь
и пламя полыни.

* * *

Дюймовочка
в платьице
цвета осеннего
плачет,
плывя
на кленовом листочке,

Дюймовочке
хочется

*быть чем-то большим,
чем просто
чьей-то
маленькой дочкой.*

*Не знала,
что кроме цветов –
колючки,
что вместо любви –
жар объятий жадных,*

*не знала,
что солнце
бывает жгучим,
что мир населен
кротами и жабами,*

*поверила,
что
мир не так огромен,
покуда смотрела
из нор кротовых,*

*поверила,
что, не любя
ничего, кроме дома,
кроты
вовсе
не так уж виновны.*

*Пятном потускневшим –
листочек от клена,
ноябрьский ветер,
холодный и хлесткий.*

*Дюймовочка плачет,
плывя по теченью,
но как
и кому
осушить эти слезки?*

* * *

*Когда воздушные
замки разрушены,
нам остается
зыбь,
рябь –
стыть
на воде,
остуженной
дыханием октября.*

*Круги на воде
и древесные кольца –
миг или век –
тлен.
Вряд ли за нас
кто-нибудь молится,
кроме
родных стен.*

*Пробуем
после дворцовой роскоши
в дома – поленьев из.
Вроде уютно,
да бьются плоскими –
улицы –
лбами изб.*

*Тщетно гадать
по кольцу древесному,
замки разрушив –
ведь
нам остается
твердь небесная –
безо всего
твердь.*

* * *

*Есть –
стратегия Герострата,
есть –
поступок, рожденный
страстью,
здесь – трагедия и растрата
дней,
и ран,
и борьбы со старостью.
Кровь от ран –
огневого цвета:
все равно он, как раньше,
страждет.
С кем ты жаждал
пойти на равных,
бывший самый
надежный страж?*

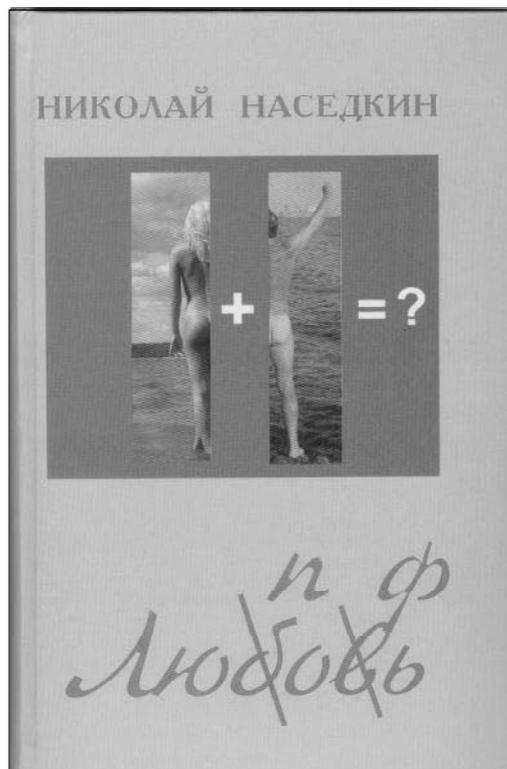
*Раз! –
и собственноручно,
разом:
за безмолвие – боль и страх.
Геростратово пламя –
страшное:
мир – с ожогами
от костра.*

* * *

*Гроздью воздушных
и ярких шаров
рвался
к унылому небу
мой праздник.
Я удержала,
наверно, напрасно
здесь, над землею,
мое торжество.
Тучкам – по шарикю,
мне бы – полнеба
в ярких горошинах
ночью и днем.
Многие видели,
как от обиды
плакало небо
бесцветным дождем.*

ТРИ МНЕНИЯ ОБ ОДНОМ РОМАНЕ

Весной прошлого года в московском издательстве «Голос-Пресс» вышел новый роман тамбовского писателя Николая Наседкина «Люпофь». Он вызвал определённый интерес и у читателей, и в критике. Отзывы о книге появились как в местной прессе («Мир информации» – 28 июня, «Мичуринская правда» – 11 июля, «Город на Цне» – 27 сентября,), так и в столичной («Литературная газета» – 19 июля, «Литературная Россия» – 18 августа).

Романом уже заинтересовались издатели Польши, Черногории и Китая.

Сегодня свои мнения о книге высказывают три писателя-прозаика: один из Тамбова – Н. Веселовская (она упоминает и о предыдущем романе Н. Наседкина «Меня любит Джулия Робертс»); и двое из Москвы – Е. Долец и А. Трапезников.

Нина ВЕСЕЛОВСКАЯ

НИКОЛАЙ НАСЕДКИН КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕЛАКСАЦИИ

Цитата для тех, кто плохо знает значение последнего слова: релаксация (от латинского *relaxatio* — ослабление) — уменьшение напряжения, расслабление, процесс возвращения в состояние равновесия. Называют так и отдых после сытного обеда, полового акта, тяжелой физической работы или стресса. Сидит человек, и ему всё по фигу — ни о прошлом не хочется думать, ни о будущем. Отключёнка. Но не сон. Скользит взглядом по столу, рассматривает таракана, но руку лень поднять, чтобы его прихлопнуть. Наоборот, это насекомое может навеять мысли о высоком и вечном, о жизни и смерти, о тех, кто придет нам на смену и напитается плодами наших трудов.

Впрочем, это скорее картинка из прошлого. Сейчас же мужчины чаще всего релаксируют не с тараканом, а с компьютером. В мягком кресле. И целые дни. Да простят меня женщины, речь пойдет именно о мужчинах. Прекрасному полу обычно не до релаксации — слишком много на них лежит забот. Да и перенапряжение — душевное и физическое — для них не редкость, а норма жизни. Поэтому просто переходишь с галопа на рысь, или даже на шаг, а через пару часов можешь даже в карьер сорваться (в аллюр, разумеется, пока что не с обрыва).

Нина Веселовская — тамбовчанка в шестом поколении, но родилась в Горьком (ныне — Нижний Новгород), где в это время учился в институте её отец. Окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Работала в газетах Тамбова и Москвы.

Автор прозаических книг «Гуляй-зима» и «Катрин», вышедших в издательствах Тамбова. В разделе «Проза» данного альманаха опубликована её повесть «Проводы Пиковой Дамы».

Потому и в компьютерах мы не столь продвинуты — некогда. Не в пример нашим родным, возлюбленным и просто знакомым — тем, что мужского полу. А их всё глубже оплетает паутина как релаксации, так и та самая, всемирная, что называется Интернетом. И последние романы тамбовского писателя Николая Наседкина показывают этот процесс с пугающей типичностью.

Да, мощную мину замедленного действия заложил научно-технический прогресс под нашу русскую сильную половину. И как вовремя! Уставшие после катаклизмов 90-х годов мужчины почувствовали бессмысленность дальнейшего барахтанья. На политику обычный человек все равно влиять не может, заниматься бизнесом, не запачкавшись о криминал, очень сложно, честно накопить на что-либо стоящее, скажем на квартиру, нереально: отложил адскими усилиями за год десятую часть её стоимости, а цены подскочили вдвое.

И нет больше смысла ни в работе, ни в рассыпающихся в прах деньгах, ни в политических спорах до хрипоты, которыми с юности так увлекалось наше поколение. Да и встречаться с друзьями тянет всё реже, надоели уже обсасывания тупиковых проблем, охи-вздохи и плаканья в жилетку. Надираться же коллективно или в одиночку — тем более дело плебеев, и предрасположение к этому надо иметь. Вот и остаётся уйти в виртуальную жизнь и ни о чём не думать.

Главные герои романов Н. Наседкина «Меня любит Джулия Робертс» (Москва: «Сова», 2005) и «Люпофь» (Москва: «Голос-Пресс», 2006) так и делают. Ползают по сайтам, зарываясь в самые дебри киношной или литературной информации. Возбуждают себя до эрекции разглядыванием фото-, кинодив или чтением любовных e-mail'овых писем. Но релаксация — это всего лишь отдых, а хочется, чтобы в мозгу ещё был задействован какой-нибудь из центров удовольствия, из которых, по Фрейдю, самыми сильными являются три, что возбуждаются при сексе, садизме и честолубии.

Садо-мазо — явно не для россиян и уж тем более не для интеллигенции (а в романах мы видим только её, родную, представители остальных классов-прослоек введены лишь для антуражу). Честолубие — тоже не интеллигентская черта, недаром говорят, что творческая личность начинает себя пиарить только в период простоя, когда ей уже нечего сказать. Остается... понятно, что.

Что люди в периоды реакции или просто спада социально-политической активности (релаксации общества) начинают проявлять повышенный интерес к проблемам любви или, как сказал бы психолог, межличностным отношениям, замечено уже давно. И лучшие психо-

логические романы создавались именно в такие времена. Неудивительно, что и Н. Наседкин посвятил этой теме свои произведения. Главные герои обоих романов хотят любви, страстно, мучительно. И оба её находят. Только какую... И тут невольно вспоминается древняя мудрость, что каждый получает по заслугам, и если что-то не так — ищи корни в своём прошлом.

По другой древней мудрости, настоящий мужчина должен в жизни сделать три вещи: построить дом, вырастить сына и посадить дерево. Что в переводе на наши реалии означает: наладить быт и решить финансовые вопросы, оставить потомство, причём сын символизирует не просто ребенка, а преемника твоих дел и начинаний, и создать нечто прекрасное, что тебя переживёт и даст плоды потомкам. Деревом можно считать произведения искусства, научную гипотезу, процветающее дело или же просто духовное прозрение, которое пустит корни в душах и станет частью менталитета. Понятно, редко кому удастся всё сразу. Но всё-таки стоит стремиться.

Ни у Насонкина — героя романа «Меня любит Джулия Робертс», ни у Домашнева — профессора из «Люпфи» этих стремлений не видно вообще. Быт у них был налажен когда-то давно и, судя по всему, убог, раз оба героя никак не могут разехаться с опостылевшими жёнами (кто читал оба романа, почему-то представляют себе одну и ту же квартиру). Детей герои не завели, и этот вопрос их мало волнует.

С «деревом» дело обстоит столь же печально. Коля Насонкин и не пытается ничего создавать. Работа в университетском издательстве ему опостылела, идти в аспирантуру он тоже не хочет, поскольку на примере супруги видит, как и для чего делаются диссертации. И вынашивать нетленки ему явно влом. Правда, он пишет дневник своих переживаний, но похоже, что эта исповедальная рукопись нужна ему, только чтобы легче было мысленно возвращаться в приятные минуты.

В противовес этому молодому человеку, умудренный опытом Домашнев — и прозаик, и литературовед, и критик, и глава кафедры в университете. Но все его творчество остаётся за кадром. На страницах романа он вроде бы и ездит куда-то с лекциями, и следит за новинками литературы, но приступов зуда пера, когда писатель про всё забывает, мы так и не увидели. Самозабвенно, безоглядно и творчески профессор Домашнев делает только одно — пьёт. И Коля Насонкин, кстати, тоже. Но это явно не то «дерево», о котором говорили восточные мудрецы. Похоже, что, презревшие древние ценности, столь типичные наши современники кроме любви вообще ничего не хотят. И любовь предпочитают ирреальную, поскольку, кроме обожания и

физиологических восторгов, ничего не могут дать любимой женщине. Фактически это чувство нужно им, чтобы уйти в некий иной мир. Любовь, как наркотик, любовь, как побег. Всё равно куда, хоть в виртуальное измерение.

Коле Насонкину это удалось. Фанат известной киноактрисы начал с пристального разглядывания на фото её маечек-трусиков-родинок. Потом вживался в героев фильмов, где она играла, особенно сопереживая им в эротических сценах. И вот уже реальная жизнь полностью обесценилась, ему безразлично, что он остался без работы, жены, квартиры, раз есть фантастическая мечта соединиться с предметом своей страсти в компьютерном зазеркалье-заэкране. Получилось ли у героя нарушить не только законы логики, но и законы физики или его просто убил новорусский шурин, читатель никогда не узнает.

Возлюбленная Домашнева 20-летняя Алина Латункина не столь виртуальна, но чувства к ней у профессора такие же восторженно-безответственные. Он, как подросток, упивается свиданиями на тайной квартире и экстазной e-mail-перепиской. И по отношению к живой ранимой девушке это ещё более подло, чем у Насонкина, — тот калечил жизнь себе и жене, а этот ещё и любимой. Несложно представить состояние студентки, на которую показывает пальцем весь университет, изводя её расспросами родители, да ещё устраивает телефонные атаки ревнивая соперница-жена.

Однако пятидесятилетний мен-френд (бой — никак не скажешь) не спешит оградить девочку от переживаний. Не сообщает и о своих планах относительно их будущего жилья, его развода с женой и прочих житейских «мелочах». Хотя, раз он уже снимает квартиру, сделать всё это можно было бы в считанные дни. То есть сделать то, что ждёт от мужчины любая женщина — честного, открытого, решительного шага, без оглядок и лжи. И перед нами не классический образ нерешительного русского человека на randevу. Это новый социально-психологический тип мужчины, которому и в голову не приходит что-то решать, поскольку ему и так хорошо. Его разум, как и у Насонкина, весь день плавает в эротических волнах. Релаксация! И пока не клюнет жареный петух, что-либо предпринимать он просто не в силах.

Что Алина Латункина становится любовницей первого же попавшегося юнца, абсолютно закономерно, даже если он не подходит ей по многим параметрам. Там ей не просто «комфортно», как она пишет в электронке, с ним она прежде всего избавляется от унижительной двусмысленности своего положения и полной неопределённости. Остаётся только удивляться, что она ещё какое-то время остаётся

физически близка с героем, видимо, с её стороны это действительно была первая «люповь», пусть недолговечная, как первый снег.

В финале романа интеллигентный профессор-писатель предстает совершенным подонком: пишет девушке всякие гадости, пытается сойтись с её подругой, а под конец ещё и читает чужие письма. И когда он, всеми забытый, бомжует на рынке, его уже не жалко. Действительно, каждому по заслугам. Такая вот у него теперь релаксация. Кстати, этим словом и называется последняя глава книги.

Главные герои «Люпфи» и «Меня любит Джулия Робертс» по-разному уходят из нашей жизни, причем ни в первом, ни во втором романе нет описания их физического конца. Но их уход закономерен, как закономерна в русской литературе нравственная гибель любого носителя эгоистического начала. Если любовь стала самоцелью, самоутешением и вектор приложения духовных сил направлен не на объект, а опять же на себя, любимого, то она обречена. Любовь — это взлёт, подъём, высшая энергетическая точка жизни. Релаксация — расслабление. Поэтому любовь и релаксация — понятия несовместимые. Иными словами, господа релаксирующие мужчины! Не обольщайтесь! Вам в этом деле ничего не светит.

Вряд ли современный читатель сделает для себя эти выводы. Но на подсознательном уровне, дай бог, что-то отложится. Тем более, что о сильных страстях сейчас выходит не так уж много книг (переводные любовные романы не в счёт). Завлечёт его и необычная виртуальная форма построения текста: «Джулия» (обозначение жанра — «Виртуальный роман») представлена как вложенный файл к письму, а «Люпофь» («Email-роман») — как email-переписка двух влюбленных. Удачный приём для показа эфемерных чувств, лишённых какого-либо конкретного вещного воплощения. Они словно так и остаются в этом ирреальном заэкране, выключи компьютер — и исчезнут без следа.

Хотя, стараясь излить перед читателем свою душу и продемонстрировать письменный ящик героя, автор явно перестарался. Прочитать сотни писем, две трети из которых однообразно-восторженно-любовные, просто невозможно. Релаксация внимания (в смысле его ослабление) наступает уже у читателя.

И ещё убивает тысячекратное повторение слова «любовь». Старый психологический опыт: при слове «сладко» у подопытного выделяется соответствующая слюна, при трехкратном повторении этого слова она наиболее густая, при десятикратном густота ослабевает. После двадцати «сладко» слюна уже, как при попадании в рот сильной горечи, а при шестидесяти человека может просто вырвать. Так и

здесь, девальвацию «любви» начинаешь чувствовать уже к пятидесятой странице (а их более 350-ти), потом всё притупляется, потом... короче, как в опыте. Недаром хорошие руководители поэтических литстудий категорически запрещают молодым поэтам использовать в стихах слово «любовь». Выражайте, говорят, свои чувства через тропы или другие приёмы. И, наверное, они правы.

И ещё вспоминается, что мы в дни нашей юности, лет двадцать назад, старались не поминать всуе это слово, даже когда кидались друг другу в объятия. Я как-то стала рассуждать по этому поводу со своим сумрачным знакомым, и он сказал: «Мы, интеллигенты, больше всего боимся фальши, а мысль изречённая есть ложь. В народе нет такой фобии — на сельских танцах в первый же вечер мне объяснились в любви. Но мы счастливей, поскольку, оставляя слово, идем через ощущение, настройку на волну. И тут трудно ошибиться».

Ошибались, конечно, и мы, ломали судьбы себе и другим. Но всё же не было такой дымовой завесы любовных писем, написанных после кончины любви. Наверно, действительно, боялись лжи. И редкостью была такая личностная несостоятельность. И такое желание релаксации среди мужчин.

Оттого-то и рожали бабы без страха, а теперь народ вымирает. И ведь, казалось бы, нетрудно понять, что слабый пол голосует против релаксирующих супругов именно неродившимися или убитыми в утробе детьми. Потому что ни у одной из нас нет гарантии, что благоверный не плюнет на всё, не сядет перед компьютером и не начнёт гонять очередную «стрелялку» или часами рассматривать родинку на бедре кинозвезды. И не уйдёт однажды туда весь, целиком, в буквальном смысле слова, как показал Н. Наседкин. И никакие президентские программы не в силах этому помешать.

И если через энное количество лет наши немногочисленные потомки захотят разобраться, что же происходило с их отцами и дедами, почему жизненная энергия упала настолько, что людям ничего не хотелось делать, даже размножаться, достаточно будет просто взять романы Николая Наседкина. Там есть ответы на все эти вопросы. В ненавязчивой мягкой форме, без какой-либо публицистичности, только через переживания героев автор показывает историю конца. Пока что конца отдельных личностей. А превратятся ли эти уходы в никуда наших современников в массовое апокалипсическое явление, потомкам уже будет известно.

Если, конечно, они вообще родятся...

г. Тамбов.

Екатерина ДОНЕЦ

«ХИРОСИМА ЛЮБОВНАЯ»

Роман «Люпофь» я прочитала на одном дыхании. Переболела. Потому что книга Николая Наседкина — это болезнь. Это — как привить себе корь или оспу. Только эти болезни прививают, чтобы потом не болеть, а здесь... Разве от ЭТОГО можно привиться? Наверное, данной книгой надо переболеть, чтобы помнить. О своём. Спасибо автору.

Очевидно, ему уже много всего хорошего наговорили об этой книге, о её предельной откровенности (не шокирующей, нет, ибо современного читателя, по-моему, уже невозможно чем-либо шокировать), о её незащитной откровенности. Я не буду распространяться о достоинствах этой вещи — они и так ясны любому нормальному человеку. Роман «Люпофь» — даже не глоток свежего воздуха; это — порыв грозового ветра, с яростным звоном швыряющий об стены створки окна. Вот так зигзагообразно хочется выразиться — уж пусть простит меня читатель. Потому что устаёшь и дуреешь от потоков общедоступной пошлости, хлынувших сейчас отовсюду, затопивших нашу жизнь. Но за моим экземпляром книги Н. Наседкина уже выстраивается очередь в Литинституте из желающих прочесть её, а это значит, что не всё так безнадежно.

Екатерина Донец родилась и живёт в Москве. Окончила Школу-студию МХАТ и ВГИК. Работала на телевидении режиссёром научно-популярных программ. В настоящее время — слушательница Высших литературных курсов при Литинституте им. А. М. Горького.

Как прозаик публиковалась в журналах «Знамя», «Звезда», «Литературная учёба», «День и Ночь», многих Интернет-изданиях.

Немного о стиле. В авторской манере письма среди прочих есть одна характерная черта: частое объединение каких-либо слов через дефис («требуется-жаждет», «наступали-накатывали» и т. п.). Но в романе, казалось бы, используется «рамочная» композиция — отстранение автора с передачей слова самим героям: дескать, это я не придумал, это я не о себе, это мне рассказали, письма передали, я только слегка отобрал и чуточку подредактировал. Однако почему тогда герои романа Алексей Алексеевич Домашнев и Алина Латункина в своих (своих!) письмах постоянно используют этот приём соединения слов? Ведь у каждого из них должна быть своя манера письма...

А потом, при внимательном прочтении приходит понимание подтекста: дилексемы (так сам Н. Наседкин определяет данный авторский приём) в письмах-текстах Домашнева прозрачно намекают и подсказывают читателю, насколько близок автору герой и даже автобиографичен; ну а ауканье такого стилистического приёма в мэйлах Алины и вовсе легко объяснимо: она с детства читает книги Домашнева, а теперь она так влюблена в него — она же подражает, она нахваталась, она впитывает, ей жутко нравится в любимом всё, в том числе и стиль...

А теперь чуть подробнее о героях. Алексей Алексеевич мне увиделся гораздо более живым, представимым, чем Алина. Единственная нелогичность, неожиданность, выпрыгнувшая на меня, читателя, как чёрт из табакерки — это его развод. Ведь он же, по сути, типичный Бузыкин из Данелиевского «Осеннего марафона»! А Бузыкины никогда со своими жёнами не разводятся, так же, как и жёны их — с ними. Вечные парочки. Но это — ладно. Пусть, пусть случится однажды в мире такое чудо, и именно в романе Н. Наседкина. А вот Алина, по-моему, — сплошная эклектика. Причём — не та эклектика, что, скажем, у Сальвадора Дали в живописи или Ле Корбюзье в архитектуре, а та эклектика, когда селедка с тортом на одной тарелке. Хоть убейте, не могу представить себе человека творческого, пишущего стихи, читающего (и понимающего!) Достоевского, Асеева, Кортасара, — и её же, балдеющую от «Фабрики звёзд», листающую «7 дней», отрывающуюся на дискотеке. Влюблённую в полуграмотного мальчика с Центрального рынка. Кто-то скажет: двадцать лет. Они — такие, другие. Не вижу. У нас в Литинституте на дневном отделении учатся «дети», так называем их и мы, и преподаватели. Я часто хожу к ним на лекции, на семинары, общаюсь с ними во дворе, с некоторыми мы прятельствуем. Да, они могут ходить с серьгой в носу, в пупке, в губе — где угодно, могут покрасить волосы в зелёный цвет, могут

запрокинуть бутылку «Козла» доньшком к небу посреди нашего двора. Но немислимо, чтобы кто-то из них увлётся, скажем, охранником, сидящим на нашей проходной, или — рабочим, кладущим во дворе новый асфальт. И не потому, что кто-то хуже-лучше, умнее-глупее. Просто «химический состав души» — разный. Профессор и доярка, токарь и балерина — прекрасны сказки соцреализма, прекрасны, как любые добрые сказки. В жизни есть селёдка, есть торт. И то, и другое — великолепно, только одно — с картошечкой, а другое — с чаем. Короче, если бы этот Коля Несушкин при всех прочих своих достоинствах и недостатках был бы всё же хотя бы однокурсником Алины...

Впрочем, с другой стороны, благодаря такому контрасту и обозначился, быть может, самый больной нерв книги: герой более всего не может согласиться и смириться с тем, что ему предпочли какого-то никчёмного мальчишку, что такую горячую, необыкновенную и, казалось бы, единственную любовь героиня предала из-за какого-то смазливового суслика (термин из романа), каких тысячи и сотни тысяч...

Меня особенно заинтересовала новая книга тамбовского писателя Николая Наседкина ещё и потому, что «Послесловие от автора» из неё может один к одному послужить «Предисловием» к моей повести, которая этой зимой будет опубликована в журнале «Знамя». Не событийно, конечно, — эмоционально. Потому что я начинаю точно с того момента, где Н. Наседкин заканчивает. Событие у нас с ним одно на двоих. То самое. Вечное. «Хиросима любовная». У Н. Наседкина с первых же страниц романа видно, что самолёт с атомной бомбой под брюхом уже оторвался от взлётной полосы, уже набрал высоту, уже взял курс на заданную цель, и «Хиросима» в конце концов начинается прямо на наших глазах, в режиме on-line. У меня в повести — бодренькое такое утречко. Первое утро ядерной зимы. Может ли что-то выжить? Или кто-то? И каков он, этот мутант, выживший после «Хиросимы любовной»? Знает ли он слово-то такое — «люпофь»? Так хочется всеми правдами и неправдами заглянуть в лицо этому монстру! Уверен ли автор «Люпфи», что у выжившего — лицо бомжа? А может, это лицо капитана Немо? Или каждый бомж — это капитан Немо, пустившийся в одиночку в своё последнее плавание?..

А в общем — всё у Николая Наседкина в романе по большому счёту правда. Та самая правда, от которой просыпаешься утром на мокрой подушке.

И как же мы все похожи...

г. Москва.

Александр ТРАПЕЗНИКОВ

О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ ЧУЖИХ ПИСЕМ

Николая Наседкина я знаю с середины 80-х годов прошлого века, вместе принимали участие в каком-то литературном семинаре в Малеевке. Сейчас он уже председатель Тамбовской писательской организации. Автор тринадцати книг и энциклопедии «Достоевский». Недавно мне на глаза попался его последний роман «Люпофь» (издательство «Голос-Пресс»). Название ироническое, искажённое от слова «любовь».

Сначала я подумал, что это — о нынешних малограмотных подростках, заигравшихся в «люпофь». Нет. Герои произведения — вполне взрослые люди, один из них даже профессор, литератор пятидесяти годов, другая — студентка-журналистка. Алексей Алексеевич Домашнев и Алина Латункина. А весь роман выстроен в эпистолярном жанре, глубоко редком и основательно подзабытом. И даже не в эпистолярном, а в электронно-компьютерном, он и подзаголовок носит: Email-роман.

Александр Трапезников родился в 1953 году в Хабаровске. Окончил Московский педагогический институт. Работал учителем, редактором издательства, в журнале «Наш современник», в литотделе МХАТа.

В 1984 году вышла первая книга прозы. На сегодняшний день их более 30-ти, изданных крупнейшими издательствами: «Молодая гвардия», «Олма-Пресс», «Вече», «Терра» и др. Публиковался в журналах «Москва», «Октябрь», «Огонёк», «Роман-газета» и др.

Лауреат нескольких литературных премий, в том числе — «Золотое перо Москвы».

Что ж, по-своему ново, в духе времени. Главное, думал я, чтобы он не оказался «компьютерной прозой», которую Владимир Крупин определил одним ёмким словом — гладкопись. Ведь компьютер, что ни говори, зачастую начинает довлеть над автором, подсказывает ему: что правильно и как не правильно, создавая ту самую — «гладкопись». Но, слава Богу, всего этого в романе Николая Наседкина нет. А может быть, он даже нарочно, бунтуя против компьютеризации прозы, зачеркнул буквы «б» и «в» в слове «любовь», чтобы было по-человечески. Такая вот она — люпофь — не доступная правилам, не подвластная законам и уложениям.

Домашнев полюбил девушку на тридцать лет моложе себя, она его — тоже. Сначала, правда, решив изменить жене, «потренировался» с сорокалетней. В этом, в общем-то, нет ничего из ряда вон выходящего. Наши народные артисты только и делают, что берут в жёны одну моложе другой. Не отстают и писатели. Леонид Жуховицкий, кажется, узы Гименея заключил с отроковицей раза в четыре моложе его. Все приветствуют. Также по-своему люпофь. Вопросов нет. Вопросы ставит Николай Наседкин — и перед своими персонажами, и перед нами, читателями. И прежде всего такие: где комфорт и где дискомфорт в любви? Что есть любовь-ненависть, может ли она быть двуглавой, со взаимоисключающими чувствами? Предательство в любви — не спасение ли? Кто объект и кто субъект измены в любовном треугольнике? Как жить-существовать без любви? И, конечно же, извечные русские вопросы в отношении любви: кто виноват и что делать? Автор спрашивает, рассказывает комически-драматическую историю, но сам, разумеется, на свои вопросы не отвечает — не дело это писателя. Только уж самый дурной сочинитель тут же, в своих романах, подсказывает читателю какие-то ответы. Подлинная литература тем и велика, что она заставляет человека думать, задумываться и над смыслом своего собственного существования, и существования окружающего мира вообще. Как «Быть или не быть?» А ответы нужны только в кроссвордах (и всё равно они будут неправильными).

Вот и Николай Наседкин, как профессиональный писатель, лишь тормозит читателя, будоражит его то эротическими, то нежно-лирическими, то фарсовыми или трагедийными сценами, вода по лабиринтам любви-люпофи. Причём делает это на довольно ограниченном пространстве — письма уже подразумевают некую замкнутость, это очень неудобное поле для прозаика (я сам несколько раз пытался взяться за эпистолярный жанр, но так и не решился). Но сюжетный

КРИТИКА

лабиринт у автора всё равно выстраивается, а уж читатель сам должен найти из него выход. Ожидает его свет или встреча с Минотавром? Вопрос открытый. Как сказано в этом романе — загляните в собственную душу, в собственную жизнь...

Постскриптум. В 1879 году Фёдор Михайлович Достоевский писал из Эмса своей жене Анне Григорьевне: «А ну если кто читает наши письма? Конечно, но ведь и пусть; пусть завидуют...»

г. Москва.

Мария ЗНОБИЩЕВА

ПРОЛИВНАЯ НЕЖНОСТЬ Женская лирика в контексте современности

Женская поэзия и женщина в поэзии... Что значат они сегодня? Вспоминается цветаевское «мой лоб в апофеозе папиросы», и тысячи строк о любви, и ахматовское едкое «Но, Боже, как их замолчать заставить?» Суть женщины — любовь. С любовью и для любви родилась она на свет. В ней испокон веков — материнство, даже в девочке. Через любовь земную женщина постигает любовь иную, высшую: к Родине, миру, Богу.

Распадаясь и разливаясь в поэтическом разнотравье и разнотемье русского и мирового художественного пространства, женщина-поэт способна сердцем, нервами, всем существом своим чувствовать ту «самую жгучую, самую кровную связь», о которой писал Николай Рубцов. Так вырисовывается тонкий профиль Кассандры на фоне гибнущей Трои, вскидывают крылья-руки плачущие Ярославны во всех концах России, а кто-то ещё только открывает глаза, только ищет себя и, обращаясь птицей Сирином, никак не может привыкнуть к песенному дару и к некрепкому пока крылу...

Мария Знобищева родилась в Тамбове в 1987 году. Студентка 3-го курса ТГУ им. Г. Р. Державина. Воспитанница литературной студии «Тропинка». Автор пяти поэтических сборников. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Пионер», «Детская литература» и др.

Участница Всероссийского форума молодых талантов в Липках и слёта «Дети Солнца» в Москве.

В октябре прошлого года принята в Союз писателей России.

В 1-м номере «Тамбовского альманаха» Маша была представлена как поэт. В этом номере она выступает в качестве критика.

Гармония и нежность как две абсолютные категории женственности способны написать новую страницу в лирике. Добираясь до чего-то главного в себе, женщина-поэт, по сути, проникает в тайну рождения, жизни и смерти. Нельзя сказать, что женская поэзия занимает главенствующее положение на поэтическом Олимпе, но позиции её крепнут, и процесс этот происходит повсеместно.

За четыре весенне-летних месяца в Тамбове вышли в свет четыре книги стихов. Их авторы — совершенно не похожие друг на друга люди: они различаются по возрасту, по глубине жизнетворческого опыта, по способу восприятия мира. Однако все они — женщины. И тем интереснее сопоставление тем и мотивов, образующих структуру их книг.

На обложке сборника **Лидии Кобзевой «Паруса судьбы»** («Тамбовполиграфиздат», 2006) — стремительный парусник в фантастическом, взвихренном пространстве Вселенной. Иллюстрации автора к собственным стихотворениям как особая ипостась творчества зачастую говорят больше, чем словесно выраженный образ. Живописная зримость здесь дополняет классическую прозрачность, зачастую невесомость стиха. Размышления о прошлом и настоящем («*Мы — дети минувшего века*», «*Песчаные дорожки детства*», «*Старый дом*»), о любви и дружбе («*Моим друзьям*», «*Я с тобою простилась*», «*Ей скоро будет тридцать пять*», «*Story*» и др.), об изменчивости и одновременно постоянстве природы — объединены прежде всего ощущением гармонии. В пейзажных зарисовках межсезоний, в посвящениях родным и близким столько же света, сколько и в печальных размышлениях о суетном, преходящем, ненужном. «*Засилье глянцевых обложек*», «*Цепь амбиций и смут*», «*...И сделки с совестью лихие*» — всё это вписано в картину времени с какой-то почти пушкинской, онегинской ясностью, отчётливостью. И дело здесь не в классических ямбах. Просто в творческом мире автора есть место всему. Особенно ярка гармоническая контрастность стихотворения «*Весна обрушилась на город*»:

*...И даже дяденька помятый,
Восставший от хмельного сна,
Нарушив правила, без мата,
Сказал мечтательно: весна...*

Как чередуются времена года, так будут сменять друг друга печаль

и радость, покой и мятеж, рождение и умирание — «...И всё возвращается на круги». Мотив переходности, перетекания одного явления в другое присущ всей книге в целом. Паруса судьбы взлетают — над житейским морем, горем, самой судьбой. Белый корабль то взмывает к звёздам, то погружается в пучину; его несёт волна — символ изменчивости и постоянства. Образы волны, капли, дождя — вообще водной стихии возникают постоянно. «Мы — капли живые природы». В этом признании — ключ к пониманию, приятно художественного мира Лидии Кобзевой. «Колёблются травы и воздух / Движеньем ленивой волны. / Цикория яркие звёзды, / Наверное, с неба видны»; «...Но каждый день, летящий мимо, — как капля новая в волну», «...Слова, что ты сказал, припомни. / А может быть, они, как волны, / Вернулись, хлёсткие, к тебе?» Помимо авторских иллюстраций сборник дополнен нотными приложениями. Стихотворения поются и исполняются, а значит — живут. Синтез музыки, живописи и поэзии удивителен. Он проникает и на мотивный уровень. В фокусе тройного зрения явления жизни выступают выпукло и подробно. Богата цветовая и звуковая аранжировка стиха. В мире Лидии Кобзевой живут музыкальные инструменты, цветы, но больше всего — стихия: снегопады, ливни, ветры — всё, что даёт ощущение простора и высоты. Бесконечны перевоплощения лирической героини. Типично женское, восточное мировосприятие с осознанием себя частью целого, бесконечно большего, чем собственное «Я», превращает её в дождь, радугу, солнце, лист — «...И сердцу нестерпимо больно лететь оторванным листом».

Просветление, скрытое подведение итогов — всё это угадывается не сразу. Но «Когда человек умирает, / Изменяются его портреты. / По-другому глаза глядят, и губы / Улыбаются другой улыбкой». Со всем недавно Лидии Георгиевны Кобзевой не стало. Читая её последнюю книгу, меньше всего думаешь о смерти и боли. Но «другой улыбкой» улыбается теперь её печально-светлая строка. То, что показалось бы художественным приёмом, удачным образом, перерастает в жизненную правду. Как и всё на когда-то любимой земле, подходит к концу человеческая жизнь. Проходит, чтобы воплотиться в чём-то ином.

*Лишь в душе, чей окончен полёт,
В глубине и студёной, и чистой
Неожиданно остро сверкнёт
Отраженье звезды серебристой.*

Совершенно по-иному воспринимается поэзия **Натальи Меркушовой**. Неброская красота среднерусских пейзажей, простота языка и стиля, хорей и ямбы, точность и лаконичность рифм, а главное, обаяние русской сердечности — таковы особенности её новой книги «**У края поля**» (издательство Тамбовского Литфонда, 2006). Скромность во всём — от обложки и названия до самой манеры письма — настраивает на спокойное созерцание. Автор близок к природе, просторам родной Тамбовщины. Из одних названий стихотворений можно составить душистый букет. Опоэтизированы сирень, куст жасмина, ромашка, васильки, мимозы, герань, яблоня. Лирика Натальи Меркушовой проста, но не легковесна: в ней есть и боль за разорённую страну, за огрубевшие в бесчувственности души, и чувство причастности — к земле, к судьбе своей Родины, к «женской доле». Традиционные романтические образы гитары, цыган, соловья, метели, дороги, мотивы полёта, побега, танца гармонично вписываются в знакомый каждому российский пейзаж и не кажутся чем-то чужеродным. Читателю будут понятны и близки и «Думы хлебороба», и авторская попытка ответить на вопрос «Что главное?», и «Размышления о женском счастье». Неспешно и мудро течёт обычная жизнь со всеми её сложностями, и людям радостно постигать её уроки; важно чувствовать, что *«...рядом нежно бьётся живой родник добра»*.

Первые книги вышли в том же издательстве Тамбовского Литфонда у двух воспитанниц литературно-творческого объединения «Тропинка» Ольги Кульковой и Татьяны Софинской. Принадлежность к одной творческой школе никак не сказалась на содержании сборников, роднит их разве что отточенность стиха, стиля. В остальном они различны.

Книга **Татьяны Софинской** «**Размышления под луной**» выдержана в романтической традиции. На это указывает сам автор во вступительной статье. Привычная символика дня и ночи, явлений природы сбалансирована собственными поэтическими находками: «...с ладоней рассвета бабочкой белой вспорхну», «...чувства бросить в пасть нечёмсаному быту», «...кровавые клёны стучали в окно руками ребёнка...» и др. Обаятельны и образ грустного городского троллейбуса, и полудетская игра в «Краски»: «*Красный — радость, / Синий — сила...*», и откровения распахнутого настежь юного сердца. Центральное место в сборнике занимает образ города, олицетворяющий громаду неулыбчивой нынешней жизни, вряд ли готовой раскрыть объятья недавно ставшему взрослым человеку. Город — «сер», он «давит», он —

«тюрьма». Звучат мотивы одиночества, потери и потерянности, безответного чувства. К сожалению, размышления под лунной отнюдь не беспечно-прекрасны. Современный мир заставляет быстро взрослеть и задавать серьёзные вопросы.

*Методом удач и неудач
Я по жизни проносила в скачь.
Вдруг в семнадцать лет проснулась мысль:
Отчего так быстротечна жизнь?*

Названия стихотворений говорят сами за себя: «Я устала, и сконкана память...», «Печаль», «Хандра», «Мучение», «Лёгкость», «Мечта», «Несправедливость», «Пустота», «В разлуке», «Страдание», «Темнота», «Тяжесть», «Надежда», «Невдохновение» — здесь вся палитра чувств и настроений. Преобладают минорные интонации, приглушённые, как будто бы городской пылью прибитые цвета. Корень зла — в человеческой бескрылости: «*Не стерпела реальность, что я крылата*»; «*По земле люди ходят только ногами*»... Но всё-таки в этом есть жизнь. Есть творчество как выход из себя — земной, и приход к себе — первозданной.

Концепция нахождения себя в мире лежит в основе книги **Ольги Кульковой «Путь к себе»**. Это книга символов, песен и откровений, в которой странно сплетаются юность и мудрость, радость и боль, вера и сомнение. «Путь к себе» — не просто название сборника. Это духовный маршрут, попытка дойти «до самой сути» и прежде всего разоблачение. Постичь вселенную, заключённую в тебе... Это огромно. Этого хватит не на одну земную жизнь. И постулат «познай самого себя» превращается в творческую концепцию, сверхзадачу, оживая под пером поэта: «*И животворной дышит силой одна из азбучных основ...*»

Путь к себе — ещё и путь к Богу, к смыслу твоего появления в этом мире. Жизнь — это священнодействие, и важно вовремя это понять, душой пережив «и таинство цветения сирени, и быстрое взросленье малыша». Мир полон поэзии, он весь — вдохновение. Но далеко не всё в нём совершенно. И потому лейтмотив книги — тоска по утраченному миру, «где дышит свет бессмертья изначальный», миру, в котором нет «ни условностей, ни зла». На этот смысловой каркас как бы нанизаны все остальные темы и мотивы: печаль, любовь, нежность, философские размышления о предназначении человека, смысле и сути

творчества. Книга начинается с утверждения ценности каждой человеческой жизни. «Ты нужен Земле, как никто не был нужен», — говорит поэт в стихотворении «Дитя Земли». Земля следит за тобой влюблённым взглядом матери, ей дорог каждый шаг своего ребёнка. Для неё ты неповторимо прекрасен. И потому так пристально внимание автора к любому движению души — кошачьей, цыганской, детской. Всё это — ипостаси лирического «я», самозабвенно отражающегося в каждом встречном лице или предмете:

*Я – радость, воплотившаяся в мир,
Сияющая в нём по Божьей воле.
Была я всеми на Земле детьми,
Уроки постигая в вечной школе.*

Состояние радости, как самое естественное, изначальное, узаконенное в этом мире поэтами и детьми, пронизывает каждую строку. Однако такое восприятие жизни выходит за пределы безмятежной непосредственности «Песен невинности» У. Блейка:

*— Как же тебя назову?
— Радуюсь я, что живу.
Радостью — так и зови меня!*
(«Дитя-Радость», пер. С. Маршака)

Героиня уже — «была». Всеми детьми и всеми цветами. Её песни — это скорее «Песни Виновности». Виновности перед теми, «кому... не был дан» золотой под подушкой, перед Маленьким Принцем с далёкой планеты, перед своим народом, который — «был ли на земле?». У неё есть миссия — целить раны, не выполнить её — преступление, ибо поэт признаётся:

*...Себя не будешь властен излечить,
Пока твоей поддержки долгожданной
Последний страждущий не сможет получить.*

Но этот внутренний, не сразу обретённый мир по неизбежному закону вступает в противоречие с миром внешним. Не отсюда ли романтическая, вернее символическая, раздвоенность героини в «Близ-

нецах», способность к бесконечным перевоплощениям в лирических монологах?

Мучительный вопрос «Кто я?» заставляет её отправиться в путь, он требует вживания в каждое увиденное существо, проникновения в его бессловесную тайну и взамен даёт возможность преображения. Венера, вышедшая из океанской пены, ещё робкая, ещё не знающая законов человеческой походки; овеянная легендами княгиня Ольга; Даяна, всем существом принимающая золотое и янтарное великолепие жизни; царица, «чьё владычество прошло»; последний эльф, опьянённый запахом верескового мёда; рыжая земля, ждущая своего Одиссея; милая печальная принцесса в заколдованном саду... «По радио души моей сегодня мне обещали проливную нежность» — именно нежность помогает остаться собой и передать свой свет людям. Любимый портрет, исполненный в «час души», — «Портрет любви».

Но и это ещё не всё. Над портретом и образом — музыка, запах, цвет. «Мир — музыкальная шкатулка», и он звучит на все лады: поезды, звёздами, ветрами, колоколами Китежа, «деревьев перезвоном», ручьями и мортирами апреля. Как в древнем гимне, раздающемся в ответ Орфею, поют колосья, травы, ливни и облака. Музыкальны и «вздых коня», и плеск волны, и каждое движение ребёнка — музыкальны, потому что гармоничны. Мир поэзии — это мёд и вино — «с горчинкою, из тёмного подвала». «Свежим ароматом Калевалы» наполнены просторы лирической вселенной. С пастернаковской предельностью ощущения в стихах оживают «дыханье роз», «трепещущие липы», и вместе — память и скорбь — звёздами, расцветшими в глазах погибших солдат.

Поэзия Ольги Кульковой — необычна: разделения на «светское», «мирское» и «духовное» здесь нет и не может быть. Она духовна целиком. Как и всякая поэзия изначально. Трудно уместить в рамки почти античной правильности и простоты образы нашего контрастного, ежесекундно меняющегося мира. Но, может быть, для этого надо только немножко подняться над шумной городской толпой? С высоты, на которую поднимает поэта вдохновение, самое важное и большое становится ясней, а мелочи жизни превращаются в огромные световые пятна, порой печалищие взгляд, порой свивающиеся в радуги. Звонкое и пёстрое «сегодня» приходит в поэзию Ольги Кульковой простой почтовой телеграммой, метеопрогнозом по «радио души», оазисом отчаянно не умирающей роши в кольце автострэд. Мир её героини огромен, и место в нём найдётся всем, но:

*Кому не плачется под скорбный ветра плач,
Кто вместе с малышами не смеётся —
Тому со мной не быть. Я — вечно вскачь,
Навзрыд, стремглав, любя подобно солнцу...*

«Вечно вскачь» — по дороге к себе, в добыче золота из рудников души — таков темп и ритм жизни поэта, который всегда — не ко двору и не ко времени. «Поэт загадочен. Он — тайна», «Поэт уникален, как мамонт» — это уже выход за пределы себя, взгляд со стороны, попытка растолковать природу странного существа, всеми силами желающего разомкнуть границы своего ледяного плена.

Разговор о поэте не может не перейти к разговору о мире — земном, пугающем и всё-таки прекрасном. Он не может быть заповедником, охраняющим самых редких своих птиц и бабочек. Не может быть и вечно цветущим садом «с его бессмертной весной и тонким запахом пионов». И потому так важно вовремя раскрыть глаза и душу, проложив по его просторам путь к себе. Может быть, путь этот понадобится не только нам одним. Особенно если над ним — «проливная нежность» Слова.

*Изведав сладость слов любви однажды,
По ним томиться будешь вновь и вновь,
И утолит души смятенной жажду
Лишь Слово — воплощённая любовь.*

**Елена
ЗАХАРОВА**

**ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР
ЕВСТАХИЯ НАЧАСА**

В 2005 году в Тамбове вышла в свет книга стихов журналиста и писателя Евстахия Начаса «Избранное». В ней — размышления о двух родинах поэта Украине и России, о природе и любви, воспоминания о военном детстве и раздумья о судьбе человека в современном мире. Жанры стихотворений, вошедших в книгу, разнообразны: баллады, философские размышления, венки сонетов, что говорит о неустанном творческом поиске поэта.

Особое место в книге занимают произведения на культурно-краеведческую тему: «Рахманиновский триптих» и «Лермонтов в Тамбове». Их объединяет тема великой России, дающей миру великих сынов. В центре «Рахманиновского триптиха» — образ русского композитора и музыканта, оторванного от своей родной земли. В эмиграции он «изголодался по России». Это слова самого С. В. Рахманинова, ставшие эпиграфом к триптиху. Для тамбовского поэта очень важно, что «Рахманинов, музыки чудо», великий русский гений, не изменил своей родине:

*Не стала Отчизной второю
заморская эта страна.*

Елена Захарова родилась в Тамбове. Учится на 3-м курсе ТГУ им. Г. Р. Державина. С 12 лет занимается в литературной студии «Тропинка». Автор поэтической книги «В моей душе гармония весны». Публиковалась в журналах «Ровесник», «Костёр», «Детская литература», коллективных сборниках.

Участница Всероссийского форума молодых талантов в Липках и слёта «Дети Солнца» в Москве.

«Заморская» — синоним эпитета «чужая». Дом у человека может быть только один. И для Рахманинова — это Россия. Он играет в Карнеги-холле, и «невиданный зал» полон «российской мятущейся боли». А музыканту вспоминается отчая земля:

*Пригрезился звон колокольный,
Ивановка, Пасха, весна.
Равнина и ветер привольный,
И даль глубока и ясна.*

Творить вдали от своей родины, на чужбине, — это мучение, пытка. Здесь никому не жаль большой души, измученной тоской по России, над которой сейчас «лихолетняя ночь». Здесь совсем другие ценности: «бизнес все делать умеют», и человеку уже «шаг не ступить без гроша». А в России всё иначе:

*Россия устала от боли,
в России и в песнях грустят...
В траве воробьи, как бемоли,
на нотных линейках висят...*

Родина дарит музыканту душевный покой и вдохновение, врачует раны тишиной усадьбы и грустной гармонией народных песен.

Противопоставляя родине чужбину, Евстахий Начас подчёркивает «почти библейскую», неземную красоту России и христианскую жертвенность духовного подвига Рахманинова, творящего для того, чтобы помочь выжить и спастись русскому народу:

*Рахманинов снова играет –
он хочет России помочь.*

Евстахий Начас обращается к теме поэта и поэзии. В цикле стихотворений «Лермонтов в Тамбове» он задумывается о жизненном пути гения. Символичны и афористичны первые строки:

*Поэты оставляют след и свет,
и надобно искать их в каждом слове...*

Автор приходит к выводу: «Жизнь гения — всегда с судьбой кон-

тракт, в котором случай очень много значит». Размышляя о судьбе русского гения, автор говорит:

*В России человек всегда мишень,
для вьюги и для пули – всё найдётся...*

Такой мишенью для зависти и клеветы стал Пушкин. В венке сонетов «Земной расчёт» Евстахий Начас радуется и скорбит вместе с ним. «Душа поэта — это мирозданье», дорогое и понятное лишь тем, «кому дыхания дороже» ошутимое сердцем «дыхание онегинской строфы». Поэт всегда пророк, «он мыслит глубже, чувствует иначе». Поэта легко ранить, ведь «он ложь воспринимает как удар». Поэт — это вечная, непостижимая тайна:

*Он непонятен и понятен будто,
и жизнь его всегда на грани бунта...*

В книге «Избранное» особенное место занимает любовная лирика. С трогательной нежностью поэт воспевает свою любимую, называет её «моя ты Ярославна»:

*Твои славянские глаза –
моя священная столица.*

Женщина в мировосприятии поэта — божество, которому нужно поклоняться всю жизнь и отдавать эту жизнь без остатка. Каждая женщина — Ева, хранящая свою тайну:

*Есть в каждой женщине святая тайна,
и так уже в веках заведено:
приходят и уходят не случайно
к нам только те, с кем быть нам суждено.*

В земном мире любовь — Божий дар, делающий жизнь прекрасной и полной смысла («Бог – Любовь – и день и ночь»). С темой любви тесно связана тема самой жизни, поиска себя в огромном и постоянно меняющемся мире. Так, прощание с любовью — это потеря части собственной души. В стихотворении «Расстоянья» поэт признаётся, что постиг «тайну расстояний»:

*Это путь от первого свиданья
через все дороги и года,
расстоянья – это расставанья
с женщиной любимой навсегда.*

Все дороги ведут поэта к любимой.

Лирический герой стихотворения «Несутся тучи-вороны над городом...» не ищет ответа на вопрос «Быть иль не быть?», потому что для него важно другое. Гамлета нового времени волнует: «Любить иль не любить — вот в чём вопрос».

Медитативное начало определяет основные особенности художественной манеры Евстахия Начаса (стихотворения «Запоминайте», «Жизнь на земле — всегда дорога к раю...», «Мы тратим время бездумно...»). Лирический герой ощущает себя частью природы («я — зимнего леса частица»), он даже выводит свою формулу жизни: «Пока души болят, мы живём...».

Путь героя — это дорога жизни, которой он идёт. Дорога в стихах Евстахия Начаса — это состояние души и выражение поиска жизненной правды. Размышляя над прошлым и настоящим России, поэт восклицает:

*А в Отечестве были пророки,
повидавшие жизнь мужики.*

Русский мужик любит родную землю и бережёт её. Смысл всей его жизни в труде и единении с природой. Но в Отечестве есть не только свои труженики и пророки. Поэт тонко чувствует, где правда, а где ложь:

*Вновь в лицо мне орут лжепророки,
а пророки – с душой говорят.*

Сама жизнь — это тяжёлая дорога в страну, имя которой — Душа. В стихотворении с таким названием Евстахий Начас сравнивает душу с полем битвы во «время смут», на котором вечно «сводят счёты правда и неправда»:

*Душа-страна, не раз её границы
терзали и измена, и враньё,*

*и были у неё свои Батьи,
и канувшие в Лету города,
и мученики были, и святые,
и не было покоя никогда.*

Поэт размышляет на тему жизни и постижения человеком своего земного бытия. Лирический герой всех стихотворений, вошедших в книгу, является частью отчей земли. Счастье человека возможно лишь в гармоничном союзе с ней. Часто герой сравнивает состояние своей души с состоянием родной природы: «Осиротел я без любви, как это поле тихое». Успокоение и новые силы ему дарует родина: «Который год кленовой тишиной меня природа бережно врачует».

Человек обязан быть её достойным сыном, беречь и уважать её. Поэт предупреждает:

*Объявить себя можно Мессией,
только надобно помнить притом –
все попытки лукавить с Россией
никогда не кончались добром.*

Природа в стихах Евстахия Начаса наделена живой мудрой душой. Она воплощает лучшие качества души человеческой. Природа является главным героем многих произведений («Есть жажда жизни в зёрнах и в корнях...», «Пропадают цветы под Москвой...», «Баллада о бузине», «Деревья разговаривают с небом...», «Притяженье травы»). В образной системе поэта природа — это Божье чудо («деревья вокруг — как большая родня», а «каждый лист кленовый, как десница», которая приготовилась перекрестить человека). Родная земля безмолвно и безропотно страдает и сносит обиды:

*Терновник на ветру заиндевелом
полураспят, от боли почернел.*

Причиной её страданий становятся хамство и жестокость людей: «По весне повсюду столько хлама, что смотреть на землю тяжело...» И люди эти лишены души и чувства стыда и совести: «Нынешние хамы — это ханы: признают одни свои права». В этом ёмком сравнении с ханом и возмущение чинимым беспределом, и отражение разрушительной силы, и авторская ирония над их мнимым всемогуще-

ством, и призыв к единению и защите родины:

*Время торжествующего хама,
помолясь, сумеем пережить.*

Жизнь — это вечный поиск истины, стремление её постичь, но не каждому человеку это удаётся. Чтобы быть счастливым, человек должен уметь прощать. Это великий дар, доказательство духовной силы:

*Когда друг друга мы прощаем,
сумев сомнения унять,
мы то любимым возвращаем,
что нелюбимым не понять.*

Лишь одна душа на свете не имеет права на прощение, ибо в ней самой нет света и добра. А добро и зло познаются человеком в сравнении. В «Рахманиновском триптихе» поэт, задумавшись над судьбой России и её музыкального гения, находит образ, выражающий разницу между родиной и чужбиной, талантом и бездарностью, бессребренничеством и корыстью:

*Увидишь Христа – и Иуду
уже не простишь никому.*

По оценке автора, «у каждого есть свой Иуда, который предал или предаст». Мстить грешно, это не по-христиански, к тому же наша жизнь коротка, как июльский вечер. И «своё Бог каждому воздаст» по его делам.

В стихах Евстахия Начаса преобладают яркие, выпуклые образы и искренние интонации. Одна из основных тем — ностальгия по человечности и преклонение перед Россией. Многие произведения проникнуты элегическим настроением и воссоздают далёкие картины военного детства поэта. Украинские пейзажи: «суровые ковыльные степи» да старая землянка — вот верные спутники и свидетели его «шевченковского детства».

Одним из самых пронзительных в этой книге является стихотворение, вернее песня, «Плясовая» о безногом человеке, вернувшемся домой с войны («после — тыл, и нет солдата, но остаётся человек»). Гуманизм и человеколюбие — черты, присущие всем стихотворени-

ям Евстахия Начаса, но в этом произведении они смешаны со слезами сострадания и радости мирной жизни, а потому глубже входят в сердце читателя.

Радость и печаль — две соседки. Они вечно рядом. Тоска и горе знакомы не только человеческой, но и звериной душе. Стихотворение «Пёс» рассказывает о жизни бездомного животного. И не просто рассказывает, а учит читателя жалости и доброму отношению к братьям нашим меньшим. Важная бытовая деталь — «двери на цепях». Она говорит о замкнутости не только отдельного пространства, но и души. Сущность человека раскрывают и такие простые слова:

*И кто-то для порядка кличку Шарик
дал прибудившемуся псу.*

Не из любви к животному, а потому что так надо. Но с появлением «среди широких лестниц коммунальных» «опального» пса сердца людей всё-таки оттаивают, жильцы становятся милосерднее. И он «с оттаявшей душой для добра» привыкает к людям, но верит лишь детям. Когда его в шутку пытаются приласкать взрослые, в собачьем взгляде просыпается «звериная полынная тоска», «сухой огонь», потому что:

*Собаки научились быть друзьями,
не научились лишь обид прощать.*

Стихотворение «Вечер в деревне», на мой взгляд, самое живописное в книге. По композиции и по содержанию оно напоминает картину. Читатель (уместнее сказать, зритель) видит ближний и дальний планы, чувствует краски: «закат золотисто-багровый», «туман над рекой сероватый», стены «в оспинках дождика». Созданию минорного, но светлого настроения стихотворения во многом помогает его метр — трёхстопный анапест. Мелодия стиха напевна и легка. Перед нами гармоничная картина тихого осеннего вечера в деревне. Но главное в ней — не сам «сиреневый вечер», а телеантенны на крышах домов, «как на старых погостах кресты». Вся соль стихотворения — в этом сравнении, напоминающем нам о вымирании русской деревни.

С темой человеческого бытия неразрывно связана тема памяти. Память — это особая благодарность. Люди обязаны помнить о прошлом, чтобы быть счастливыми в будущем: «Уходит время, память не

уходит, беспамятство бесснежию сродни». Эта тема находит наиболее полное выражение в стихотворении с призывным названием — «Запоминайте». В нём автор просит человека запоминать все кажущиеся нам иногда мелочами приметы жизни, чтобы постичь её красоту:

*И никогда притом не забывайте —
земля летит, как шар пороховой.*

Важно, что «Избранное» открывается своеобразной поэтической автобиографией. В ней поэт признаётся в любви «двум великим матерям», вскормившим и взрастившим его:

*Меня брала за руку Украина,
Россия в люди вывела меня.*

По рождению украинец, «сын земли многострадальной и могучей», Евстахий Начас называет и чувствует Тамбов своей настоящей второй родиной. Этому городу поэт посвятил веночек сонетов «Я в России прописан...» Тамбов — это «зелёный цнинский край», «союз архитектуры и природы», тесно переплетённые друг с другом «и старина, и новь». Эпитеты, метафоры и сравнения подчёркивают эту гармонию.

Лирической доминантой этого венка сонетов, по моему мнению, являются строки:

*Отечество себе не выбираем,
подобным выбиралам — грош цена.
Прародина и родина вторая
слились в словах — родимая страна.*

Этими словами сказано всё, ими объяснена верность поэта двум своим матерям, двум одинаково горячо и крепко любимым родинам и благодарность за их доброту.

Аркадий МАКАРОВ

НА ДАЛЁКОМ ПЕРЕГОНЕ

*На далёком перегоне
Будут душу согревать
Две горячие ладони –
Это Родина и мать.*

Из песни

В русском народном мировоззрении, в его сказках, былинах и песнях, в его обычаях и культуре так сложилось, что эти два самых дорогих понятия — «Родина» и «мать» — до недавнего времени всегда стояли рядом, и не было слов выше этих, и не было сущности ближе и дороже. Никто ведь не принуждал народ складывать свою культуру на основе незыблемости и неотделимости этих двух понятий. По народным поверьям, каждый погибший за Родину солдат, минуя все препоны, сразу же попадает в рай, как праведник. Положить душу за други своя — не было выше воинской чести.

Неправду повторяют ныне властные остроумы известное, что патриотизм — последнее прибежище негодяев. Страшнее и паскуднее этого вряд ли услышишь. Если у соседа «мясо в щах и хруст в хрящах», то не стоит сломя голову бежать из семьи и проситься к тому соседу в приживалку.

Аркадий Макаров — поэт, прозаик. Родился в 1940 году в селе Бондари Тамбовской области. Окончил технический вуз.

Прозу и стихи публиковал в областных газетах, в журналах «Подъём», «Наш современник», «Литературные незнакомцы» и др. Автор пяти поэтических сборников и книги прозы, вышедших в Воронеже и Тамбове.

Член Союза писателей России.

В православии, как в духовном стержне русской нации, богатство никогда не было мерилом Божьей благодати и жизненного, нравственного успеха. Священники по церквам не продавали индульгенций, снимая грехи своих прихожан. Святые отцы не «крышевали», говоря современным депутатским сленгом, Бога не купишь. И положить жизнь свою только во благо золотого бычка в Росси считалось мерзопакостным. У гроба карманов нет.

Моё отношение к событиям, разрушившим нечаянно-негаданно коммунистическую власть 19 августа 1991 года, поэтому неоднозначно и определяется тем, что я сказал выше. В этом очерке я могу позволить себе быть субъективным. Как неожиданный свидетель и непрощенный участник того действия, я имею полное право рассказать о нём как могу.

Конец 1980-х и начало 1990-х годов было ознаменовано полным провалом экономической политики партии и правительства. Каждая из этих всевластных сторон, как при игре в домино, имела на руках по чёрной костяшке «пусто-пусто». В магазинах, кроме вечнозелёных помидоров в стеклянных пузатых банках и скучных продавщиц при них, ничего не было.

Страну коммунистические лидеры того времени явно банкротили, чтобы потом разобрать по дешёвке. Даже в закрытых элитных военных городках нечего было купить. Замужняя за советским офицером моя дочь писала из такого городка под Хабаровском, чтобы мы ей выслали продукты. «У нас даже хлеба без осложнений не купишь», — слёзно сообщала она.

Используя старые и новые связи, я прикупил кое-чего съестного и, не доверяя почте, с тяжёлыми перемётными сумками подался за восемь тысяч километров, чтобы осчастливить зятя-капитана и любимую дочь макаронами, рисом, салцем с чесночком, ну и, конечно, вожделенной колбаской. При посадке в самолёт у одной из сумок оборвался наплечный ремень, и мне пришлось под укоризненным взглядом бортпроводницы волочить по гулкому дюралевому настилу свою поклажу. Но долетел я до Хабаровска, слава Богу! Обрадовал. Обнял. Угостил. Да и сам угостился, благо привёз всё своё.

Рассказывая это, я нисколько не ухожу в сторону от повествования о событиях 19 августа 1991 года. Дело в том, что если бы не мой столь протяжный перегон — этот вояж на Дальний Восток, мне бы не повезло быть участником исторического момента.

Так вот, нагостившись и накупавшись сколько надо в Амур-реке, а

лето в это время на Дальнем Востоке было довольно жарким и душным, я 19 августа 1991 года (вот ведь год-перевёртыш!) отправился под сень своих среднерусских небес. Не заметив парадокса догоняющего времени, я оказался в столице нашей Родины в тот же день и примерно, в тот же час, когда самолёт взлетал над Хабаровском, то есть около двух часов дня было по Москве. На Павелецком вокзале стояла, как всегда, толкотня, но ничего такого сумасшедшего не замечалось. Пассажиры, как и я сам, в дороге радио не слушали, газет в суматохе вокзальной не читали. Всё шло обычным порядком. Только вот ни в одном из буфетов вожделенных горячих сосисок не оказалось, и пришлось пользоваться жиденьким вокзальным чайком с чёрствой булочкой. И то — дело!

Времени до отправления поезда № 31 было предостаточно, и я по своей всегдашней привычке отправился в центр потолкаться на Красной площади, так сказать, отметить своим присутствием и запечатлеться в сердце Советской Родины...

Вот почему я оказался в тот день в том самом месте, где происходили, без преувеличения, исторические события.

Предвкушая сладостную прогулку по центру Москвы, я нырнул в настоянную на машинном масле, но отдающую приятным холодком горловину метрополитена — стоял пасмурный, но довольно душный августовский день.

Мне хотелось походить по старому Арбату, поглазеть на живописные полотна столь же живописных художников, послушать уличных музыкантов, подивиться на удивительнейшие представления всяческих импровизаторов, лицедействующих под брэнчанье в мятый картуз монет. Одним словом, с максимальной пользой для себя убить время. Ноша плечо не тянет, знай ходи себе, крути головой, поглядывай да прищёлкивай языком: «Ну надо ж такое!»

Станция Березай, кому надо — вылезай! Всплываю на эскалаторе, выхожу из метро, а там все пути-дороги заблокированы угрюмыми, не приветливыми людьми в полевой защитной форме: не сразу разберёшь — офицер или солдат перед тобой. Что такое?! Зачем? Но ощутимый короткий удар прикладом автомата в плечо, когда я попытался возмутиться, возражая, что вот, мол, по своей русской земле уже и пройти нельзя куда хочешь, показал мне уверенную руку капитана в общевойсковых погонах. Ударив меня, капитан теперь смотрел в другую сторону, где какой-то тип, вроде меня, решил пробраться через кордон.

Удар, который пришёлся мне, был хоть и не убойный, но от этого

не менее оскорбительный, и во мне сразу же взорвалась находившаяся в состоянии анабиоза забытая гордость великоросса:

— Ах, ты!..

Но подоспевший вовремя милиционер, придавив плечо чугунным крылом ладони и матерно выругавшись, толкнул меня опять в машинное чрево подземки:

— Гуляй, мужик!

Теперь из возмущённого говора пассажиров метро я уже понял, что случилось что-то такое, от чего тоскливо заныла душа. Неужто снова — в «светлое будущее», похожее на дырочку в общественном туалете, заглядывать? А где же объявленная гласность? А перестройка? А словоохотливый Горбачёв с проектом перелицовки ленинизма под «настоящего» Ленина? Что ж это всё — вибрация воздуха и смущение духа?

По электричке ползли невероятные слухи о вводе в столицу войск: то ли американских, то ли израильских, а то ли ещё каких... Но удививший меня пять минут назад капитан был с явно выраженной курносой рязанской мордой, в которую, если хорошо размахнуться, то не промажешь.

Чтобы ни говорили люди, а какое-то опасливое любопытство присутствовало и во мне: как там наверху?

Выплеснувшись из метро на проспекте Маркса у гостиницы «Москва», я от неожиданности растерялся: площадь Революции у Исторического музея и площадь 50-летия Октября у Манежа были похожи на скопления гигантских дорожных аварий: грузовые машины, автобусы, дорожная техника, жестяные короба, тягачи — они перегородили доступ к Кремлю.

На моих глазах полсотни весёлых людей с гиканьем и свистом катили к Манежу новенький троллейбус, оторвав присоски от кормящих его проводов. Ни милиции, ни военных здесь не было. На крыше одного автобуса какой-то молодец, приплясывая и размахивая руками, показывал, как он будет расстреливать Кремль. «Провокатор!» — подумалось мне.

— Эх, гранатой бы... Как в Афгане! А с автоматом разве возьмешь? — качал головой рядом со мной плечистый парень с обожжённой левой скулой. — Коммуняки, сволочи, что сделали!

Он-то и рассказал мне о ГКЧП. Путч уже набирал силу.

В толпе сновали озабоченные молодые люди в зауженных костюмчиках невыразительной расцветки, внимательно прислушивались и

что-то отмечали в записных книжечках. Но в общей суматохе на них, этих «комсомольцев», никто не обращал внимания.

Того парня, который рвался расстреливать Кремль из автомата, согнали с крыши автобуса, его место занял другой, с мегафоном в руке, и призвал всех не паниковать и не поддаваться на провокации.

— Не в силе Бог, а в Правде! — выкрикнул он в толпу.

Люди поддержали его одобрительными хлопками. Потом, сменяя друг друга, выступали люди из толпы. Взирались по плечам на пока-тую крышу автобуса и кричали разное, но в основном слышалось: «Долой КПСС!» — с нажимом на две последних буквы.

Толпа гудела. Ликовала. Пробовали запеть «Подмосковные вечера», но из-за возбуждённого гомона этого не получилось. Людей, как и меня, опьянило, обнимая, радостное предчувствие чего-то большого, громадного, что полностью изменит жизнь. Тревоги не было. Вос-торг переполнял толпу. Толпа всё ширилась, ширилась и росла, вски-пая, как молоко в котле, — наступал конец рабочего дня.

Состояние толпы не было похоже на какую-то агрессивную рево-люционность, на желание противоборства и неподчинения. Люди просто ждали, осознавая, что грядёт что-то такое, что напрочь изменит всё их существование. Я тому свидетель. Душевный подъём был необыкновенный. Мужик, протягивая мне пластиковый стаканчик с водкой, твердил одно и то же:

— Не пройдут коммуняки! Не пройдут, мать иху так!

— Ну-ка, помоги! — сказал я мужику, протягивая ему опустевший стакан, и он, подставив плечо, помог мне взобраться на неустойчи-вую крышу автобуса.

Кто-то сунул мне в руки широкий раструб мегафона:

— Говори! Только громче!..

Я, глотая от волнения слова, кричал о тамбовской солидарности с москвичами, о смычке провинции со столицей. А потом попытался прочитать недавно написанное стихотворение «Самоеды». А что? Внизу, подо мной демократия стояла полнейшая. Правда, мегафон в моих руках невозможно фонил, гудел, повторяя дыхание толпы, но я, возбуждённый всем увиденным и возможностью прочитать столич-ному люду открыто и во весь голос то, что меня волновало и стояло у самого сердца, срывающимся голосом кричал:

*И Закон, и Бога поносили,
Раздувая пламя под избой.*

*Отворяли жилы у России,
Упиваясь кровью и слезой.*

*По рукам пустили на забаву...
Чтобы было горше и больней,
Распинали Родину, как бабу,
На широкой простыне полей.*

*И в казённом пыточном подвале,
Наглотавшись спирту, по ночам
Над парашей руки умывали,
Как и подобает палачам.*

*Спохватились братья-россияне,
Возопив под злобною уздой,
И себя в испуге осеняли
Пятипалой огненной звездой.*

*Где ты, Русь, оплаканная дедом?!
Чьи следы затеряны в снегу?
За спиною встали самоеды,
Доверяя право батогу.*

Мегафон гудел, гудела площадь, и мне пришлось, не дочитав двух последних коренных строк, спрыгивать с импровизированной трибуны.

Несмотря ни на что, состояние моё было чудесным — «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...»

Я не был никаким антисоветчиком и диссидентом, хотя коммунистом тоже не был. Их железобетонная тупая уверенность в своих действиях меня не вдохновляла. К тому же неэффективной экономикой они, то есть руководители страны, доказывали много лет и доказали свою несостоятельность. А как иначе это называть? Без войны страна терпела такую разруху, что надо было вводить карточную систему. То ли антисоциалистический заговор всего Политбюро с генсеком вместе, то ли сплошная шизофрения власти. Кто им мешал хотя бы слегка либерализовать структуру гигантской державы? Глядишь, и не случилось бы того, что случилось. Стояла бы наша многонациональная шестая часть суши крепко и властно. Ведь перед крахом Союза за сохранение единства страны проголосовало подавляющее большин-

ство даже в мононациональных республиках, не говоря уже о русском народе. В любом уголке Союза можно было чувствовать себя, как на своей малой родине, например в Бондарях. Даже в чеченских нагорных селениях, где мне приходилось быть, я всегда встречал дружескую руку и одобрительные гортанные цоканья языком за гостеприимным столом с фруктами, с дивными пахучими травами и, конечно, с вином, непривычным для русского вкуса, но с весьма полезными свойствами для духовного общения.

Что плакать по волосам, когда голова снята...

В тот памятный вечер 19 августа, в год перевертня, перефразируя старую песню, могу сказать: шумел, гудел народ московский. Вместе с ним, московским народом, радостно гудел и я. Коммунистической власти пришёл конец — это уже, опережая события, носилось в воздухе, и эту радость не мог заглушить накатывающийся гром со стороны площади Дзержинского, от «Детского мира». Небо не косматилось тучами и было затянуто белёсой пеленой, куриной слепотой какой-то. Слабо и нехотя моросил дождь. Ждать грозы было неоткуда. Толпа недоумённо крутила головами: что такое?! Но рокот нарастал, как будто оттуда, с гигантской площади, поднялся на форсаже рой реактивных истребителей. «А-а-аа!» — волной прокатилось по толпе. Неожиданно появились в оранжевых безрукавках несколько дорожных рабочих с ломami и стали зачем-то выворачивать бордюрные камни. Камни сидели так плотно, что стальные стержни в руках рабочих упруго прогибались. Но вот один камень отвалился, за ним другой, третий... Люди, охочие до всяких дел, стали перетаскивать тяжёлые блоки на середину улицы. Я, подхваченный какой-то суетливой лихорадкой, кинулся помогать им, не вполне уяснив, в чём дело?

Но вот в широкой горловине проспекта Маркса, то и дело ныряя носом, на огромных роликовых коньках как с конвейера катились, страшно и неотвратимо, бронированные машины пехоты с длинноствольными пулемётами на платформах — чудовищные марсианские единороги.

Мне действительно стало страшно. Машины казались тупыми недоумками-пришельцами из другого мира в стройном, упорядоченном мире городского пейзажа.

Народ, собравшийся уже достаточно, чтобы затопить собой широкий рукав проспекта, шумно ахнул, располосившись по обе стороны проезжей части. Машины катились на малой скорости, но от этого исходящая от них рыкающая опасность была не менее роковой.

Я впервые, не на киноэкране, а въяе увидел неотвратимость беды, и мне стали до боли понятны чувства оккупированного чужой силой народа. Эти рокочущие громадины стали для меня инородны, как будто это вовсе и не наша родная армия-защитница, а вражеская.

Но я поспешил со своими выводами.

Подпрыгнув несколько раз на бетонных блоках, раскинутых на проезжей части улицы, броня остановилась. Из башни, как из канализационного люка сантехник, выбрался в чёрном комбинезоне военный, судя по внешнему виду — офицер, и, что-то крикнув в чрево машины, снял свой ребристый шлемофон. Лицо его было озабоченным. Черные потёки пота избороздили его скулы и состарили. Выпоставшись полностью из машины, он уселся на броне, покатою, как крыша сарая, и вытянул затёкшие ноги. Откуда-то в руках женщин из толпы появились поздние садовые цветы, и головная машина с уставшим на ней офицером была закидана жёлто-розово-красным цветом. Затем туда же полетели разноцветные пакеты с чем-то съедобным.

Офицер, вытянув обе руки навстречу толпе, проговорил хрипло:

— Родные, славяне, земляки, что же нам делать?

— Сынок, — кричали из толпы, — с народом не воюй! Стой как стоишь и своим солдатам прикажи! Тебе ничего не будет!

На шум выдернули круглую, как капустный кочан, голову механик-водитель, совсем ещё мальчишка, салажонок. Ему стали совать в смотровой люк блоки сигарет, конфеты. Конфеты сыпались на броню, падали на землю. Солдат, не обращая внимания на сладости, блаженно улыбался, с удовольствием потягивая ароматный дым непривычных дорогих сигарет. Он, казалось, совсем забыл про устав. Забыли про устав и все те, кто шёл колонной за головной машиной.

Женщины, раскинув руки, припадали к разогретой броне, обнимали её, смеялись.

Действительно, умри — лучше не скажешь: народ и армия — едины!

Люди, окрылённые первой настоящей победой, почувствовали свою силу: всколыхнулись, загудели и, как стая осенних птиц на перелёте, руководимая не вожаком, нет, а неизвестной, неизъяснимой силой, биотоков что ли, повернули вверх по улице Горького.

— К мэрии! К мэрии! — раздавалось со всех сторон.

Вот уже новое модное слово! Хотя «Моссовет» более привычное для того времени, но все почему-то кричали: «Мэрия! Мэрия!»...

И вот уже в широком каменном горле заклокотало, вскипело чёрным крошевом и понеслось гулко и просторно. На мостовой ни ма-

шин, ни других движущихся механизмов не было. Со всех сторон это людское крошево примешивалось ещё, и ещё, и ещё.

Я, подчиняясь инстинкту толпы, тоже кричал что-то, перемещаясь вверх по улице то короткими перебежками, то шагом, напрочь забыв о том, что в кармане лежит билет до Тамбова. Сумерки уже сгущались. Где-то сбоку снова зарокотало, зацокало железо о камень.

— Танки! Танки! — и толпа, снова вскипев, побежала. — К мэрии! К мэрии! Они не пройдут!

Кто это «они» — было уже ясно.

Увидев здание Главтелеграфа, я вдруг вспомнил себя и сходу свернул туда, чтобы позвонить домой, в надежде задержаться в Москве. Но в трубке, там, с другого конца провода, раздалось короткое и достаточно ясное слово. Встревоженный голос жены привёл меня в чувство. Спорить — себе дороже. Времени до отправления поезда почти совсем не оставалось, и я, немного помешкав, провалился в метро, досадуя на свой податливый характер.

В поезде все разговоры сводились к одному: кто кого повалит — коммунисты демократов или наоборот?

На другой день вся великая страна была прикована к голубому экрану. Там, в столице, происходило невероятное — путч проваливался. Все ждали чуда. Радовались за победителей. Наконец-то страна будет жить по человеческим законам, как большинство стран в мире, нормальной жизнью. А как же?! Ведь победил народ!

Но действительность оказалась более прозаической, неожиданной и трагичной. Как тут не вспомнить строчки Николая Рубцова: «Всё было весёлым вначале, всё стало печальным в конце...» Могучий Советский Союз, раздираемый местными партийными князьками, пал в одно мгновение, как загнанная лошадь. И начался вселенский жор. Власть имущие, потеряв остатки совести, вместе с уголовным отребьем глотали и не давились. Глотали и не давились, оставив с носом тех, кто создавал материальную основу страны, кто действительно устал от коммунистов и их бестолковщины.

В наши дни совершилось то, о чём писал бунтарный Бакунин около века назад: «Нам надо войти в союз со всеми ворами и разбойниками русской земли». Правда, Бакунин отрицал собственность в теории, а сегодняшние кумиры отрицают чужую, кровную собственность, на практике: «Вам не положено! Отдай!»

Страна, нет, вернее часть страны, её большая часть, повернула так круто, что сразу же забылись все нравственные нормы и предвари-

тельные обещания властей.

Деньги — это воплощение материи в знаках, а материя, как известно, не исчезает и не возникает вновь, она только видоизменяется. Если где-то прибавилось, то должно где-то на столько же убавиться. Это знали так давно, что и говорить не надо...

Грустно. После десятилетия монетарного государства у меня написались следующие стихи:

Живая вода

*Блюминги, слябинги, домны, мартены,
Живая вода в решетке...
Всё это Ивана, сына Матрёны,
Того, кто живёт во тцете.*

*В домнах чугуна, а в мартенах — железо,
В скважинах нефти потоп.
Иван оглянулся — всё мигом исчезло,
Осталось в руках решето.*

*Зелёная медь орденов и медалей...
Ивану награды — не впрок!
Пришли говорливые люди и дали
Кличку Ивану — «Совок!»*

*Потом заманили в словесные дебри
И разум за ум завели.
Иудины дети, полпреды отребья
И новых вождей холуи.*

*Блюминги, слябинги, домны, мартены,
Нефть, как живая вода —
Всё это Ивану, сыну Матрёны,
Уже не видать никогда.*

*— Врёте, поганцы! Ещё ведь не вечер! —
Ему донеслось от молвы.
Поднялся Иван, распрямил свои плечи...
Глядь, а он ниже травы.*

*Что за колдун запредельного края?
Чья на тебе ворожба?
Крестная сила да сила земная,
Трёхперстьем своим отмахни ото лба.*

*В миг расползутся жуки-скарабеи.
Конь под Иваном порвёт удила.
Медленно-медленно силушка зреет,
Скоро вершатся дела.*

«Запад нам поможет!» — эта крылатая фраза звучит теперь как издёвка. Они там знают, хорошо наученные нашим опытом, что критическая масса, как в атомной бомбе, грозит большими последствиями, и поэтому и бюргер, и рабочий, и фабрикант сплотились в единую неделимую на классы нацию, где каждый чувствует не показную нищенскую, а настоящую заботу своего государства о судьбах своего народа.

Я не ретроград и вовсе не тоскую по коммунистическому прошлому, но справедливость в обществе, тем более демократическом, должна стоять на первом месте. Это так, что бы ни говорили о сегодняшних успехах построения светлого капиталистического завтра.

Людмила КОТОВА

РАССУЖДЕНИЯ МЫСЛЯЩЕГО ДИЛЕТАНТА

Страшилка под названием «Озоновая дыра»

Не знаю, как у вас, а у меня кое-какие знания из школьного курса физики и химии сохранились в памяти. А лет несколько назад среди массы населения усиленно начали распространять страшилку об озоновых дырах. Вроде как они над полюсами, эти дыры, образовались и теперь расширяются, а человечество своими безрассудными действиями ещё и истончает озоновый слой, который, находясь в верхних слоях атмосферы, уберегает Землю от пагубного воздействия космической радиации. Ну примерно так.

А может, всё-таки поднапряжём мозги и вместе вспомним школу? Да и учебники физики и химии наверняка отыщутся где-нибудь поблизости, если памяти своей не доверяете. Что говорится об озоне в пределах школьной программы? Что он образуется из атмосферного кислорода во время грозы. То есть наш привычный O_2 под действием высокоэнергетической молнии превращается в O_3 . Итак, основные условия: наличие молекулярного кислорода и энергетическое воздействие достаточной мощности.

Что мы имеем в верхних слоях атмосферы? Озоновый слой. Откуда он взялся и почему, учитывая, что озон тяжелее кислорода, этот слой вверху, а не внизу? Кто такой добрый нашёлся, что поместил его там и удерживает как щит?

Людмила Котова родилась в посёлке Инжавино Тамбовской области. Окончила Московскую сельхозакадемию им. К. А. Тимирязева.

Автор трёх поэтических сборников, изданных в Москве и Тамбове.

Член Союза писателей России с 2001 г.

На самом деле дело обстоит диаметрально противоположно. Никакого чуда, никакого вмешательства благосклонных к землянам высших сил. Всё гораздо проще, всё элементарно, всё согласно законам физики и химии. Тот кислород, который находится в самых верхних слоях, первый (вместе с другими газами, входящими в состав воздушной оболочки) соприкасается с жёстким ультрафиолетовым излучением солнца. От этого взаимодействия он превращается из O_2 в O_3 , то есть озон. А солнечные лучи проникают всё глубже, всё ближе к поверхности земли. Но каждое столкновение с молекулами кислорода приводит к качественным изменениям и кислорода, и этих летящих солнечных лучей. Они, совершая физико-химическое превращение с атмосферным газом, сами *теряют энергию* и становятся менее агрессивными. И этот процесс «производства» озона из кислорода заканчивается тогда, когда энергии солнечных лучей становится недостаточно для его осуществления. Что получается: защитником Земли на самом деле является кислород, а *озон* — *лишь результат* воздействия на кислород жёсткого космического излучения.

А как же пресловутые озоновые дыры над полюсами? Кислород-то во всей атмосфере присутствует. Почему же он там не образует озонового слоя? Только давайте вспомним, что за полярными кругами солнца по полгода не бывает. А когда оно появляется в период арктического (или антарктического) лета, то не так уж высоко поднимается над горизонтом. И значит, солнечным лучам в это время приходится преодолевать более толстый слой атмосферы и оставлять свою энергию большей частью «на входе», в малой степени затрагивая территорию заполярья.

Вас всё ещё пугают озоновые дыры?

Физика и лирика

Когда мне приходится рассказывать своим ученикам о значении ритма в стихосложении, я обязательно прошу их вспомнить о физическом явлении резонанса. Скажете, при чём тут физика? Ну, это моя теория, но, по-моему, она близка к правильному состоянию дел и может объяснить одну из причин такого необычного воздействия стихов на слушателей и читателей.

А теория моя такова. Всё-таки давайте я вам напомним о резонансе

в общих чертах. Явление резонанса состоит в резком увеличении амплитуды, как бы размаха, колебаний при совпадении частот двух колебательных процессов. Может быть, помните пример о солдатах, идущих строевым шагом по мосту? Мостик-то рухнул — такая сила появилась от этих равномерных ударов солдатских ног о раскачивающийся мост. Задавая какой-то конкретный ритм своему стихотворению, поэт как бы настраивает на эту частоту и внутреннее состояние читателя или слушателя. Одна строка, другая, третья... И вот уже две человеческие души — автора и читателя — какое-то время живут в одном ритме, и тогда сила восприятия, сила воздействия ритмической строки резко увеличивается.

И вдруг — поэт потерял бдительность и допустил «ляп», сбой в ритме. Читатель тут же «споткнётся» — и волшебство разрушено. Магия ритмичных строк такова, что иногда даже заставляет поверить тем словам, фразам, идеям, которым не удалось бы убедить в своей правдивости, будь они изложены в виде прозы.

Ну и как вам такой союз физики и лирики?

О «братьях наших меньших»

Честно скажу, раздражает меня это выражение ужасно. Но человек, он такой. Не смотрит, что появился на этой земле одним из самых последних. Он, видите ли, венец творения, а поэтому все остальные представители живого — так, в младшеньких. По статусу, мол, им старшими и более разумными быть не положено. И поэтому можно этак снисходительно-жалеючи именовать кошек и собак, бабочек и птичек «братьями меньшими». И уж какой там разум у животных?! Так, на уровне инстинктов. Ну-ну... Что-то сильно я сомневаюсь, что эти «меньшие» намного глупее нас, людей. Примеров тому хоть отбавляй. А по большому счёту человек отличается от остальных животных (не считая, естественно, чисто внешних особенностей) только наличием членораздельной речи. Да и то, кто поручится, что неотличимые для людского понимания звуки, издаваемые другими животными, не содержат в себе достаточное количество оттенков для понимания представителями того же вида. И хотя считается, что человечество, научившись говорить, поднялось в развитии на ступеньку вверх, не исключено, что оно просто сделало шаг в сторону, потеряв способ-

ность к иным способам общения.

Кстати, об инстинкте. Не задумывались, что это за «зверь» такой, где обитает? Общеизвестно, что вся информация о живом организме содержится в молекулах ДНК. И каждая клетка несёт в себе эту полную информацию, в любой клетке организма содержится весь набор знаний о нём. Не логично ли предположить, что и разум, а может быть, и сама душа находятся там же, в молекулах ДНК? Ведь посмотрите, как разумны процессы, проходящие в клетке! Чем иным можно объяснить, почему клетка делится? И ладно бы в составе многоклеточного организма (можно предположить, что приказ исходит из центральной нервной системы, например), но одноклеточные амёбы — им-то кто подсказывает, как жить? Не является ли этот разум именно тем, что мы называем инстинктом? В последнее время много говорят о едином информационном поле планеты, космоса. А может, оно действительно существует, и это существование объясняется именно тем, что каждая клетка каждого живого организма построена по одному и тому же принципу и несёт в себе «единицу разума», «единицу души»? И эти «единицы», объединяясь, становятся и отдельной душой человека, животного, растения, и составной частью души вселенной.

«Что такое хорошо...»

Незабвенный Владимир Владимирович в своё время на конкретных примерах давал детям первое представление о плохом и хорошем. А далеко ли мы, взрослые, ушли в своём понимании добра и зла от тех детских представлений? У меня порой возникает такое ощущение, что многие солидные, умные вроде бы люди так и не научились до сих пор принимать относительность происходящих процессов, так и стремятся к однозначным определениям: хорошо, плохо.

К тому же человек даёт оценку «хороший» или «плохой» тому или иному предмету или живому организму в зависимости от того, что лично он получает в процессе взаимодействия: вред или пользу. И не важно, что после этого достаётся противоположной стороне: дерево можно спилить, курицу зарубить, целину перепахать... Выходит, понятия «хорошо» и «плохо» чисто субъективны, относительны и не являются чем-то, существующим вне того, кто даёт эту оценку (естественно, речь идёт как об отдельном индивидууме, так и об общности людей).

А можете ли вы дать объективное определение добру и злу? Являются ли добро и зло *объективной реальностью*? Существуют ли в «чистом», в «абсолютном» виде? Почему-то я склоняюсь к мысли, что это такие же субъективные, относительные понятия, как «хорошо» и «плохо»: ведь любой предмет и любое действие этого предмета содержат в себе и плохое, и хорошее, несут в себе и добро, и зло.

Тогда к чему высокие рассуждения о борьбе с вселенским Злом, о необходимости победы Добра в этой «непримиримой» борьбе? Всё едино и взаимосвязано, и победа чего-то одного — это и одновременная гибель побеждённого и победителя.

Но ведь для чего-то появились такие понятия в человеческой морали? А мораль эта выражает интересы большинства. Ведь если кому-то одному хорошо вследствие совершения какого-либо поступка, а кому-то другому, тоже одному, от этого плохо, то дать оценку случившемуся с точки зрения морали очень сложно. А вот если поступок индивида вредит большому количеству людей, принося пользу только самому действующему лицу, тут уж никаких сомнений не возникает, и оценка общества будет однозначной: плохо.

То же и в оценке действия групп людей. Например, наиболее яркие проявления того, что мы называем злом: фашизм, терроризм. При взгляде изнутри представители этих общностей людей оценивают свою деятельность как положительную. Но с общечеловеческой точки зрения — бесспорное отрицательное отношение. И какой же напрашивается вывод? Лично меня эти рассуждения привели вот к чему. Во-первых, эгоизм, т.е. действия только в интересах индивида, в ущерб другим индивидам, однозначно с точки зрения человеческой морали «плохо». Во-вторых, «хорошо» — это то, что отвечает интересам большинства, то, что делается во благо большинства. А теперь еще один шаг. Только вначале решите для себя, согласны ли вы с моими предыдущими выводами, достаточно ли логичны эти выводы с вашей точки зрения.

Итак, из вышесказанного вытекает правомерность приоритета общественных интересов перед личными. И правомерность приоритета интересов большинства перед интересами меньшинства. А это как раз те моральные принципы, которые нам прививали в эпоху социализма. И это как раз те выводы, которые оправдывают и социалистическую революцию, и вынужденное ущемление прав меньшей части населения в интересах подавляющего большинства.

Татьяна КРОТОВА

ЖИЛ НА ЗЕМЛЕ ПОЭТ...

Памяти С. Милосердова

Жил в старинном русском городе Поэт. Он ходил по обыкновенным улицам, жил в самом обыкновенном доме, работал в обыкновенной газете. Как все, он ходил на работу с большим портфелем, ездил в командировки, приходил домой усталый. Но он был Поэт, стихи жили в его доме, стучались в окна летним дождиком, звали на зеленый простор. Поэт любил побродить по лесам и лугам, по зеленым нешумным городским улицам, постоять на высоком берегу извилистой реки. И здесь прилетали к нему из заречных далей стихи, просились на бумагу. А дома Поэт садился за свой большой вместительный письменный стол, зажигал уютную зеленую лампу, и рифмы слетали с его пера. Он зачеркивал и снова писал, и так незаметно текли часы, и Поэт не замечал, как наступало утро, и надо было идти на работу, и жена Поэта мягко касалась его плеча и говорила: «Пора».

Поэт считал себя счастливым человеком. У него была любимая семья, у него было много друзей и знакомых. Одни говорили — какой он хороший поэт, другие — какой прекрасный журналист, третьи — как он чувствует природу, но все вместе знали, что у него прекрасное, большое и доброе сердце. Но главное — у него были его стихи, с которыми он дружил, которым доверял. Его стихи печатали в газетах и сборниках, в них жили березы, птицы, бескрайние поля, река, тихие улицы любимого города. И в них жили люди — живые, с их заботами, печалью и радостями.

Татьяна Кротова, сотрудница областного архива, уже немало лет посещает заседания литературной студии «Радуга» при Тамбовской писательской организации, хорошо помнит времена, когда руководил ею ещё Семён Семёнович Милосердов.

Стихи Татьяны публиковались в областных газетах и альманахах.

Судьба Поэта была нелегкой, но, наверное, чем тяжелее жизненные испытания, тем ярче раскрывается настоящий талант. Поэт любовался жизнью и умел как никто другой, воспеть красоту родной земли. А еще — он любил людей и в каждом человеке умел найти что-то хорошее.

Но было у Поэта и то, что отличало его от других поэтов, — у него были ученики. Они были разные — молодые и пожилые, мудрые и неопытные, талантливые и не очень, но объединяло их одно — любовь к Поэзии.

Он приходил к ученикам с большим портфелем, наполненным рукописями начинающих поэтов, и терпеливо учил их — не поэзии, нет, ведь этому нельзя научить, — он учил чувствовать поэзию, любить и понимать Слово, искать и находить образы и бережно опрашивать их в стихотворные формы. И думать, работать, возвращаясь к написанному, переписывая заново и отшлифовывая мысли, рифмы, слова и звуки... Он говорил: «Никто не даст вам пропуск в литературу. Но большую литературу делают не только те, чьи имена на слуху». И первый сборник стихов молодых поэтов, напечатанный на простой пишущей машинке, с вклеенными фотографиями авторов, сделал сам Поэт. И ученики любили Поэта, так, как любят своего главного Учителя.

Он не терпел графоманства и пустословия, общих слов и штампов. А еще он говорил, что надо торопиться — торопиться жить, работать, любить, творить, потому что так мал человеческий век, — как будто сам предчувствовал, что ему отпущено судьбой не так уж много времени на Земле...

И была у Поэта своя тайна. Много лет он хранил ее в самом дальнем уголке своего письменного стола. Это был его личный архив, и никто никогда не видел его. Когда-то давно, в юности, как многие тысячи людей в его стране, Поэт стал жертвой несправедливого приговора неправедной власти по политической статье. То, что пришлось ему пережить, он доверил только своим стихам, которые никому не показывал — это было опасно. Но прошло время, пришли новые поколения, и у людей стали открываться глаза и сердца, и многие стали осознавать всю тяжесть и ужас совершенной тогда несправедливости. И пришла пора людям услышать стихи, которые так долго жгли сердце Поэта.

...Поэт держал в руках стопку листков, исписанных летящим почерком, и думал. Перед его мысленным взором проходили те давние события, тяжкие годы заключения, и он опять ощущал, до боли, до

дрожи, всю несправедливость содеянного с миллионами людей. И к нему пришло решение: поделиться своей тайной с теми, чьи мысли и чувства казались ему созвучными его собственным, — с учениками.

...Поэт читал стихи, написанные когда-то кровью и болью, такие пронзительные, горькие, щемящие и перехватывающие горло строки. «Не таю обиду, не таю на деревья в лагерном краю...» Он стоял перед ними, такой открытый, такой беззащитный, и ему казалось, что сердце сейчас разорвется от той, когда-то пережитой боли. Он смотрел в глаза людей и видел в них страх и смятение. Но звенел голос Поэта, и в распахнутых глазах страх и смятение сменялись болью откровения, гневом и пониманием.

Смолк голос Поэта... И была такая тишина, как будто космический холод сковал и людей, и сам воздух. И вдруг... словно шквал пролетел по залу, поднимая всех в одном порыве, сметая страх и сомнение, и Поэт утонул в море аплодисментов. Он закрыл лицо рукой, в его глазах стояли слезы.

...А на другой день Поэта не стало — не выдержало сердце. В его дневнике нашли запись: «Наверное, я не зря прожил жизнь — ради тех глаз, ради тех сердец, в которые я смог заронить искру любви, милосердия и справедливости...»

Живут стихи Поэта, дарят людям добро и любовь. Живут его ученики и несут по свету искры большой и доброй души Поэта.

«Группа 17»: что это такое?

Два года назад в России появилось новое литературное объединение «Группа 17». Инициатором её создания стал московский писатель и издатель Пётр Алёшкин, уроженец Тамбовщины. Манифест группы подписали 17 писателей, поэтому она так и называется. Сейчас в неё входят свыше пятидесяти литераторов не только из России, но и живущих за рубежом, и она постоянно пополняется.

Объединяет всех этих писателей то, что почти все они принадлежат к **незамеченному поколению**. То есть их литературная молодость, когда они начали активно работать в литературе, выпускать свои первые книги, совпала с перестройкой. В те годы нахлынул из-за рубежа вал «возвращённой» литературы, которая полностью завладела вниманием и читателей, и критиков. Потом начались реформы, тиражи серьёзных книг упали, и произведения, издававшиеся в провинции, перестали доходить до Москвы и до всероссийского читателя. Они прошли мимо солидных толстых журналов и внимания критики.

Одна из особенностей «Группы 17» состоит в том, что писателей из Москвы в ней мало. Основной костяк из провинции. И все они реалисты традиционного русского направления.

«Группа 17» уже заявила о себе на крупных международных книжных форумах последнего времени в Париже, Франкфурте-на-Майне, Пекине, где Россия была почётным гостем. Западные газеты пишут об этом так: «Наконец-то из России подул свежий ветерок». Членам группы из Белгорода, Перми, Новосибирска и других глубинных городов помогают выехать на эти Международные книжные ярмарки местные власти, понимая, что каждый писатель из «Группы 17» представляет не только себя, но и весь свой регион, литературу своего края. К сожалению, ни на одной ещё не было представителя из Тамбова.

В ближайших планах группы издание своего альманаха и открытие издательства.

Манифест «Группы 17»

Русская литература стала великой после того, как русские писатели XIX века, начиная с А. С. Пушкина, реалистически воссоздали в своих произведениях окружающую их действительность, показали то, что радовало или огорчало их современников, предельно правдиво рассказали о страданиях и радостях живущих рядом с ними людей, вызвав тем самым у читателей сострадание униженным и оскорбленным.

Благодаря произведениям великих писателей-реалистов весь читающий

Экслибрисы писателей

Не так давно в Тамбове вышла книга художника Владимира Беркетова «Экслибрисы». Среди прочих в неё вошли и книжные знаки тамбовских писателей.

Представляем их вниманию читателей «Тамбовского альманаха».

Будни и праздники

В Тамбовском драмтеатре поставили спектакль «Хомо эректус» по пьесе Юрия Полякова. На премьере в Тамбове, которая прошла при аншлаге, побывал автор. Писателю, драматургу и главному редактору «Литературной газеты» понравились как сам старинный русский город Тамбов и его гостеприимные жители, так и искромётная постановка Тамбовского облдрамтеатра.

Несмотря на жёсткий график пребывания в Тамбове, Юрий Михайлович выкроил время для встречи с тамбовскими прозаиками и поэтами — членами Союза писателей России. Беседа получилась интересной и насыщенной. В заключение встречи состоялся обмен памятными книжными дарами: председатель Тамбовского отделения СП России Николай Наседкин вручил гостю сборник «Тамбовский писатель-2004», первый номер «Тамбовского альманаха» и только что родившуюся тамбовскую «сестру» «ЛГ» газету «Цнинские просторы». Юрий Поляков подарил тамбовским литераторам свежий сборник своей публицистики «Зачем вы, мастера культуры?»

* * *

Вручены областные премии 2006 года, в том числе и в области литературы и искусства. Премию имени Е. А. Баратынского получил поэт Евстахий Начас; премию имени А. К. Воронского — прозаик и публицист Валерий Аршанский.

* * *

В настоящий литературный праздник превратилось празднование 60-летнего юбилея известного далеко за пределами Тамбовщины поэта Александра Макарова. В гости к юбиляру в райцентр Староурьево прибыл целый десант литераторов и деятелей культуры из Тамбова во главе с начальником областного управления культуры и архивного дела Сергеем Чеботарёвым и председателем правления Тамбовского отделения СП России Николаем Наседкиным. Чествование А. Макарова состоялось в стенах районного музея. Среди подарков, по признанию самого юбиляра, наиболее ценным для него стал привезённый из типографии тираж его нового поэтического сборника «Музыка жизни», изданного на средства областной администрации.

* * *

На прошедшем недавно общем собрании тамбовских писателей была принята в СП России Мария Знобищева, получив почти единодушное «за» при голосовании. В этом не было бы ничего необычного, но дело в том, что юной поэтессе всего 19 лет, так что случай вполне уникальный. Маша — студентка 3-го курса университета. Она была участницей форума молодых литераторов в Липках и слёта «Дети Солнца» в Москве. У неё только что вышел уже пятый сборник стихов — «Зелёная волна», а журнал «Наш современник» в своём юбилейном 10-м номере представил Машу Знобищеву всероссийскому читателю подборкой стихов.

* * *

Не часто писателя из провинции приглашают за рубеж. В октябре такое предложение из Черногории получил тамбовский прозаик и литературовед Николай Наседкин. Там выпустили в переводе на сербский его энциклопедию «Достоевский» (до этого вышедшую в московском издательстве «Алгоритм») и пригласили автора на презентацию. Литературный вечер состоялся в стенах Подгорицкого университета. На следующий день Николай Наседкин выступил перед студентами и преподавателями с лекцией о творчестве Достоевского.

Литературно-художественное издание

ТАМБОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 3 (апрель 2007)

Компьютерная вёрстка и дизайн – **Н. Наседкин**
Корректор **Н. Загороднева**

Подписано в печать 20.11.2006 г.
Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 16,0.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство Тамбовского отделения ОООП «Литфонд России»
392602, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14.
Тел. 53-50-77; 72-70-32
E-mail: postmaster@mar.tstu.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в открытом акционерном обществе
«Тамбовская типография “Пролетарский светоч”»
392600, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14а.

**Издательство
Тамбовского отделения ОООП
«Литфонд России»**

Издание книг, брошюр, каталогов

**БЫСТРО,
КАЧЕСТВЕННО,
ЗА УМЕРЕННУЮ ЦЕНУ**

Наш адрес:

392602, г. Тамбов,
Моршанское шоссе, 14, оф. 71

Тел. 53-50-77; 72-70-32

E-mail: postmaster@mar.tstu.ru